

Станислав Малозёмов

нечеловеческий фактор

Станислав Борисович Малозёмов

Нечеловеческий фактор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70524502

SelfPub; 2024

Аннотация

В описанной истории изменены только фамилии и бортовой номер самолёта. Некоторые второстепенные участники полёта придуманы для раскраски повествования. Остальное реально произошло ночью со второго на третье января тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рядом с посадочной полосой аэродрома Алма-Аты. Сколько написано – столько и погибло. Сколько написано – столько выжило. И довёл полёт до катастрофы, если разобрать событие по совести, один человек. Шарипов. Остальные трусили и ему, начальнику из Главного управления, всё же подчинились.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	36
Глава четвёртая	50
Глава пятая	66
Глава шестая	84
Глава седьмая	99
Глава восьмая	115
Глава девятая	134
Глава десятая	155
Глава одиннадцатая	172
Глава двенадцатая	189
Глава тринадцатая	203
Глава четырнадцатая	217
Глава пятнадцатая	233
Глава шестнадцатая	248
Глава семнадцатая, заключительная	264

Станислав Малозёмов
Нечеловеческий фактор

Глава первая

Вертолёт МИ-1 упал на лёд Бухтарминского водохранилища, которое от Усть-Каменогорска тянулось до Китая, рано утром первого января 1965 года. В этом месте схоронилось на краю тихой бухты «Голубого залива» егерское хозяйство «Вебрь» с пятью гостевыми домиками из бревна, банькой осиновой и саманной хаткой егеря. Сюда очень большие и счастливые возможности закидывали на гулянья по поводу разных достойных событий всяких «тузов», «королей» и «разномастных «дам» из колоды советских республиканских или областных правителей.

Вертолёт поутру полетел в Усть-Каменогорск за председателем «облсовпрофа», который тридцать первого к отлёту на Бухтарму не успел вернуться из Алма-Аты. Он там вечером из рук первого секретаря получал орден «Знак Почета» за верность идеалам и доблестный труд во имя коммунизма, после чего засиделись за коньячком.

Взлетел «Ми -первый» со снежного наста вроде нормально, но через пару минут его почему-то понесло влево и он с пятиметровой высоты вписался в обрыв берега на скорости девяносто километров в час. Кроме пилота в машине никого не было, ночью он не пил, поэтому в кабине вел себя разумно. Пристегнулся, да в момент удара успел согнуться и зацепиться руками за педали. Потому даже шишку не набил. Но

хоть серьёзным крушением инцидент назвать было бы слишком громко, лётчик сообщил в Алма-Ату, в центральный аэропорт, к которому приписана машина, об аварии. Винт помялся вместе с автоматом-перекосом, и бок правый вдавило ударом внутрь, шасси отвалились. По-любому должна была прилететь комиссия и причину установить, чтобы знать, за что и насколько крепко летуна наказать, раз уж выжил.

Начальник порта Геращенко в десять утра отmaterил заместителя директора технического сектора за неприятный звонок послепраздничный, когда похмельный народ только упал спать после новогодней ночи, но потом взял рацию, разбудил начальника лётно-штурманского отдела Управления Гражданской авиации Байрама Шарипова и назначил его председателем комиссии по расследованию причины падения «вертушки».

– Ты живых после пьянки собери, Боря. – Попробовал он отдать приказ ответственным голосом. – Ну, человека четыре минимально. Двое пусть сейчас летят на место из Устькамана. И чешите туда пошустрее. У нас какой рейс ближний на Усть-Каменогорск?

– Московский. Семьсот третий. «ТУшка сто четвёртая», – Байрам спать лёг час назад. И только заснуть успел перед чириканьем рации. Последний гость, Володя, призёр олимпийских игр по лыжам, ушел с женой около восьми. – Я одеваюсь уже, «волга» моя во дворе, так что все соберёмся в порту через час. Как раз перед посадкой на семьсот третий.

– И сразу обратно. Я завтра на работе. Доложишь, – рация хрюкнула и замолкла.

– Какой там козёл после бессонной ночи триндит? – нежно, но нервно крикнула из спальни Анель. Новая жена Байрама. Месяц только прожили. С Галиёй, матерью двух маленьких Шариповых, Алима и Хайдара, Байрам разошелся полгода назад. Ей нашептали люди добрые, что муж «отвязался» и вразнос гуляет с девочкой из отдела местных авиалиний Анель Хабаровой. Замуж она ещё ни разу не влетела в свои двадцать три, но пару лет назад была плотно прихвачена в качестве неформальной спутницы весёлой жизни командиром борта 75158, сорокатрёхлетним Мишей Шуваловым, чей «ИЛ 18», носился каждый день из Алма-Аты, через Семипалатинск в Москву и обратно. Шувалов в отряде считался квалифицированным бабником. С ним отгуляли свои сроки с десятков стюардесс, радистка, диспетчер Катя, зам.начальника общей кассы Игуменова и не аэропортовских- тоже куча. Поэтому переход Анель к Шарипову он принял легко, как несущественную закономерность. Чин у Байрама повыше, зарплата больше. Уход лучше.

Байрам глазами съел Анель вместе с лётной формой через пять минут после того, как увидел её на общем собрании, куда она пришла впервые, и легко даму молодую-красивую у Миши отнял на следующей неделе. Или отбил. Миша процесс равнодушно отметил, но понять и не пробовал. Сам видный сорокалетний Шарипов имел строгую мужскую кра-

соту, очень острый выразительный волевой взгляд, высокий рост и уважение всего порта за ум, интеллигентную наглость, силу физическую, крепость духа и умение со всеми ладить настолько, что ему невольно поддакивали даже те, какие по работе никак от него не зависели.

Галия не стала с Шариповым обмениваться словами, а за день, пока он трудился начальником, собралась и с пацанами переехала жить на общую их двухэтажную дачу. Всем начальникам порта Глава республиканского Управления построил сразу за аэропортом посёлок, в котором имелось всё, как в успешном райцентре. Дома и участки свои начальники по бумагам как бы кооперативно выкупили. Так оформили наличие собственных домов.

Хотя никто, конечно, лично и копейки не платил. Управление потратилось. Но дома получились добротные, а жена Шарипова была даже рада поводу с Байрамом без ссор разбежаться. Для семейной жизни этот мужик был не годен. Её за пару лет из восьми, мелькнувших после свадьбы, разлюбил, а детей полюбить вообще было некогда. Как и за домом ухаживать. Он играл на бильярде с начальством в клубе «Авиатор» и мечтал возглавить весь аэропорт. По этой причине часто и много пил с руководством, отдыхал с ним же в гостинице на Медео и дома появлялся как привидение. Никого не трогал, но видом своим всех слегка пугал и сильно радовал когда снова куда-нибудь быстро исчезал.

В общем, за три месяца Шарипов охмурил девочку Анель

так мощно, что она сама попросилась стать его женой.

– Галия у тебя хорошая женщина, – говорила она и гладила Байрама по волосатой груди. – Но она старше тебя, ей сорок три. А это неприлично и противоестественно. Жена должна быть моложе, чтобы было чем соблазнять подольше. Она капризной быть должна, как я хотя бы. Это мужчину подстёгивает как камча коня. А Галия твоя тебе покорна, говорят, как корова пастуху. И потому твоя жизнь с ней вроде резины. Тягучая, но уже и тянется с трудом, да?

Влюбившийся Байрам кивал головой и мял возлюбленную со всех сторон как гуттаперчевую игрушку. С детским упорством и полноценным мужским наслаждением.

– Авария в Устькамане, – С недовольным лицом сказал он, надел тёплое синее форменное пальто с тремя серебряными стрелками на погонах и рукавах, аккуратно, чтобы не слишком мять блестящий волос, покрыл голову шапкой. – Вертолёт гробанулся наш. Лётчик живой, но машину уделал в хлам. Меня назначили председателем комиссии. Мы там быстро всё разберём. Я имею в виду ситуацию. Потом на час заскочу в Семипалатинск, заберу лично документ один. Его по почте не хотелось бы отправлять. И завтра вечером я уже дома, плюшка ты моя сдобная с марципаном!

– Ой! Целых, считай, два дня без тебя! – почти естественно тоскливо, почти даже горестно заныла Анель. – Ну, давай поскорее. Одну бросаешь меня. Вдруг нападёт кто? Или украдёт? Нет, я с тоски помешаюсь рассудком. И будет у тебя

безрассудная девчушка-женушка! Вот нам обоим это надо?

– Всё, всё! – Шарипов прикоснулся губами к её шее, вдохнул остаток аромата вчерашних духов «Climat», картинно отпрянул как от колдовского чуда-чудного, махнул рукой и выбежал из квартиры.

Возле подъезда прощались, опохмеляясь шампанским из горла и обнимаясь, Толя Зайцев со второго этажа и его друг, тоже инженер-проектировщик «Казгипрокоммунхоза». Вся площадка перед подъездом покрылась за ночь пёстрым слоем конфетти и змейками серпантина. Красиво смотрелось, но праздник-то уже кончился.

– Вот это уберите, – сказал Толе Шарипов на ходу. – Как в детском саду, мать вашу за ногу. Вон напротив дом. Так ведь чисто возле входа. Культурный народ в том доме. Хоть он и ведомственный, мясокомбинатовский. Вам перед мясниками не стыдно? Инженеры же, не хухры-мухры!

– Боря, допьём, Юрка уйдет, а я всё подмету. Пацаны молодые резвились тут с девчонками. Не переживай, почищу всё! – уважительно отозвался Зайцев.

– Ну, с Новым годом! – Шарипов оглянулся, но шаг ускорил. – Побольше вам премий и огромную тринадцатую зарплату! Тогда и счастье будет солидное!

Байрам минут пять прогрел мотор «волги» и рванул в проход между домами, окатив половину большого двора, уютного от сладкого ночного воздуха, серым вонючим дымом. Бензин в Алма-Ату попадал в основном не очень хоро-

ший, хуже, чем в Москву. На пустой улице он поднял стрелку спидометра до ста и столбики фонарей придорожных стали мелькать как в кино при ускоренной перемотке плёнки. Ехать ему предстояло в таком темпе минут пятнадцать. В начале нового года не оставалось Байраму думать ни о чём, кроме прошлых лет и ещё более удачных перемен в грянувшем ночью новеньком, шестьдесят пятом.

После лётного училища он лет пять оттянул лямку второго пилота на «АН- 24». Порхал как старая недокормленная ворона в трясущемся и дрожащем всеми ферменными и коробчатыми лонжеронами, но очень надёжном аэроплане на небольшой высоте и смешной, четырёхста пятьдесят километров за час, скорости из Алма-Аты в Кустанай, с дозаправкой в Караганде. Потом дядя Хамит, брат отца и заместитель начальника Управления гражданской авиации КазССР определил его в лётно-штурманский отдел Управления, который среди прочих тем был хорош, что ему подчинялись практически все лётные службы и диспетчеры. Заправщики керосином не подчинялись, да и ничего. Остальных хватало, чтобы быстро почувствовать силу своего приказа и даже тяжелого взгляда на каком-нибудь слишком самостоятельном летуне или даже стюардессе. Потому его стали побаиваться и долго перед глазами Шарипова ухитрялись не маячить.

Байрам вообще-то хотел летать. Ещё пару лет назад просился у Герашенко на переподготовку. Чтобы сесть в командирское кресло «Ту-104». Летать ему больше нравилось, чем

направлять большой лётный и наземный состав трудящихся на верный путь, то есть на труд без аварий и приключений. Но дядя родной не дал задержаться в воздухе племяшу. Все в семье чем-то руководили. Отец – крупным подразделением санитарной авиации. Точнее – тремя эскадрильями. Дядя Хамит, брат отца – вообще первым заместителем начальника Управления гражданской авиации КазССР возвышался над роднёй, а старший брат Байрама Айдар был в порту начальником управления грузоперевозок.

Все они когда-то летали, но в воздухе имели власть только над тучами, ветром и двигателями, а на земле их демонстративно уважали и натурально боялись люди. Те же командиры кораблей крупных сувениры привозили из полётов и звали домой на семейные торжества. О зарплатах и говорить даже между собой родственники-начальники очень смущались. Поскольку сравнить свой руководящий статус со званием пилота первого класса в свою пользу никак не получалось. Лётчики – это герои все поголовно. Мужчины. И воля у них, и отвага, и к Богу они ближе. Но зарплаты управленческих командиров втрое выше плюс возможность дало им государство при желании прижать к ногтю даже летуна-орденоносца. А именно власть командная желание сидеть в кресле пилота перешибала.

Байрам надеялся с помощью здорового энергичного дяди успеть сесть в кабинет начальника порта и потому в должности командира большого лётно-штурманского отдела сви-

репствовал нещадно, да так, чтобы чувствовали его умение править людьми во всём Главном Управлении.

Он приехал в порт и начальник ВОХры вызвал к нему в кабинет экспертов по нарушениям эксплуатации воздушных судов и аварийному анализу. Лететь в Усть-Каменогорск ему расхотелось ещё по дороге в порт. Он вспомнил, что Анель предлагала первого января поехать в гости к её подруге Людмиле Шаровой. Люда служила Мельпомене артисткой ТЮЗа и народ у неё всегда собирался смешной. Циркачи, театральные гении, киношники, журналисты и почему-то милиционеры. Сама Анель никогда нигде не работала, потому как после десяти классов учиться не стала и образования не получила. Пела песни в небольшом ресторане, где даже музыкального образования не спрашивали.

Для хорошо кушающей и пьющей публики надо было красиво одеваться, не дуть воздухом в микрофон, уметь в рамках приличия гнуть тело в нужные моменты и просто не очень часто путать нотки. Зато у неё было так много подруг, будто это и было её специальностью – дружить с хорошими людьми. Имела она ушлых приятельниц разного возраста, ума и красоты, но всех женщин объединяла полезность народу. Откуда-то, через десятые руки, попадали ей в подружки парикмахерши из мастерских класса «люкс», шикарные портнихи «экстра», обслуживающие генеральские и обкомовские семьи, продавщицы из непроходимой для простых работяг «Берёзки» и прочие молодые и не очень дамы, цен-

ные для публики, любящей красоту, себя, уют и доступ ко всему недоступному основной серой массе.

К двадцати двум годам Анель два раза переболела какими-то слишком злыми штаммами гриппа и голос её сел так, как старый дряхлый дед сидит, сгорбившись, на скамейке возле ворот, постоянно кашляет и грызёт семечки. Подружка Люда Шарова познакомила её со своим другом, пару раз в неделю разделяющим её одинокое домашнее существование в дорогой импортной деревянной кровати. Друг трудился заместителем руководителя полётов в аэропорту и легко втолкал ничего не умеющую, но очень красивую молодую женщину в отдел местных авиалиний контролёром, где её быстро «зацепил» Миша Шувалов, командир «ИЛ-18», который постоянно приходил в отдел к другу детства.

Перед каждым взлётом Анель поднималась в салон маленького самолёта, который держал путь из Алма – Аты в Талды-Курган, куда и на автобусе добирались за пару часов. Она проверяла у стюардесс, все ли пассажиры с билетами и все ли билеты на этот рейс, после чего уходила в кабинет пить чай с коллегами и трепаться на внутриведомственные темы. Кто с кем и когда, кого назначили, уволили и почему. Ну, и на остальные темы из этого набора. Шарипову нравилось, что у новой жены столько нужных подружек, что она ухожена как королева Англии, он ехидно улыбался, когда видел как жадно пялятся на неё молодые парнишки и беззвучно говорил им: « А вот хрен вам, босяки!». То есть женить-

бой на этой своеобразной кокетке, не слишком умной, что просто замечательно, но заметной и контактной, умеющей и собой сверкнуть, и всем показывать, что с эдакой дамой рядом должен быть только такой «орёл», как Байрам. Высокий, солидный, красивый, сильный, с хищным взглядом и красивой проседью на модно стриженных висках.

Нет. Не хотел Шарипов лететь на аварию. Но отменить это мероприятие никто бы не смог. Происшествие с летательными аппаратами считалось делом хоть и редким, но подлежащим особому вниманию руководства и лучших специалистов. «Тушка» отчалила вовремя и через час вертолёт начальника Усть-Каменогорского порта сел рядом с лежащим на боку «МИ-1», возле которого топтались пять человек. Лётчик Коля Лебединский, егерь Володя Рудаков и трое экспертов из областного управления.

– За твой счёт будем эту ступу без метлы восстанавливать, – Шарипов пожал большую пятерню пилоту Коле. С остальными тоже поручался. – Зарплата у тебя огромная. Сто восемьдесят, да? Года за четыре оплатишь, а мастера выправят бок, винт и купим автомат-перекос.

Все развеселились. А егерь подчеркнул новогоднее настроение. Шмальнул из «тулки» в небо дробью на кабана. Громко получилось.

– Я черновик акта уже написал.– Коля протянул Байраму лист бумаги. – Автомат-перекос виноват. Там подшипник рассыпался от износа. Хорошо, что не на эшелоне один и

восемь. А то бы гроб всему. Меня бы закопали, а куски железа выкинули. Ничего не останется, если с той высоты гробануться. Но я правил взлёта не нарушил. Сами посмотрите. Все приборы остались включенными. Я аккумуляторы не вырубил.

– Николай всё так сказал, – подошел Шарипжанов Аскарбек, эксперт областной. – Мы всё тут под микроскопом осмотрели. Пилот не виноват. Авария спонтанная. Замечание вашим техникам. Надо предполётную делать внимательнее. Хотя в целом машина ухоженная, а сработала мелочь. Подшипник гнилой, пропустили в текучке. Думаем, наказывать никого не надо. Брак подшипника заводской. Новый, блин, подшипник. Три шарика дефектные были. Вот. Смотрите сами.

Шарипов покрутил на ладони подшипник. Трёх шариков не было. В пыль рассыпались. А на боковине клеймо стояло – «11.09. 64. ОТК» Три месяца было детальке. Недавно, значит, заменили.

– Сами полезете посмотреть? – спросил Аскарбек.

– А на кой? Вы всё определили. Очевидность полная. Брак заводской. Машинка пишущая есть у егеря? – Шарипов хлопнул пилота по спине. Это означало, что для него всё обошлось. Зарплату получит, премию. За то, что уберёт машину от более серьёзного разрушения, а людей – от гибели.

– Есть машинка, – егерь Рудаков постучал для наглядности пальцами по воздуху. – Я же отчёты пишу, докладные,

заявки на продукты и другую хрень. Бумаги тоже навалом.

– Вызывайте на завтра грузовой вертолёт «МИ-6» с зацепом. Делать будете в ваших мастерских. Деньги перешлём третьего числа. Тут тысяч на сто, а, может, на сто пятьдесят работёнки, – Байрам прочел акт, кивнул головой и отдал лист эксперту. – Напечатаете сейчас. Подпишем. Печать у меня с собой.

– Ну, пошли, что ли! Там стол накрыт. Ёлка фонариками сверкает. Девчонки заждались. – Егерь радостно засмеялся и потащил Шарипова за рукав.

– Не, мужики, – Байрам выдернул рукав из цепкого кулака егерского. – Мне ещё в Семипалатинск надо сегодня. Бумагу забрать. И домой к вечеру вернуться, хоть лопни! Гости придут.

– Гостей на день переноси, Боря, – Аскарбек крепко взял его под руку. – Сегодня ты всюду опоздал. Завтра улетишь. В Семипалатинске ты будешь не раньше семи вечера, если сегодня лететь туда. Уже никого не будет. А два рейса оттуда в Алма-Ату тоже только завтра. В пять сорок и в восемь вечера. Один московский, поздний. А первый – «ЯК-40». Долго лететь и муторно на нём. Ну, ты знаешь. Кидает его туда-сюда. Устаёшь за полёт. Давай отдохнём сегодня. А завтра лично сам тебя отправлю и с Семипалатинском созвонюсь, чтобы тебе место проверяющего дали на наш «ИЛ -18», который Миша Шувалов ведёт из Москвы через Семипалатинск в Алма- Ату.

– Телефон у тебя, егерь, есть? Межгород? – Шарипов подошел к Володе вплотную.

– Естественно! Это ж хозяйство облисполкома. Тихий дом отдыха для своих. Тут всё, что надо, есть, – Рудаков шагнул назад и закинул ружейный ремень за спину.

Шарипов позвонил домой, час примерно сюсюкал с молодой женой, всякими ласковыми словами её облепил с головы до ног, после чего успокоился, аккуратно уложил на место трубку, сдул с неё невидимую пылинку, потер руки, выдохнул и крикнул молодецки:

– Ну, где Дед Мороз? Снегурочек всем хватит? А пить не самогон будем? Тогда вперед!

И начался пир как в сказке – на весь мир, хотя, слава богу, никто в мире, кроме присутствующих в исполкомовских райских кущах, о новогоднем борделе при доме отдыха правителей области знать не знал, да и не смог бы, если бы даже очень захотел. Пили и пели, плясали, парились в бане и купались в бассейне голой толпой, состоящей из пьяных в дымину мужиков и таких же девчонок, выписанных на заказ из большого танцевального ансамбля «Гулдала» областной филармонии.

Проснулся Байрам второго января в восемь утра, снял с шеи розовую руку девушки Ларисы, повисшей на нём сразу с начала веселья, сполз с кровати, налил себе коньяка почти стакан, проглотил и в трусах босиком вышел на крыльцо.

Вокруг был синеватый после рассветный снег, бледнели

запорошенные ели по периметру забора и бегали по двору два алабая, огромных как телята. Пахло дымом от печей из низких кирпичных труб и терпким ледяным ветром с Бухтарминского «моря».

– Хо-ро- шо!! – крикнул в небо Байрам, – Хорошо ведь, мать вашу за ногу!

Правду чувств своих доложил миру.

Глава вторая

Никто кроме малых детей никогда не называл утро первого января добрым. Даже если кто-то часов в восемь мог проснуться и выскочить на морозный чистый воздух, очищаясь в нём изнутри и снаружи от въевшихся в одежду и плоть запахов винегрета, оливье, холодца и селёдки под толстой шубой, то первым встречным он говорил не «доброе утро!», а «с Новым годом!». Потому как врать вообще нехорошо, а в первые часы обновлённой жизни – просто преступление. Ну, какое оно «доброе», утро первого января? Никто почти не спал. Глаза слипаются, и качает тебе на ровном месте, как сухогруз в шторм, башка трещит от адской смеси вин и водки с коньяком, тошнит от аромата копчёного сала или кустарда, заварного крема на торте, а шампанское, не смотря на то, что является напитком благородным, вместе с газом всё ещё ломится наружу, на далёкие виноградные плантации, через все твои щели в теле.

Анель решила окончательно проститься с кроватью, где покоилась всего пару часов, села на край и поняла что за ночь она объелась, перепилась, вымазалась заварным кремом и красной икрой, которые от тепла организма ссохлись, стягивая кожу до желания усиленно чесаться. Нет. Вот ночь добрая была, всё в тебя лезло и легко глоталось, а изнутри рвались песни, пожелания радостные и остроумные шутки.

Утро же заставляло сделать невозможное – чувствовать счастье бытия уже в другом временном отрезке, в счастливом Новом году. Заставляло, но впустую. Помятый самым значимым праздником, народ счастьем считал редкие минуты, когда прекращала бить дрожь и трещать голова.

Села Анель на подоконник, дождалась когда Байрам оденется и прибежит целоваться перед отлётом в командировку, а после трёх минут нежности осталась одна, обмякла, взгрустнула и, придерживая у висков голову, стала смотреть в окно. Там посреди дороги ещё позавчера мужики слепили для своих малолеток высокую снежную горку со ступеньками сзади. А скат щедро залили водой. И вот первого числа огромные массы детей да ещё пьяных дядек с тётками начали с визгом, свистом и с возгласами «ништяк катимся», «погнали, ё-моё!» и на них похожими, носились вниз на санках, картонках, фанерках, на задницах и спинах. В общем, было на горке веселее, чем за столом с бутылками, тарелками и отдельной вазой в центре стола, полной мандаринов, которые всегда являлись населению на уличных лотках и рынке только под Новый год.

Громко затарахтел, аж затрясся красный телефон с редкими для шестидесятых годов кнопками вместо дисков. Доставались такие почти все разному начальству.

– Людка! С Новым тебя! Желая повышения зарплаты и такого же хорошего мужа, как мой! – очень порадовалась Анель явлению подружки в тяжкую послепраздничную ми-

нугу.– Как отметили-то!?

– Ой, Анечка, по телефону и не перескажешь, – захохотала довольная жизнью Людка. – Приезжай лучше. Мы же ещё не закончили праздновать. Гуляем без сна и отдыха! Без мужа сможешь? Мы тут все без мужей.

– Так мой на аварию улетел в Усть-Каменогорск. Завтра вернётся к ночи, – Анель прижала трубку к щеке, а длинный телефонный провод позволил ей говорить и одновременно доставать из шкафа лучшее платье. Оно было сшито в «люкс мастерской» из бирюзовой лайкры с золотистыми драконовыми вставками вокруг декольте и вдоль бёдер. – Так что я баба незамужняя до завтрашнего вечера. У вас там есть перед кем мне новыми нарядами повыделываться?

– Увидишь лично! Есть они, донжуаны! Куда без них, нахалов!? Давай, ждём! – Людка не смогла остановить звонкий хохот и с размаха грохнула трубкой по рычагам.

Анель к платью добавила браслет с аметистами, бирюзу в облике кулона на золотой цепочке, перстенёк с яшмой и серьги с изумрудами, которые очень красиво сочетались с кулоном и лайкрой. Никому из её окружения и в голову бы не стукнуло, что такой набор побрякушек, «цацек в золотой оправе» – полная безвкусица. Наоборот! Суметь занять такое и выходить в «свой» свет эдаким импортным попугаем – высший класс! Она завернула светло – голубые туфельки на шпильках в салфетку, уложила их в сумочку, бросила туда же сигареты «marlboro». Мужу лётчики привозили

их из дальних стран. Духи «Avon Toraze» прихватила – мимоходом похвастаться редчайшим парфюмом, который для неё без труда находили стюардессы, летающие в заграничье. Всё. Можно было на крыльях лететь к друзьям, где весело и свободно.

Нет, рано! А глаза подвести, а тени наложить! А ресницы вытянуть и торчком поставить тушью «Louis Philippe»! Её Байрам дарил впервые на 8 марта, когда они после торжественного собрания только начали совместное движение к любви и к его разводу с Галией, и потом покупал «Louis Philippe» почти через каждый месяц, когда Галия уехала, а Анель заняла её место в сердце и койке. С дамским полом он общался давно, активно и как-то запомнил, что даже дорогая французская тушь в тубе, похожей на толстый карандаш, сохнет, зараза, и надо покупать новую. А ему летающие в заграничье пилоты везли всё, что попросит.

Долгая, но упоительная процедура изготовления своего парадного облика заняла около часа. Но утро еще не ушло и весь неизбежно увлекательный день маячил в близкой перспективе как диктор телевидения: и вроде он рядом на экране, и одновременно черт знает где, на какой – то далёкой Шаболовке.

В Людкиной квартире дым от сигарет просачивался даже через входную дверь. Как и сводный хор солидного мужского и легкомысленного, заводного хохота в недавнем про-

шлом юных дам. То ли анекдоты травили свеженькие, а, может, просто напились до такого предела, когда говорить уже сложно, а ржать – запросто. Без повода. Потому как прежний повод – встреча Нового года ещё не иссяк. На звонок к двери прибежала куча народа как будто Дед Мороз, не успевший к ним в полночь, добрался-таки до квартиры тринадцать в доме номер шесть на улице Декабристов. И приволок каждому мешок с коньяком, а каждой – по мешку с апельсинами да со знакомыми по редким импортным фильмам бананами. Ну, и, ясное дело, с упаковкой тортов под кремами «безе», «шоколадный ганаш» и «патисьер». Открылась дверь и на пару секунд стало так тихо, будто в центральном читальном зале большой республиканской библиотеки, где и так всегда даже кашляют шепотом, все сразу и дружно отравились знаниями, померли и скончались с ними все звуки дыхания, сопения, полёта мух.

Перед расхристанной, крепко набравшейся шампанского и коньяка массой, стояла без Деда Мороза невинная, светлая и манящая роскошной статью снегурочка в норковой шубке, норковой круглой шапке и в итальянских сапогах, облегающих тонкой кожей выразительно красивые ноги.

– Вы чего? – удивилась Анель. – Это я, Анель. Людка, и ты меня не признала? С Новым годом! Одиноких принимаете?

– Ещё как принимаем! – шикарным баритоном сказал изящный молодой человек, одетый в блестящий серый костюм, ослепительно белую рубашку, украшенную галстуком

«бабочка». Он был нетрезв, но и не надрался в зюю. – Я – Игорь, актёр театра имени незабвенного Лермонтова. А вы снегурочка такая?

– А я Анель, – она распахнула шубу, блеснула необычно шикарным платьем, броским перстнем с яшмой в золотой окантовке, кулоном из шлифованной бирюзы и перешагнула порог. – Просто Анель. Уборщица из новых мужского и дамского туалетов в парке культуры имени Горького.

Все так жутко заржали, что из остальных квартир стали часто и поочерёдно высовываться полусонные не протрезвевшие соседи.

Анель повесила шубу, переобулась в туфли на шпильках и хотела сесть к столу.

– Анька, пожди. Покрутись тут у всех на виду, – крикнула подружка Людмила. – Пусть народ рассмотрит и мозгами сфотографирует, какая она бывает – женщина мечты! Идеал вкуса и великолепия.

Народ цокал языками, кто-то присвистнул восхищенно и весь коллектив минут пять аплодировал красавице в изумрудах, золоте и других драгоценных причиндалах не всем доступной роскоши. Потом Людка включила магнитофон «Днипро» и под первую битловскую песню «Love Me Do» все стали чокаться рюмками с коньяком и орать несложный лозунг: «С Новым годом! С новым счастьем!»

Сразу стало всем так радостно, будто новое счастье уже, наконец, только что и пришло, и раздало всем выигранные

билеты в замечательную жизнь.

Анель незаметно для шумной веселящейся бригады поправила на себе и платье, и побрякушки дорогие. Всё было на местах и всё буквально кричало о том, что давняя подруга не самых последних в столице дам теперь стоит на ступеньку повыше над ними. Украшения и одежда остальных тоже стоили серьёзных денег, но не таких, какие всего за три месяца конфетно-букетного промежутка и короткой пока семейной жизни Байрам Шарипов ухнул на бывшую ресторанный певичку, пробившуюся к нему в жены. Именно этого, собственно, она от него и ожидала. С самого первого дня, когда после собрания он подошел и без положенных при знакомстве реверансов и всяких романтических предложений обыденно, будто они вместе уже лет десять, сказал.

– Привет. Я тебя забираю у твоего любовника Миши Шувалова. И не возражай. Мне твои выдающиеся данные больше соответствуют, да и мои тебе тоже. Я тут всё же не дворник, а через год вообще начальником порта буду. Жить со мной станешь как дочка Брежнева. Всё, что хочешь, у тебя будет. А подпрыгну в крупные начальники, назначу тебя заведующей общепитом аэропорта. Там и деньги, там и директор ресторана у тебя на побегушках, не говоря уже о трёх столовых и пяти буфетчицах.

Даже сам заведующий складом приседать перед твоими красивыми ножками будет. Короче, ты мне нужна и как украшение, и как верная рука. Про любовь я не упоминаю.

Врать глупо. Ни у меня её к тебе ещё нет, ни у тебя. А будет – не будет, кто знает? Да и не она главная в семье. Основное – это помощь друг другу в общей жизни. Но ты будешь у меня не просто красивой, я так сделаю, чтобы тебя называли за глаза шахиней и вели себя с тобой, преклоняя головы. Это не слова. Я сказал! И так оно будет.

– Байрам Каримович, – робко полезла к нему в душу Анель. – Тогда женитесь на мне. Просто так я с Вами жить не стану.

Шарипов кивнул.

– Не говори мне «Вы».

– Про тебя говорят, что ты хоть и переспал с половиной наших девчонок из Управления и порта, но сам – Отелло. Ревнивец бешеный. А на меня тут и не только тут почти все мужички пялятся, клеятся ко мне и слюни пускают. Так вот... Сразу побожись, что ревновать не будешь. Совсем. Думай там про меня что угодно, но ревность не показывай. Или тогда давай на этом нашем разговоре наши отношения и закончим. Я тоже не с помойки. Покручусь перед секретарём обкома, так и он в любовницы заберёт без раздумий. А уж как он меня щедростью одарит – ни в одной сказке не прочтёшь. И с Галией своей разведись быстро. У тебя блат везде. Тянуть не будут. Вот сразу же как разведёшься – идём в «ЗАГС». Прямо на другой день.

– Принимается, – улыбнулся Байрам. – Но обоюдно. Ты тоже не ревнуешь. Тогда живём с удовольствием, а начнёшь

шпионить и неверность мою отлавливать, забирай из дома всё, что хочешь и вали в толпу разведёнок. Поняла?

– Не буду ревновать. Тенгре-Аллах да услышит меня! Клянусь перед ним, – сложила ладони на груди Анель.

– Мы с тобой ислам приняли, мы сунниты, мусульмане и дороже клятвы, чем перед Тенгре-Умай – Аллахом нет у нас. Ну, а раз уж поклялись, то слову будем верны, – Шарипов взял её за руку. – Сегодня после работы подойдешь к нашей конторе, я выйду к своей «волге» и поедем ко мне. Завтра с утра дам тебе большую машину, шофёра и помощника. Перевезёшь всё своё. Теперь мой дом – твой тоже. С сегодняшнего дня живём вместе. Вот тебе ключи от квартиры. У меня тоже есть. Договорились?

Анель поднялась на носки и поцеловала Байрама в губы. Он её крепко прижал к себе. Всё это значило, что началась новая жизнь.

За новогодним столом подружки Людки народ потихоньку стал пьянеть. Разговаривали громче, смеялись дольше и заливистей, пили на брудершафт и танцевали под звуки, слетающие с магнитной плёнки, но никем не узнанные. Да этого уже и не требовалось. Можно было двигаться в такт – и ладно. К Анель пришел со своим стулом парень в модном сером блестящем костюме с густо покрытым бриолином черным волосом на пробор. Это он в прихожей разглядывал её как очень дорогую неразвернутую шоколадную конфету, с кото-

рой ему не терпелось побыстрее содрать фантик и сожрать непременно в кровати. Он надрался в меру, не нёс пошлятины и не лапал руками, что Анель оценила.

– Я Игорь, – сказал он, взял её руку и нежно поцеловал в палец рядом с чудо-перстнем. – Танцевать не предлагаю. Не умею. Пить тоже не зову. Уже и так перебрал. А женщин сильно пьяных моя сущность отторгает. Я тебе предлагаю поцеловаться взасос. Вот сколько смотрю на тебя, столько и мечтаю.

– А зачем? – начала кокетничать Анель. – Вон сколько девушек. Хоть взасос их, хоть вразнос! А может у тебя вообще гадкое желание – замылить мне уши и голову да в койку бросить?

– Ну, если для тебя это мероприятие – гадкое, то тогда я пошел. Сяду в спальне и буду читать газету «Гудок». Вот она. На кухне взял. Ты можешь позволить мне такой способ самоубийства – прочесть «Гудок» от передовой до вкладыша, а от него до последнего некролога в конце газеты?

Анель развеселилась.

– Нет, не могу. Живи. Хорошо ведь жить. А если не «Гудок» читать, то что вместо него?

– Я живу этажом выше. Дома нет никого. Жена от меня ушла пару лет тому назад, поскольку я бабник. А я, правда, бабник. Но люблю только таких красоток охмурять как ты. А вас таких мало. И тебя упустить – просто дикость с моей стороны! Я, может, даже отравлюсь уксусной кислотой или

дустом если «обломлюсь». Пошли ко мне?

Анель подумала секунд пять. Собственно, если они на час выскочат – даже Людка, хозяйка, не сообразит. Все дуреют ускоренно от смеси сухого вина, шампанского и коньяка.

– Ты иди. Через пять минут я. Квартира какая? – она ткнула Игоря пальцем в галстук «бабочка» и томно откинула голову назад, прикрыв на мгновение лицо тёмным волнистым локоном модной прически.

– Семнадцатая, – Игорь подмигнул и как тень скользнул от стула к двери прихожей.

– Ну, Шарипов мой ночью сегодня в какой-нибудь баньке тоже «Гудок» читать не будет и вряд ли станет до утра писать отчёт о расследовании аварии, – сказала сама себе вслух Анель и незаметно ушла в квартиру под номером семнадцать, где не без приятных ощущений часа три провалялась с Игорем в постели, после чего они оба протрезвели, да ещё и устали.

– Вот выпить у меня нет ничего. Всё Людке отнёс, – Игорь оделся и пошел к зеркалу причесаться и наложить на пробор бриолин.

Анель тоже привела себя в порядок и финальным элегантным движением накинула на шею бирюзовое колье.

– А ничего так мы... – засмеялась она. – Не посрамили ни мужской пол, ни женский.

– Да ты прелесть! Слива с вином в шоколаде. Я от тебя балдею и не против буду повторить, – обнял её Игорь.

– Всё в жизни лотерея, – Анель чмокнула его в щёку. – Может и подвернётся выигрыш ещё когда.

Она потянула Игоря за руку и через пять минут они сидели за столом, очень увлечённо съедая бутерброды с черной икрой, как будто и не выходили, не покидали праздник. Время до вечера бежало скачками. То неслось, опережая все настенные часы под шустрые зарубежные фокстроты, гулкий топот туфель, истерический хохот после анекдотов, то падало в полуобморок и тащилось, чуть живое, цепляясь секундами за тарелки, бутылки, ботинки и туфли, которые хозяйка сбросила под столами, чтобы обувь на сдавливала в ногах пространство, куда ещё кроме желудка и кишечного тракта могли вместится коньяк и шампанское.

Часам к восьми вечера от сигаретного дыма и едкого аромата подкисшего в тепле салата «оливье» многим дамам стало не совсем хорошо, они часто бегали в ванную комнату, подставляли под холодную струю голову и лицо, после чего вместе с полотенцем являлись публике со спутанным волосом, из которого торчали заколки и шпильки, да с помятыми красными лицами, исполосованными вдоль и поперёк тушью для ресниц, тенями для век и разнообразной перламутровой помадой. Мужчины, элегантно приодевшиеся в модные костюмы «троечки» и почти одинаковые полосатые галстуки, рассупонились, расслабили подтянутые поначалу подбородки и животы, некоторые даже рубашки расстегнули, дав волю выглядывающим в скрытый мир между пуговица-

ми синим кускам трикотажных маек.

Зрелище для трезвых почти кошмарное, но для своих – вполне приемлемое. Узнавали друг друга все. Это важно. Это сближало. Остальное никак не относилось ни к празднику, ни к совместной дружбе, для многих случайной, проходной и ничего не значащей. Но с десятков мужиков и столько же почти молодых дам сплотились идейно и по интересам много лет назад. Для них куролесить составом, собранным «своими» и для «своих», было делом святым, неизменным и многозначашим. В трезвые дни эти «друзья», коими они себя публично называли, делали друг для друга всякие нужные и полезные услуги.

Потому как не зная и не ценя «дружбы взаимовыгодной», они все стояли бы в очередях как рядовое население, не имели бы дефицита и возможности «доставать». Если основная масса народная имела то, что советский строй позволял иметь, то «друзья», сидящие на небольших даже, но всё-таки «возвышенностях», могли «достать» то, что народ считал чудесами. Смертным недоступными. Вот и делились люди в шестидесятых на тех, кто мог «достать» всё, и на других, которые всю жизнь маются в разных очередях и при жизни не всегда успевают купить по записи в очередь автомобиль, персидский ковер размером три на четыре, цветной телевизор или большой холодильник «Зил».

В общем, вся бригада «своих» Анельку любила за красоту и способность притащить в компанию очень ценного челове-

ка, а она обожала подружек за то, что они, как золотые рыбки могли исполнить любое её желание. И жаль было покидать друзей, но теперь она была женщиной замужней, причём за «большим» человеком, а это против воли обязывало её вечером находиться в семейном гнезде. При этом не важно было – дома муж или в отъезде. Анель понимала, что чуть позже он будет звонить и стала прощаться. Провожали её шумно, надели полную сумку неизвестно чего.

– Дома разберёшь! – смеялась Людмила, подруга. – Гранаты там нет, гремучей змеи тоже.

Игорь поймал такси, заплатил без сдачи, и около восьми она уже включила телевизор да тянула через трубочку сухое вино «Саперави».

В восемь с хвостиком позвонил Байрам. Пьяным он не был, но находился в состоянии «навеселе».

– Я пока не из Семипалатинска. Утром полетим. Сегодня вечером мужицкой компанией повторно Новый год поприветствуем. Я сейчас на месте аварии. Тут домик егеря. В нём и заночую, – Шарипов говорил таким тоном, будто отчитывался, что Анель насторожило. – А вот днём я звонил раз пять от егеря. Тебя не было. Я, как договорились, не ревную. Я просто беспокоюсь. У тебя днём всё нормально было? А сейчас как?

– Спала я после бешеной нашей ночи весь день. Телефон отключала. Дядьки незнакомые долбят, тётки после трёх фужеров шампанского домогаются тебя. Я тоже не ревную. Но

какого чёрта столько баб рвётся тебя услышать?! Спать мне положено после нашей гулянки, как думаешь? Я же не такой могучий лев как ты. Я вот даже не обедала. Не лезет. Перепили мы с тобой вчера, – Анель говорила протяжно и жалобно. – Ты пожалей меня. Ну, быстро!

– Да моя ж ты лапочка! – пропел в трубку Байрам. – Ты уж извини. Так-то никто и не звонит кроме начальников, и подчинённых. А Новый год же! Ну, ты отдыхай. Я завтра, второго числа, за день все бумаги заберу в долбанном Семипалатинске и с твоим Мишей Шуваловым к десяти вечера домой прилечу. Готовься. Целую, девочка моя!

– Никакой он не мой, Шувалов, – как бы обиделась Анель. – Ты – мой! Мой, понял!? И по-другому даже не думай. Не говори тем более. Ладно, целую. Жду.

Она аккуратно уложила трубку и задумалась. Шарипова она ждала. Понимала, что сейчас, прямо с этой недели начнётся демонстрация красавицы-жены молодой в высоких сферах, где сплошь все командиры, начальники и очень «крупные» деятели общества, политики и правители народом из потаённых пока для неё уголков жизни. Было страшновато, но любопытно. Выбиться в число жен очень значительных людей – это вам не летку-еньку сплясать на вечеринке в бригаде каменщиков.

Смотрела Анель на экран и вместо тёти, повествующей прогноз погоды на завтра, видела лицо Игоря, временного сегодняшнего партнёра по любовной забаве. Она чувствовала

ла его тёплое дыхание, скольжение нежных пальцев по телу, ощущала снова сладость его поцелуев и слышала ласкающие его слова.

– Надо завтра у Людки взять его телефон, – сказала Анель вслух, допила «саперави» и пошла спать.

Но уснуть долго не могла. Слишком большой и неожиданный стресс мешал.

Ничего себе! Нежданно-негаданно, а изменилась к самому лучшему вся и так неплохая жизнь.

Глава третья

На похоронах подполковника Сергея Николаевича Половцева и оркестр был, а напротив него высокие солдаты стояли во фрунт при парадной форме и с автоматами. После того как вкопали крест с табличкой, на которой витиеватым шрифтом были написаны имя с отчеством, фамилия и даты, да выше них была привинчена гравированная на луженой меди его фотография десятилетней давности, майор, начальник почётного караула, скомандовал пять раз «пли!». От выстрелов женщины сжали плечи и прослезились, а мужики все разом опустили головы и глядели в землю. На месте могилы был высокий сугроб и работяги, когда копали два метра под гроб, наст сняли и накидали мёрзлую почву туда, где будут стоять прощающиеся с покойным.

Тридцатого декабря, подполковник Семипалатинского испытательного ядерного полигона, «двойки» – по кличке народной, не получивший за восемь лет участия в испытаниях никакого вреда здоровью, глупо перевернулся на своем «москвиче» по дороге с работы домой. Всего до города было сто тридцать километров, он без проблем мотался туда-обратно каждый день, не повёз семью под ядерную опасность, а тут на маленьком куске гололёда его швырнуло в кювет так резко, что он не успел открыть дверь и вывалиться. Машина три раза кувыркнулась, легла на крышу и подполковник

в неуправляемом вращении виском впился в металлическую ручку правой дверцы. Умер сразу.

Его привезли в морг рыбаки, ехавшие вечером с Иртыша. На похоронах было человек триста, не меньше. Из города Курчатова, или, как звали его военные – «Москва – 400», прибыли друзья офицеры, рота солдат и почти всё командование, из самого Семипалатинска – близкая и дальняя родня, жена, сын Владимир – капитан МВД, и много гражданских. Одноклассники, соседи и хорошие знакомые, с которыми он в свободное время зимой на лыжах ходил в степь, летом играл в футбол, шахматы, ездил на рыбалки и охоты. Уважали его все вполне заслужено. Это был настоящий мужчина с честью, силой души и тела, верным словом, чувством долга и чистой совестью.

Сергею до пятидесяти пяти лет оставалось два месяца. Он уже и на работе взял три дня увольнительных. Хотел День рожденья отметить в Алма-Ате с младшим братом да сестрой старшей. С женой собирался лететь и сыном.

Младший брат чудом успел на похороны. Билетов на самолёт до третьего января не было. Алма-Атинцы к своим близким, которые в Семипалатинске жили, отправлялись утром тридцать первого и сразу брали обратные билеты на вечер первого и второго января.

Олег, младший, получил заверенную телеграмму – вызов на похороны, но таких как он, с телеграммами, было четверо. А мест свободных только два. И ему просто повезло. Сразу

трое, семья молодая, точнее – дочь почему-то наглухо поссорилась в аэропорту по междугороднему телефону с отцом, лететь передумала и билеты сдала. Олегу выпал натурально счастливый билет. Хотя какое уж там счастье – спешить на похороны брата? Сразу по прилёту в Семипалатинск он побежал в кассу, ему оттоптали ноги в плотной бесформенной очереди, но в виде компенсации за побитые дорогие ботинки достался и билет на вечер второго числа. Возможно, тоже чудом, но этого Олег так и не узнал. Схватил билет, на бегу сунул его вместе с паспортом в карман пиджака и побежал ловить такси.

Хоронили второго в полдень, потом, в три часа дня намечались поминки в старом кафе «Блинок», а в восемь сорок вечера Половцев младший уже должен был сидеть в салоне «ИЛ- 18». На поминках он ничего не говорил. Было кому. Одних командиров с речами пафосными объявилось целых пять. Потом жена, Володя ещё, сын, да ещё шестеро близких друзей. Олег и сказать бы вряд ли что смог. Плохое было настроение. Жуткое. Мама с отцом не хоронили сына, не простились с ним. В шестидесятом уехали в Воронеж. Сестра Лена маму уговорила. Было им по семьдесят с хвостом, батю сильно душила астма и самолётом летать врачи ему строго запретили.

Олег выпил граммов триста водки на поминках и расстроился окончательно. Сергея он не то, что просто любил – он Сергея обожал. В детстве ему брат старший и лучшим дру-

гом был, и защитником, научил многому, но главная заслуга его была в том, что он посоветовал, а потом просто заставил Олега ехать после получения среднего образования в Алма-Ату и поступать в Казахский горно-металлургический институт на отделение «Промышленное и гражданское строительство», точнее – на инженерно-строительный факультет с отдельным архитектурным внутренним факультетом. Сейчас, к сорока трём годам, он получил степень кандидата технических наук, ценную должность заведующего кафедрой в этом же институте и считался одним из лучших преподавателей, и специалистов в области архитектуры.

После поминок дома Людмила, вдова, разыскала в большом чемодане с фотографиями, скопившимися почти за тридцать лет семейной жизни, отличный Серёгин портрет, принесла из спальни черную ленту, обернула ей угол снимка и поставила фото к высокой цветочной вазе на столе.

– Сорок дней тут постоит, – сказала она, усердно и заботливо выравнивая ленту и углы карточки. – А я закажу рамку и вот сюда повешу, на середину стены.

Людмила работала учительницей английского языка в школе. Получала не мало, но и не столько, чтобы по-прежнему без каких-то ограничений так же дальше жить. Сын денег при живом отце не давал, да и теперь вряд ли сможет. Зарплата в милиции не очень, а семья не маленькая. Не хватало на добротное лечение больной межрёберной невралгией жены, при которой долго и сидеть невозможно, и ходить.

А потому не работала Алла, да ещё две дочери подростка со своими юношескими запросами и причудами требовали немалых трат.

– Я, может, замуж ещё выйду, – тихо проговорила Людмила. – Не старая ещё. Да и порядочных одиноких полно мужиков. Вот от него и будут дополнительные деньги. Да одной-то и жить в квартире страшно. И домушников много сейчас, да и разбойников полно. Звонят в дверь якобы с извещением на посылку или ремонтниками представляются. Газ проверить, воду... Вон в соседнем доме летом убили таким образом деда. Семьдесят лет деду. Открыл старый пенёк «водопроводчикам». Забрали все военные ордена, медали и деньги накопленные с пенсии, сволочи.

Олега от этой краткой сентенции перекосило почти буквально. В жар его кинуло и руки стали дрожать.

– Ну, тварь ты поганая! Братан падлу такую чистой любовью любил, всю жизнь на руках носил! Ни одной проблемы у тебя за жизнь с Серегой. Ещё душа его с нами здесь, не взлетела ещё в рай, ещё запах его одеколona не выветрился, а ты, собака, такое несёшь! Ты сейчас ещё рыдать должна слезами горькими, дура! Оторвать бы тебе безмозглую твою головёшку, да сидеть за тебя, скотину, не тянет. Но про меня забудь! Нет меня для вас больше. Коза драная!

Он вскочил, минут пять метался как безумный по комнате и что-то нечленораздельное орал во всю глотку. Понятно было только одно слово: «тварь». Сын Серёгин, Владимир,

тихо сидел на диване, глядел на старую фотографию отца и молча курил «приму» одну за одной, сбрасывая пепел на пол, а окурки гасил об каблук и собирал в кулак, чтобы потом выбросить. Лицо его было бледным, глаза, наоборот, красными. Он тёр их рукой с едкой сигаретой и не моргал будто веки у него были даже тяжелее, чем у чудища гоголевского Вия.

Через пять минут Олег плюнул на ковёр под ногами, сорвал с вешалки пальто и шапку и рванул на себя входную дверь, не повернув ключа. Ручка квакнула и оторвалась. Олег стал рычать и бить кулаками дверь, но подбежал Володя, дверь открыл и Олег, одеваясь на бегу, несколько раз оступился, прыгая через три ступеньки, но из подъезда всё же вылетел, не покалечился. Вылетел и побежал в сторону аэропорта, хотя до отправления рейса ещё больше трёх часов оставалось.

– Чего взбесился? – Людмила смотрела в кухонное окно и вытирала слёзы полотенцем для посуды. – Я же так... Чтобы показать, что хоть несладкая жизнь, а продолжается. Царство небесное тебе, Серёженька! Какой там замуж! Нет кроме Сергея мужчин, мне пригодных. А этот братик его рассиховался, дурачок. Всерьёз принял. Ну, да ладно.

Олег забежал в какое-то кафе, выпил двести граммов водки, попросил официантку принести салат «осенний», колбасы сто граммов и ещё сто пятьдесят коньяка. Боль внутри надо было залить, затушить огонь внезапной ненависти к пре-

дательнице и её онемевшему сынку, который даже не дёрнулся, чтобы память об отце мамаша не поганила.

– А нету «осеннего» салата. Кончился. Для Вас одного никто его строгать не будет, – официантка ушла, покачивая крутыми бёдрами.

– Коньяк неси тогда. И колбасу, – крикнул вслед Олег. Успокоиться у него не получалось. Горело внутри, дрожали руки и рвалась наружу злоба ко всему и всем, хотя как раз наоборот – душа должна была тихо страдать в печали от одной только мысли, что у него больше нет любимого брата.

– Официантка довольно быстро пришла с подносом. На нём стоял графинчик с коньяком и рюмочка, блюдце с колбасой сервелат и тарелка салата «осенний»

– Рассчитаемся, – сказала она ехидно. – А то у вас на лице написано, что вы ещё тот хмырь! Пожрёте и смоеетесь без оплаты. Нашли вам салатик. Повар себе хотел взять. Но клиент у нас главнее!

– А ну повтори, – Олег выпил коньяк, кинул на поднос десять рублей, так же ехидно прошепелявил, что сдачи не надо и пусть она на неё купит тональный крем и замажет угри на роже. Потом вернулся к началу беседы. – Ну, чего заткнулась? Повтори, что там ты про хмыря сказала. Это я хмырь?!

Он не стал ждать ответа, но сам не понял как ударил снизу в поднос будто нанайский шаман в бубен. Поднос взлетел. Вырвался из рук официантки и всей плоскостью вписался

ей в покрашенное румянами лицо. Она закричала так, вроде бандитский нож уже прорвался меж рёбер и грубо кромсал её нежное сердце. Прибежали все, кто слышал шум, включая посетителей кафе, поваров с огромными тесаками для рубки капусты, крупных овощей и мяса, кассирша, вышибала от двери прилетел, здоровенный парень в форме с золотистыми лампасами на штанах и с кулаками, похожими на живые десятикилограммовые гири. Он быстро оценил ситуацию, выскочил на улицу, посвистел в милицейский свисток и ровно через три минуты в кафе влетели два сержанта и лейтенант, расстёгивая на ходу коричневые кобуры с большими «ТТ» и доставая из карманов наручники.

– Тихо мне тут! – гаркнул офицер. – Разбежались все. Мы разберёмся.

Олег поднялся, официантка перестала верещать, повара и посетители разошлись. А Олег, девушка в кружевном белом переднике и потёкшей с ресниц тушью, а также лично представители власти приступили к поиску правых и виноватых.

– Он что, вас избил? – поинтересовался лейтенант.

Официантка нагнулась и подняла с пола червонец. Заказ Олега тянул всего на четыре рубля. Чаевые получились очень даже... Бывает за весь вечер столько не набиралось.

– Меня зовут Татьяна Павловна Попова, – она вздохнула, глядя на десять рублей. – Я с тыща девятьсот сорок второго года рождения. В кафе служу три года. Проживаю по улице...

– Он вас, повторяю, избил? – Лейтенант стал слегка нервничать. – Вы не подозреваемая. Не надо о себе рассказ рассказывать.

– Нет, не трогал он меня. Приличный человек. Трезвый, как видите, – Татьяна Павловна оглядела Олега сверху до низу. – Я чуток припозднилась с этим выполнением заказа, ну он, конечно, прикрикнул на меня. Думаю, что это справедливо. А я растерялась и поднос уронила.

– Мы разбитое блюдо по акту списания проведём, – крикнул издали мужчина в светлом отглаженном костюме и голубом галстуке. – Я заведующий залом. Естественный бой посуды у нас предусмотрен инструкцией.

– А гражданин у нас из какой песни будет? – переключился офицер на Олега.

– Я с похорон в Алма-Ату, домой лечу. Брата в полдень закопали на вашем северном кладбище, – Олег достал из кармана паспорт. В нём лежал билет на самолёт и телеграмма.

Лейтенант изучил все бумаги, тщательно сверил фотографию с оригиналом и всё вернул.

– Я понимаю – нервы, горе, – сказал он спокойно. – Но ведите себя прилично в общественном месте. Работаете кем?

– Веду кафедру в горном институте. Кандидат технических наук, – смутился Олег. Неловко стало. Интеллигент с замашками пьющего тупого разнорабочего на рытье траншей.

– Сообщать на работу о вашем недостойном учёного поведении мы не будем. Если, конечно, сотрудники кафе не настаивают, – лейтенант и сержанты сделали шаг назад и каждый застегнул свою кобуру.

Заведующий залом подошел к милиционерам.

– Нет, не настаиваем, – он слегка поклонился. – Извинитесь пусть перед Татьяной и ладно.

– Честное слово, на нервах я. Сами понимаете – брат погиб в автокатастрофе. А он мне вместо отца был, – Олег склонил голову. – У Татьяны Павловны прошу прощения. Я имею характер и в обычной жизни взрывной от природы. А тут вообще беда. Брат родной в могилу лёг. Соскочил я с катушек. Но искренне об этом сожалею и приношу извинение всем работникам, посетителям и товарищу Поповой.

– То есть инцидент исчерпан, – удостоверил примирение офицер.

Все с готовностью кивнули.

– А Вы, товарищ Половцев Олег Николаевич, поспешите. Через час – регистрация на ваш рейс. А ещё доехать надо. Восемь километров отсюда будет как-никак, – лейтенант козырнул и патрульные вышли, аккуратно прикрыв дверь.

Олег уперся локтями в стол и обнял голову руками. Молчал. Татьяна Попова, официантка, тоже не шевелилась. Потом вытерла платочком тушь с лица и сказала тихо:

– Так я ж не знала, что у Вас... Так что это вы меня извините. Пусть земля будет пухом брату вашему. Сдачу дать?

– Нет, выпейте хорошего вина после работы за помин души Сергея моего, – Олег встал, попрощался со всеми, кто видел ссору. Кроме поваров. Они далеко были. – Пойду я. Ещё раз извините за мой срыв.

И он медленно вышел на улицу ловить такси.

В аэропорт он попал как раз к началу регистрации на рейс триста седьмой. Очередь стояла длиной метров в двадцать. Олегу делать было совершенно нечего и он стал считать, сколько с ним вместе полетит народа. Насчитал девяносто человек. Но это, явно, были не все. Кто-то уже прошел, а лётчики и стюардессы всегда заявляются последними.

– Да, крупная машина этот «ИЛ-18», – хмыкнул Олег. – В детстве он играл в волейбол за команду ДСШ и летал на соревнования из Семипалатинска в Петропавловск, Павлодар и в Кустанай на «кукурузниках» «АН-2» и позже на «АН-24». Такой большой аэроплан как «ИЛ-18» подворачивался ему всего четыре раза. Когда в Москву посылали на повышение квалификации. И сейчас вот. Хорошо там в салоне. Уютно, светло. Кормят нормально.

– Эх! – сказал он тихо сам себе. – Столько налетал пассажирских часов, а всё как-то не по себе становится в дрожащем от скорости самолёте. Не то, чтоб летать боюсь, но какая-то неясная настороженность присутствует всегда.

Уже на регистрации он снова проклинал свой вспыльчивый характер. Потому, что сцепился с девушкой в синей форме и лихо сидящей на причёске пилотке.

– Вы где этот билет брали? – девушка крутила перед глазами бумажку и к чему-то внимательно приглядывалась.

Олег сразу же взбесился.

– Вы кто, практикантка? Читать билет где положено не научили вас? Там штампик стоит внизу справа. Написано «Семипалатинск. Аэропорт. Касса 3». День продажи – второго января. Сегодня, значит. Что за приключение опять? Чернила не того цвета? Бумага билета обёрточная из магазина? Я сам, что ли его нарисовал на кладбище, где брата хоронил днём?

– Вот Катюха – лошадь! – возмутилась регистраторша, вскочила и побежала с билетом в третью кассу. Вернулась минут через пятнадцать. Этого времени хватило, чтобы восемь пассажиров, которые после Олега, да и двое из стоящих у стола регистрации, стали орать на него в голос. Общий смысл шума был такой.

– Пусть все зарегистрируются и пройдут в зал ожидания. Потом разбирайтесь с девчонкой. Нахапают за взятку билетов, потом чуть ли не до мордобоя доходит.

– Я очередь отстоял и без взятки купил, – крикнул Олег. – Вы заткнитесь, вас всех это совсем не касается. Вы какого пса на меня навалились? Позвать милицию? Скажу – будто угрожаете мне физической расправой ни за что. Вот и отбрёхивайтесь от милиционеров. Умники, мать вашу!

Вернулась регистраторша со злым лицом и поджатыми губами.

– Тут получилось на одно место два билета. Кассирша там запуталась по горячке. Авральная работа в эти дни. Народу в очередях невпротык! Ладно. Я вам перепишу место. В хвосте полетите. Там ещё три места свободных. А на вашем сидит бабушка старая. У внуков была на празднике. Они ей заранее билет взяли в ноябре ещё. Так вы не против?

– Да мне главное, чтобы место в этом самолёте было, – психовал Олег. – А то зашлёте меня куда-нибудь в Якутию. Работники хреновы. У них, блин, напряженка! А я по-вашему леденцы сосу и плюю в потолок?!

Подошел полный дядька лет шестидесяти. Форменный свой пиджак еле застегнул. Пуговицы ребром торчали. Видно было, что он тут старший.

– Не устраивает в хвосте лететь, так мы билет перекомпозируем на завтра, на «ЯК-40». В самом центре салона место есть. Вроде солидный мужчина, а орёте тут как продавщица в вино-водочном на алкашей.

Олег махнул ему рукой. Ладно, мол, проехали. Я согласен. В зале ожидания все незнакомые сели подальше друг от друга. Когда до посадки в самолёт осталось пятнадцать минут нудный гнусавый голос из трёх динамиков обрадовал всех сообщением, что по метеоусловиям Алма-Аты вылет откладывается на час.

– Понеслась! – сказал громко парень в синей тёплой спортивной куртке и толстой вязаной шапке с «бобончиком» наверху. Рядом с ним на кресле лежали лыжи в чехле и бле-

стоящие дюралевые палки. Таких точно парней позади него было ещё человек пятнадцать. На соревнования, похоже, तोпились.

– Хорошо, что я у ректора отпросился до четвертого. Улетим же когда-нибудь, – Олег пристроился поудобнее к жесткому сиденью, надвинул шапку на глаза и попробовал забыться или вообще вздремнуть часок. – Хорошо, что жене обещал числа пятого вернуться. Чтобы не дёргалась.

Он закрыл глаза, упёрся подбородком в грудь и в полудрёме после всего, недавно выпитого, увидел оркестр на кладбище, мёртвое восковое лицо брата, окруженное по белому коленкору разноцветными бумажными цветами, услышал крик «пли!» и все пять залпов, плач Серёгиной жены услышал и её разглядел возле гроба. Сморщенную, жалкую, безудержно плачущую. «Так она плакала всё же, а я на неё напрасно потом дома отвязался». Он увидел как шестеро мужиков медленно, стараясь не поскользнуться на скате, опускали на толстых джутовых верёвках гроб, исчезающей в чёрном провале мёрзлой земли. Потом эту яму засыпали, поставили крест и ушли. И он ушел.

А Сергей остался там, под толстым слоем плодородной почвы. Остался навеки в другом мире, в царстве мёртвых, где больше не надо дышать, волноваться и верить в лучшее.

Олег вздрогнул, очнулся и почувствовал, как из углов глаз медленно выдавились две горячие капли.

Глава четвёртая

Злой как неделю некормленный в зоопарке тигр Миша Шувалов, командир борта 75 158 «ИЛ-18» скорым бегом нёсся в технический отдел огромного Московского аэропорта Домодедово от своего самолёта, со стоянки. Можно было и по рации с этим техотделом полаяться. Но Миша хотел сам взглянуть в глаза главному раздолбаю, заместителю начальника Кубанскому Григорию и даже потрепать его желал за грудки. Мише через полчаса уже покидать надо было Москву, столицу Родины большой, и рассекать небеса до Семипалатинска Казахстанского, дозаправиться там, пассажиров взять и – в родной порт – Алма-Ату.

А он бы и до Коломны не долетел. Хотя туда при хорошем ветерке и доплюнуть – не вопрос. Домодедовские техники уже не в первый раз забыли облить как следует машину водой с гликолем и загустителем, дорогим составом против обледенения. На закрылках, элеронах и руле поворотов после посадки, прямо вокруг тросиков и кое-где на крыльях ещё остался тонкий ледок. Даже на эшелоне 7000 этот тонкий слой льда распух бы втрое и хана! Все из салона – прямиком в могилу!

Управление огромным самолётом самоликвидируется со льдом на тросиках, пропадает напрочь. Сколько уже таких случаев было. Находили виноватых, рублём наказывали,

увольняли, но не судили и не сажали. Хотя каждый раз катастрофа была хоть, ясное дело, и не специально задуманным, но всё же убийством десятков неповинных людей и уничтожением очень дорогого самолёта. Миша Шувалов был мужиком спокойным, добрым и очень профессиональным. Он в войну ещё сопливым восемнадцатилетним пацаном по призыву отучился в лётном училище и с сорок четвёртого до конца Великой Отечественной работал на двухместном штурмовике «ИЛ-2», который враг звал «чума» и «черная смерть».

В конце войны эти самолёты уже имели по четыре подвесных реактивных ракеты, пару пулемётов и столько же пушек. Бомбы тоже метали, но редко. Со штурмовиков толку от них было не много. Демобилизовался Шувалов в сорок шестом с ранением плеча и левого бедра, в котором пуля немецкого истребителя не упокоилась, а прошла на вылет и Миша потом даже не хромал. Был у него орден Отечественной войны 1 степени, поскольку Шувалов служил не просто отважно, а результативно. Он сделал вместо двадцати пяти больше сорока успешных боевых вылетов и много чего уничтожил ракетами и пушками на бреющем полёте. Пулю из плеча вынимать не стали и до сих пор она ему не мешала.

Но на войне он «гробануться» не боялся. Не хотел – да. Но за кого бояться? За себя и стрелка? Быстрый бронированный, низко летающий «танк Ил-2» сбивали редко, да и умереть со стрелком за Родину они были сразу готовы. А вот

сейчас грохнуть «ИЛ- 18» с сотней человек на борту, пусть даже и сам порвёшься на мелкие куски, – дикость. Учителя, врачи, инженеры, артисты, студенты – они к тебе в салон не смерть встречать сели. И не враг погубит их! А москвич, мирный человек, хороший семьянин Гриша Кубанский, который, блин, не проследил за работниками, обязанными хорошо поливать машину дорогим антиобледенителем. Экономили, гады! Потому, что аварий от обледенения давно не было. Расслабились, блин.

Гриша по рации вдалбливал какому-то технику на «ТУ-104», что крышки после заправки топливом надо не просто закрывать, а дёргать их потом посильнее вниз. Проверять замки на крепость. Раскроется крышка на скорости 900 километров в час и воздух вырвет её вместе с куском крыла. А это ох, как чревато.

– Григорий, – Миша дождался пока начальник выговорится, заглушит рацию и спокойно сказал. – У меня ледок тонкий на тросиках повсюду. И на киле перед хвостовым рулём, на элеронах тоже. Крыло натурально мокрое от воды. Миллиметр льда растаял. Полечу – он замёрзнет и утроится в толщину. Винты его сдуют и осколки могут хвост побить. Ты чего, Гриша? За технарями вообще никак не смотришь? Про тросики вообще молчу. Рули уже не провернёшь. На улице, на земле сейчас минус двадцать девять. А на девятом эшелоне все пятьдесят будет. Мы с тобой сто человек убьём ни за что, Григорий.

– Ты, ё-моё, как девочка, Мишаня! – Кубанский его приобнял и поздравил с Новым годом. – Плачешь по пустякам. Куколку новую тебе не купила мамка. Глянь в окно. Для тебя машина с гликолем и загустителем вон она стоит. Видишь? С зеленой полосой по борту готов для тебя заведённый «ГА-Зон», пыхтит выхлопом уже. Он к тебе и не ездил ещё. За пятнадцать минут до вылета зальёт твой тарантас как ливень. В морозильник потом заталкивай самолёт на сутки – ни одна проволочка не закоченеет.

– А, ну ладно, – Шувалов сел на стул и закурил. – А раньше-то за полчаса поливали до старта. Ну, хорошо тогда. Как жизнь-то?

Кубанский Григорий провел ладонью поперёк горла.

– Комиссии замучили. Кто-то из Управления команду дал покруче гайки завинтить в техническом отделе. Каждый день ездят сюда четверо и во все дырки суются. На меня уже два протокола написали. Ну, вроде стойки шасси не смазываю как надо и грузовые отсеки не укрепляю перед вылетом. Во как! Важнее нет вопросов! А второй год прошу дать мне погрузчик с лентой – так вот хрен! Они, бляха, забывают его в бюджет вставить, понимаешь? А у меня работяги на загрузке скопытятся скоро. Кидают груз вверх руками. Так чемоданы иногда бывают вроде как гирями набитые. Эх, мля! А так – всё хорошо, Миша. А у тебя?

– Да тоже нормально всё, – Шувалов поднялся и пожал Грише руку. – Квартиру новую дали. Трёхкомнатную. Я же

теперь два года как пилот первого класса. Заслужил за девятнадцать лет. Мне, правда и со вторым хорошо было да двух комнат вполне хватало, а Наташка рада. Пацану в школу пять минут идти. Да и она на работу уже на автобусе не ездит. Пара кварталов от дома её больница теперь.

Они попрощались и Шувалов медленно пошел к самолёту. Посадка закончилась и машина с зелёной полосой уже стояла рядом. Ребята из трёх шлангов аккуратно заливали жидкость во все щели и на плоскость. Вдруг сзади его кто-то толкнул в спину. Миша повернулся и обалдел. Перед ним, покачиваясь на высоких каблуках пританцовывала стюардесса рейса Москва- Владивосток Вера Ляшко, старая его любовь. Ну, не любовь, конечно. Увлечение. Забава для путешественника.

Он с ней познакомился три года назад. Иногда экипаж отдыхает ночь, а то и сутки. Смотря какое расписание движения. В гостинице уютной живут, в аэропортовской, построенной давно для лётного состава. Они нечаянно и познакомились в столовой. Поболтали пару часов в вестибюле, а потом как-то само вышло, что Вера переночевала у него в номере. И с тех пор ещё пару лет они встречались каждую неделю. Совпадало время прилёта у обоих. А потом Миша как бы остыл, другая появилась, кассирша Лида. С которой он при возможности отдыхал и сейчас. Потому перед Верой и растерялся, и о чём говорить – не находил темы. Несколько секунд глядел на неё, потом уставился в снег на площадке и

глаз не поднимал.

– Завяли помидоры? – без особой грусти сказала Вера, крутнулась на одном каблучке и быстро пошла за угол аэропорта.

Шувалов на миг поднял глаза к небу, вздохнул с облегчением, посмотрел на часы. До отлёта оставалось двадцать минут и сзади он уже слышал голоса своего второго пилота, штурмана и бортинженера. Они рассказывали анекдоты и от души над ними веселились.

– Слышь, Владимир Викторович! – он обернулся ко второму пилоту. – Я написал рапорт на повышение тебе с нового года зарплаты. В конце декабря. Сказать некогда было, извини. К Новому году суетились, да и полёты никто не отменял.

– Спасибо. А с чего вдруг? – удивился Владимир. – Вроде как летал, так и летаю. Ничего героического не совершил.

– Ну, ты, может, и не помнишь, – засмеялся Шувалов. – но 26 декабря десять лет стукнуло как ты со мной летаешь.

– Ну, да! Помню я, ты что! – Володя Горюнов догнал командира, улыбаясь. – Так и зарплату с твоей подачи мне пять лет назад подняли. У меня хорошие деньги за подсобную для тебя работу. Двести рублей! Не знаю куда их и тратить. Же-на гоняет деньги мои по магазинам. Лодку мне резиновую к весне купила недавно. Спиннинг. Весна же всё равно будет. Рыбачить в новой лодке – это кайф. Старую я в семи местах проклеил. И спиннинг, отцовский ещё, выправил путёво, но он по – старости давно на пенсию просится. А она новый ку-

пила. Немецкий, дорогой взяла, блин! А чего? Навалом денег-то.

– Теперь триста будешь получать, – радовался за Володю Шувалов. – Теперь будет на что много всякой рыбы на базаре покупать. Сам ведь не ловишь ни фи́га.

– Я не ловлю? – ужаснулся такому вранью Горюнов. – А летом кто весь экипаж кормит щукой да окунем? А судака кто вам таскает маринованного!? Вот, лажа-то! Да я лучше рыбачу, чем летаю, блин!

– Шувалов посмеялся вместе со всеми и сказал очень тихо. Как бы нарочно, чтобы все прислушались, – Так зарплата увеличится на пятьдесят процентов не за десять лет в воздухе. Я же два рапорта подавал. Второй на повышение классности. Завтра на торжественном собрании тебе шеф даст лично в руки свидетельство. Там написано, что Владимир Викторович Горюнов является пилотом первого класса. Не помнишь, как комиссия из главного управления тебя неделю терзала вопросами, а один старый летун из комиссии мотался с нами в кабине пять рейсов подряд на приставном стуле? Первый класс дали. Теперь тебя, сволочи, заберут у меня. Будешь тоже командиром корабля, я думаю – «Ил – 18» дадут.

– А! – вскрикнул Володя. – Вон оно куда шло! А я думал, что мне шьют профнепригодность. На меня же кто-то из лётного отдела жалобу писал главному. Ну, будто я пью и уже несколько раз медики меня от полётов отстраняли. А я-то вообще не употребляю. Все знают.

– Это Боря Шарипов, – сказал штурман Лёва Зыков. – Это он рапорт на тебя подавал главному. Пить ты не пьёшь, но по бабам ходок не хуже дорогого шефа нашего Шувалова Михал Иваныча. Хотя командира обгонять некрасиво. Вот ты в позапрошлом году такую куколку-кралю у Шарипова вроде как бы случайно увёл! Не знал, вроде, что она под Шариповым отдыхает. Ленку Соболеву помнишь? Слышал ведь, что Шарипов с ней спит? Слышал! Не надо было эту дурёху изпод него вынимать. Других мало? Вот он тебя и хотел придушить таким макармом. Через пьянство твоё. Кто этого Шарипова перепроверять рискнёт? Он, гад, мстительный. Там бы тебе и зарплату снизили, и классность. И перевели бы работать на землю. Диспетчером, например. Это хорошо, что наш командир Шувалов с самым главным дружит, с начальником всего Управления гражданской авиации, с Рамазаном нашим, славным Оспановичем.

– Меня Рамазан позвал и рапорт этот показал. Мы-то с ним с детства дружим. В одном дворе жили. Призвали нас в войну одновременно и в одно училище направили. И воевали мы вместе. Он в нашей эскадрилье четвёртым на «ТУ-2» летал. Ранен. Чуть не списали его. Но он вылез и лётную комиссию с высшим балом прошел, – Шувалов помолчал. Потом матюгнулся и плюнул под ноги. – Он Шарипова не любит. В управление Борю-Байрама дядя родной затолкал. А Шарипов – «нарцисс». Любит и уважает только лично себя. И мстить умеет.

– Так что наш командир Оспанычу про тебя правду рассказал и упомянул, чем ты Шарипова разозлил, – засмеялся штурман, – Оспаныч психанул и хотел Шарипова «на ковёр» вызвать. Но Михаил Иванович наш его удержал. Мол, хрен с ним, дураком. По-настоящему горбатого и могила не выпрямит. После этого начальство стало к тебе приглядываться и самый главный на рапорты Шувалова правильно среагировал. И зарплату, и классность после необъявленной проверки тебе вот повысили. Справедливо, я считаю.

Подошли к трапу. Бортмеханик прогулялся под самолётом, пошевелил закрылки, проверил крышки топливных баков, осмотрел шасси и последним поднялся в каморку за кабиной, которую они делили со штурманом. Пилоты уже включили всё, что надо, причём делали они это так быстро, что если смотреть на их руки постоянно и вертеть головой, да двигать ей вверх-вниз, то запросто или шею свернёшь, или тошнить начнёт.

– Семь пять один пять восемь, на рулётку! – механическим голосом, уставшим повторять одно и то же, прогундел в наушники командира диспетчер. – Дорожка два, ветер встречный ноль два метра на минуту. Тихо на полосе. Разгон с тормозов, мощность движков на тормозах полная – 800 оборотов на минуту. Пошел.

Миша Шувалов снял пиджак, накинул его на спинку кресла. Горюнов повёл машину на взлётку. Встали на линию, нос точно по центральной рваной полосе выровняли и Володя

воткнул все тормоза, после чего дал движкам полную силу.

– Разрешите взлёт. Готовность первая, – доложил Шувалов.

– Взлёт разрешаю.– Равнодушно произнёс выпускающий диспетчер.

– Погнали! – командир рывком освободил тормоза и машина рванула вперёд.

– Пробег триста, скорость сто восемьдесят, пробег пятьсот, скорость сто девяносто. Мало! Вова, что там мешает?

Горюнов быстро пробежал взглядом по всем приборам.

– Не возьмём подъёмную тягу! – Закричал он в микрофон. У Шувалова, командира, зазвенело в ушах.

– Что там? – поправляя наушники спокойно спросил он. – Движки все пашут? Вроде не тянет вбок.

– Правый четвёртый движок даёт две тысячи лошадей вместо четырех тысяч и ещё сотни, – удивлённо крикнул Володя.

– Поднимаю обороты на все движки до критических значений. 950 оборотов. – Командир сказал это в микрофон негромко и спокойно. – Лишь бы полосы хватило. И не ори так. Уши завянут. Сколько уже разбег?

– Восемьсот метров. Скорость двести двадцать, – второй пилот вспотел и как заколдованный, приподнявшись, глядел на конец полосы. Конец бетонки – желтый флажок. Это отметка – полтора километра.

– Нос подними! – Шувалов рукой вдавил рукоятку мощ-

ности двигателей. – Угол атаки двадцать градусов возьми.

– Разбег тысяча метров, скорость двести тридцать.

– Отрыв! – сказал Миша Шувалов.

– Иду на опорных шасси, угол атаки двадцать, перепад давления над и под крылом – три. Мало. Подъёмная сила не тянет. Нет отрыва. Скорость двести тридцать пять, пробег тысяча сто. Не могу оторвать. Тяга дохлая, мать её!

– Нос ещё на десять градусов вверх, – уже громче сказал командир.

– Скорость двести сорок, разбег на полосе тысяча триста пятьдесят два. Предел, командир! Нет отрыва. Хана!!!

– Крылья под хорошим углом. Планерность – больше сотни. До конца полосы сто семнадцать метров. Отрыв!!!

– Есть отрыв!!! – Горюнов закричал так истошно и счастливо, что Миша скинул наушники и покрутил пальцем у виска. – Есть, мля! Пошла, родная!

– Ты бы, бляха, ещё станцевал. Нормально. Набирай эшелон двести. Плавно набирай. Я помогу. – Миша незаметно вытер со лба холодный пот и легонько потянул на себя штурвал, левой рукой накиннул наушники.

– Шувалов, ты пьяный что ли, – кричал диспетчер. – Ещё бы семьдесят метров разгона и шиздец котёнку! Что у вас? Движок отказал? Медленно занимайте эшелоны. Сперва лезьте на две тысячи, через десять минут – вставай на три и потом пошустрее до восьми тысяч ползи. Только нос выше двадцати градусов не задирай. Бери восемь тысяч метров на

четвертом коридоре. И так идите. Там уже хороший воздух, разряженный. Мощей много не надо. На шестьсот оборотов движки поставь. Когда на эшелон выйдешь, конечно. Удачно долететь! На трёх винтах скорость держи не больше шестисот в час. Крейсерскую, шестьсот пятьдесят, даже не бери. А я на техотдел запишу замечание. Маслаки, похоже, не прочистили, придурки. Не злись, Иваныч, я им «вклею» по самые помидоры

– Домой прилетим говорить об этом взлёте никому не надо. Все поняли? Штурман, стюардессам скажи. Не забудь. Сядем в Семипалатинске тихо и сами разберёмся. Раз две тыщи лошадей он всё же выдавливал, то не в маслаках дело, – Шувалов вытянул шею и посмотрел на крайний правый двигатель. – Скорее птицу винт покروшил и закинул в турбину. Забились несколько воздухопроводов. Сами прочистим. Не надо себе лишних нештатных в бумаги записывать. Руководитель полётов, Лопатин, – дядька у нас строгий. Может отстранить на месяц-другой от работы. А оно нам надо? – Миша Шувалов выбрался из кресла, похлопал Горюнова по плечу. Сам, мол, дальше лети.

– Пойду на пассажиров посмотрю. Они, думаю, не поняли ничего.

И ушел.

Володя, второй пилот, подвинул микрофон ближе к губам и сказал бортинженеру и штурману.

– Плохая, мля, мужики, примета – тяжкий взлёт. Это мне

ещё в училище говорили. Плохо полёт начался, плохо и кончится.

– Ладно. Глянем. Что, суеверный, Вова? Мы – нет. И командир, сам ты видел, спокойный как слон. Нормально всё будет. Держи горизонт. А то, похоже, волнуешься. Ещё в штопор не хватало свалиться при такой малой скорости, – высказался штурман Лёва Зыков и отключился.

Шувалов вернулся и потрепал за рукав деятельного бортинженера Колю, который всегда что-то чертил в блокноте.

– Там над девятым и десятым местами воздух из кондиционера не идёт. Пассажир сказал. Можешь сейчас сделать?

– Попробую, – Коля поднялся. – А вы, товарищ командир, мне не поможете?

– Подсоблю, конечно. Что делать надо?

– Вот тут за щитком видите – тумблеры? Вот над этим цифра девять, а вот – десять. Рацию возьмите. И я пойду в салон с рацией. Когда скажу – начните их по очереди включать-выключать. Только быстро. А я в потолке фрагмент открою и провода вот этой проволокой перемкну раз пять. Должно врубиться.

Возились в общем недолго. Минут двадцать. Потом Садовский прохрипел по рации.

– Всё! Спасибо. Работает обдув. Пассажиры довольны. Привинчу пластик к потолку и приду.

Мимо Шувалова в кабину прошла стюардесса Валя Марченко.

– Володя, кофе сделать? А тебе, Шувалов?

– Мне ведро крепкого без сахара, но с твоим поцелуем, – Миша повернул Валентину спиной к себе и с удовольствием похлопал её по пухлой попке, обтянутой синей короткой юбкой. – Завтра не летаем. Сходим куда-нибудь?

– В ресторан хочу, – Валя поднялась на носки и чмокнула Мишу в щёку. – Алма-Ата имеет два приличных ресторана. Но мне ближе один из них. «Иссык» в гостинице «Алма-Ата». Там и «лабухи» клёвые, играют как боги и поют нефигово. Да и отдыхают там обычно «серьезные» люди – местная номенклатура, «статусные воры», «жировые» от торговли и иногда – загулявшая интеллигенция, вся эта публика часто «разбодяживается» очень приличными командированными. Да мы ж с тобой раз десять там были! Что я тебе рассказываю!?! А потом ко мне домой, да?

– Да непременно, лапонька! – засмеялся Миша Шувалов. – Соскучился за неделю!

Валя ещё раз подпрыгнула, дотянувшись поцелуем до гладко выбритой Шуваловской щеки и командир пошел готовиться к посадке. Незаметно пролетели ещё два часа, а через полчаса – приземляться. Полоса в Семипалатинске хорошая. Новая, длинная. Миша потянулся, сел в своё кресло и подмигнул второму пилоту. Большой палец вверх поднял. Хорошо, значит, всё.

– Вот, бляха, где ещё у нас есть командиры корабля первого класса, которые простому бортмеханику помогают чёр-

ную работу делать? – веселился Коля перед стюардессами и штурманом. – Он мне должен был пистон хороший вставить. Это же моя недоделка. Это я ведь по должности не проверил всё перед взлётом. А он помог молча. Как вроде так и надо. Ну, бляха, мужик!

Сели в Семипалатинске без проблем. Бортмеханик позвал технарей и они стали четвёртый движок смотреть. Шувалов пришел в отдел полётов и перелётов к товарищу своему Зинчуку, летать начинали вместе на «АН- 24».

– С тобой в Алма-Ату Шарипов полетит Байрам, – сказал Гена Зинчук. – Он с аварии вертушки в Устькамане домой торопится. Расследовал причины. А спешит как!!! Мы ему место проверяющего забронировали. Четвёртое кресло свободно у тебя? Спешит, сучок. Жена, говорят, у него появилась новенькая – молоденькая. У нас в городе какие-то бумаги ему надо было забрать. Короче, такой тебе подарок, Миша!

– Да и хрен бы с ним. Молча будет лететь – мне тогда без разницы, есть он, нет его. Девку у меня отбил, хмырь. Анель с контроля местных авиалиний. Татарочка. Ничего была девка. Ну, ладно. Пойду я передохну до отлёта. Часа полтора есть в запасе. Давай краба, Гена.

Он вышел на дорожку к гостинице, где отдыхал лётный состав, но не спешил. Сел на скамейку. Закурил. Задумался. Долго сидел. Потом поднялся, сказал вслух всего одну фразу.

– А могли бы, конечно, гробануться. Повезло. Бывает.

В гостиничном номере никого больше не было. Миша Шувалов лёг в форме на низкую деревянную кровать поверх покрывала и попытался вздремнуть. Не получалось. Слышал голос второго пилота так ясно, будто они ещё взлетали с московской полосы

– Скорость двести сорок, разбег на полосе тысяча триста пятьдесят два метра. Предел, командир! Нет отрыва. Хана!!!

– Повезло, – снова вслух сказал Миша. – Бывает.

Глава пятая

Второго января всенародное нездоровое буйство счастья от тысяча девятьсот шестьдесят пятого пришествия Нового года по новому стилю на уютном пространстве безразмерного СССР не увяло. Даже от дикого перепития и переедания населением всего припасённого заранее. Где-то буйство даже воспрянуло, взбодрилось и рвануло с сатанинской энергией ещё веселей, шире, громче и самоотверженной.

От удара по головам и желудкам водочкой с салатом «оливье» в ночь с тридцать первого декабря на первое января народ на другой день обязательно поправлял свою похмельную сущность той же водочкой, но уже с селёдкой под шубой и холодцом. Потому утром второго числа население почти всем составом не ходило на работу. Это прощалось любым начальством. Оно тоже люди, тоже радовались безудержно и тоже появлялись на своих креслах, чтобы отзвониться более высокому начальству, которое тоже приползало на пятнадцать минут, чтобы принять честные звонки «с работы» от подчинённых, после чего все сваливали допивать и доедать.

Коля Журавлёв пил, ел и метал по квартире друга Димы серпантин в своей Москве. Он всегда прилетал на Новый год и дни рождения друзей из очень далёкой Алма-Аты, куда его рукой ректора добрая судьба зашвырнула по распределению из химико-технологического института на крупный

завод пластмассовых изделий «Кызыл-ту». Пять лет назад завод подбирал обученных специалистов, попросил московского ректора, а он, какой молодец, не отказал.

Алма-Ата за пять лет пригрела Колю солнцем, которое почти не знакомо было с облаками и роняло на город ласковый жар с февраля по ноябрь. Здесь как красивые цветы вдоль всех улиц ласкала душу искренняя дружба разных народов, озоновый воздух с Тянь-Шаня и бесчисленные фонтаны, хаотично рассыпанные по городу так щедро, будто сам бог их разбрасывал. Алма-Ата полюбилась Николаю Журавлёву как девушка, с которой он готов был прожить всю до гробовой доски жизнь. Но на праздники он всегда улетал в родной город, в московский двор сразу за остановкой троллейбуса в районе «Сокольники», который имел внутри себя неофициальный райончик – Матросский мост. Мост реально много лет стоял на улице Стромынке и действительно назывался матросским. Хотя не было под ним ни речки, ни ручейка или даже здоровенной ямы, какую невозможно завалить.

Это было загадочное, почти мистическое место, Матросский мост, как микрорайон в большом районе Сокольники. Во-первых, матросов, ходящих на махоньких кораблицах и катерах по Москве-реке или Яузе было так мало, что в их честь вдруг назовут и мост и целый район, было смешно даже думать. Во-вторых, главное – вода в колонках на улицах и в квартирах была наделена волшебной силой. Других пред-

положений районные москвичи не хотели иметь и не имели. Все, кто тут жил и воду эту пил, были шибко умными, большими и сильными. А так – всё как повсюду в Москве. Но парни и мужики с Матросского моста гляделись почти богатырями, девушки и дамы – соблазнительными красотками.

И, что поражало самих москвичей, так то, что практически все, кроме разве что дореволюционных дедушек с бабушками, имели верхнее образование и вкалывали на вполне уважаемых интеллигентных работах. Мистика. Но не вся. Многие жители этого района, дышащие озоновым фимиамом вечерами на балконах или сотворяющие променад по кривым улочкам, слышали голос с небес. Вот ниоткуда конкретно! Просто сверху.

Гипнотический бас мягко произносил всего одну фразу, но каждый день другую. Например: «Чистить зубы полагается пальцем, обернутым тканью, используя для этого порошок, изготовленный из вулканической пемзы с добавлением кислого вина или винного уксуса». Ну и много чего похожего на этот полезный совет. Иногда голос вещал большие цитаты из речей и манускриптов древнегреческих мудрецов, и публикаций великих советских учёных, писателей, а также членов политбюро ЦК КПСС. Нигде в Москве такого чуда больше не было. Кто-то рассказывал, что ночами по дворам Матросского моста носятся призраки, похожие на коров с крыльями бабочек. Но им уже не верили. Слишком умные и начитанные жили здесь граждане.

Коля по документу получил сначала среднее образование. Но это в аттестате так писали. Реально же похожие по глубине знания, забытые школьникам в самые обыкновенные мозги учителями школы номер девятнадцать, стоящей в центре Матросского моста, имели в миру только разные там аспиранты и даже кандидаты всевозможных наук. Журавлёв Николай жил с мамой и папой, которые посвятили свои умы докторов наук истории древнего мира и КПСС. В тридцатых годах горком партии им неназойливо рекомендовал упорно транслировать в пустые наполовину головы студентов особо ценные и нужные исторические знания о Партии. Папа однажды сказал взрослому сыну, добывающему школьную программу.

– Ты, Николай, должен тоже стать доктором наук. Не позорь семью. Не застрянь в «кандидатах». Я на том свете просто обязан скромно докладывать тому, в кого нам приказано не верить, что наша семья – это носитель высшей формы интеллекта. И мама, которая помрёт позже, повторит потом ему мои слова. Ну, и ты не забудь поведать об этом святому Петру, когда пойдёшь мимо него во врата рая.

Коля взял на себя такое обязательство. А потому учился и после учёбы, и за годы работы в Алма-Ате сдал там и кандидатский минимум, и докторский максимум. В двадцать восемь лет он был одним из двух самых молодых докторов наук в КазССР, что помогало ему на производстве в «Кызыл-ту» предлагать варианты неповторимых, придуманных

лично им безвредных мягких пластмасс и внешнего облика детских игрушек, которые ребёнок, заигравшись, мог съесть абсолютно без вреда здоровью. Хоть что. От зайчиков и танков «Т-34», до всех персонажей труппы артистов сволочно-го Карабаса-Барабаса. Он даже на большом собрании лично съел при инструкторе обкома партии пластиковый грузовик с колёсами и водителем.

– На вкус напоминает ирис «кис-кис», – доложил он пораженному собранию, медленно запивая бывший грузовик водой из графина.

Ну, а тут, ближе к тридцати, сами пришли к Коле Журавлёву положенные настоящему учёному забывчивость, рассеянность и неумение следить за собой в быту. Зимой он иногда бегал на работу в пиджаке. Забывал нацепить пальто. А яйца вкрутую всегда не доваривал, хотя любил только их, химию, работу, родителей и науку. У него не то, чтоб жены, даже мимолётных плотских связей не заводилось. Он всегда был занят размышлениями и не понимал иных забав. Да и когда ему? Некогда ведь было!

Но при всей патологической рассеянности и старческой склеротической памяти он никогда не забывал, что малая его родина – это огромная Москва, что там ещё живы папа с мамой и никуда не делись друзья детства. Зарплата доктора наук разрешала ему летать в Москву когда надо или если очень приспичило. Ну, когда сильно влекло обнять родителей и малость выпить с бывшими пацанами из школы и со двора, ко-

которые тоже почти поголовно – уже начальники разных весовых категорий или учёные. Другие в районе Матросский мост не жили.

Потому вполне логично, что Новый год Коля встречал в столице Родины. До двадцати трёх и тридцати минут вечера он благородно откушал с родителями всяких-разных деликатесов из буфета Академии наук, а потом убежал к Димке, где собрались все старые, как сам Журавлёв, друзья. Самым старым было уже двадцать восемь лет и вели они себя, ясное дело, как мэтры поэзии перед робкими начинающими стихоплётами. Ну, примерно так.

Пили друзья отчаянно и неумеренно всё без разбора, и очень символически закусывали, поскольку имели отменное здоровье и понимали, что всерьёз нахрюкаться до поросычьего визга смогут они снова все вместе только по пришествии шестьдесят шестого. А это ведь аж через год! Это так угнетало, всем желалось всегда быть вместе, выпивать, ходить в библиотеки и планетарий, любить впятером одну девушку из своего круга и устраивать с похмелья научные дискуссии на темы научно-технической революции в СССР.

В ночь с первого на второе января не «отсохшие» за день крепкие парни и молодые стойкие дамы собрали на стол общего друга Димы Рыкова, пока ещё кандидата философских наук и кандидата в мастера спорта по штанге в тяжелом весе, собрали из своих квартир всё, до чего не добрались за прошлую ночь их родители и близкие родственники. То есть

стол ломился от белых, зелёных коньячных и водочных, а также непрозрачных бутылок с рижским бальзамом и тарелок с шикарной закуской. Ну, точно так же, как тридцать первого декабря. Днём друзья употребляли коньячок малыми дозами между пустяковыми делами и дорогими беседами о великом и прекрасном, а в ночь на второе число сели за стол с крепко засевшей во все головы мыслью, что Новый приходит именно сегодня в ноль часов и ноль минут. Было это в десять вечера. О вчерашней встрече очередного счастливого года даже не вспоминали.

Где-то часа в три, когда и не утро, но уже и не ночь – перешли к обширной танцевальной программе. Дима включил новый магнитофон «Тембр» с большими колонками в углах комнаты и друзья бригадой из двадцати человек, почти на половину разбавленной прекрасной половиной людской популяции, стали дергаться, подпрыгивать и вихляться под современную музыку запретного западного сплава рок-н-ролла, ду-вопа, скиффла, ритм-н-блюза и соула. Танцевали как им хотелось. Но насколько интуитивно правильно они эти зашифрованные танцы исполняли – неизвестно, поскольку как конкретно надо переставлять ноги и туловище для ритма ду-воп им пока никто не доложил. Друзей, как и врагов в США ни у кого пока не завелось.

Как-то само вышло, что Николай стал подпрыгивать и приседать, поднимая поочерёдно ноги, напротив девушки Игорька Бастрыкина Евгении. Красивая была девушка, вся в

белом блестящем, фигуристая, пахнувшая неизвестными Николаю духами. Получалось так, что танцевал он с ней в этой большой и бесформенной куче тел, машущих ногами и трясущих головами.

– А ты с Игорем учился? – крикнула она, выводя тело из акробатического изгиба. – Ты красивый. А очки зачем носишь? Выпендриваешься? Или полуслепой? Меня видишь?

Коля успел махнуть рукой и послать девушке Жене воздушный поцелуй. Потом выпитый в количестве пятисот граммов коньяк мотнул его крепко вперёд и он, порушив ритм танца, навалился на партнёршу и завис на ней, не имея сил в ногах, ушедших в танец родом с дикого для гражданина СССР запада. А буквально через пару секунд сквозь туман в залитом водкой да коньяком сознании почуял Коля очень сильный и глухой удар по челюсти. Это так взревновал Игорёк Бастрыкин. Он был тоже такой же большой как Николай и все мужики из района Матросский мост. И в равной битве Журавлёв Коля на сто процентов ответил бы ему адекватно. Но в случившейся глупой ситуации на стороне Бастрыкина и правда была, и право защитить хоть и временную, но собственность.

Коля мотнул головой, очки улетели в свободном полёте неведомо под чьи пляшущие ноги, но стёкла захрустели под ступнями так ужасно, что Журавлёв, перед тем как рухнул под ноги партнёрше, догадался смутным мозгом, что домой ему предстоит добираться с поводырём. Без очков он даль-

ше вытянутой руки наблюдал только дрожащее марево и всё остальное виделось как в театре теней. Много читал Николай. Слишком, гадство, много! И, пожалуй, только в том и есть беда от чрезмерного чтения, что вскоре ты начинаешь много знать, но ничего без помощи окулистов не наблюдаешь и о многом, тебя окружающем, даже нее догадываешься.

Его подняли с пола, усадили на диван, где он и задрях мгновенно, ухитряясь придерживать тупо ноющую челюсть, что не мешало глубокому, как обморок от испуга при встрече с жутким привидением, сну. Проснулся он ближе к четырём, почти к вечеру в кровати Димы, поднялся, выпил стакан коньяка, поставленный заботливым, понимающим жизнь человеком на стул возле кровати, после чего обошел квартиру и обнаружил только спящего на кухне хозяина, который видел хорошие сны и на вьетнамском, похоже, языке комментировал их, уткнувшись головой в пустую соломенную хлебницу. Остальных праздник сдул в какое-то ещё гостеприимное хлебное место.

– Окончен бал. Загасла свечка, – сказал Николай в пространство пустой квартиры, накинул пальто, шапку, ботинки и наощупь пошел домой к маме с папой.

Улица «Вторая речная», где жил он и друг Дима, имела на Матросском мосту второе название, вынужденно придуманное самими гражданами. Звали её в народе Раздевалка. Она тянулась с севера на юг километров пять и была предпоследней в районе. Первые две улицы строили и заселяли с трид-

цатых годов. И чем ближе они придвигались к центральной и светлой улице Стромынке, тем уютней и безопасней считались. Стромынка вела по просторному тротуару и под люминесцентными фонарями к широкому Богородскому шоссе, по которому можно было в лучах тех же уличных ламп дойти к улице Сокольнический Вал, а с неё напрямик пробежать в знаменитый парк. В Сокольники!

Вот чем ближе к Стромынке и шоссе Богородскому, тем спокойнее было населению местному и приезжим. Там и машин побольше, и народ лениво, коллективно и в одиночку под фонарями гуляет, милицейские патрули мотаются, горожане столичные дышат свежим ветром на красивых Преображенской и Рубцовской набережных Яузы. А по всей длине улицы Раздевалка в районе Матросского моста народ раздевали уркаганы. Проще – разбойники, которых несло сюда из разных мест Москвы.

Местные эту опасность знали и, если не были сильно уж пьяными, приближались к своему дому с другой, светлой, улицы. Они добирались до Раздевалки и короткой скорой перебежкой успевали целыми долететь до подъезда. Милицию сюда не задували даже мощные ветры. Никогда. Николай шел к маме с папой именно по Раздевалке, поскольку после двухдневного злоупотребления коньяком и водкой ничего не соображал, не видел, а потому не боялся даже атомного взрыва перед ногами. Он зигзагами, раскачиваясь и хватаясь руками за тёмный воздух, передвигался в нужном направле-

нии к квартире родителей с помощью врождённого инстинкта. То есть «на автопилоте».

Тем не менее, метров за сто до дома его догнали трое трезвых пареньков в пальто с шалевыми воротниками, тёплых мохнатых кепках, в белых бурках с коричневыми кожаными вставками и с ножами в крепких руках, украшенных редкими кожаными перчатками. Все бандюганы бегали сюда из ближайшего района Марьино Роща. Удобно было.

– С Новым годом, бродяга! Вот пришло новое счастье! Давай, баклан, котлы сюда, – раскрыл затянутый красным тонким шнурком холщовый мешочек тот, что схватил Колю за рукав слева. – Ух ты! «Полёт» позолоченный и браслет тоже. Обгимахт!

– Лопатник тоже давай, – добавил тот, что прицепился справа. Коля вынул кошелёк с пятью рублями. Остальные у отца оставил. Зачем в гостях деньги?

– Клифт скидавай, – третий расстегнул Колино пальто, которое его ничем не привлекло, а пиджак и брюки он полюбил с первого взгляда. – Красивый клифт, шкуры мазёвые. Тугриков сто отдал за этот набор, да?

– Костюм мой – чешский. Сто двадцать рэ! – Коля стукнул себя в грудь. – Чесслово!

Без очков он ничего толком не видел. Только ножи блестящие и одежду разбойников. Лиц не рассмотрел.

– Ну, давай, фраерок, не мучь ребятишек, чешись шустрее. Всё в мешок скинь и вали. На перо ставить не будем, ес-

ли в законные сорок пять секунд уложишься. – Заржал главный из троих. – Вся жизнь наша – это как служба в армии. В пехоте причём, по горло в грязи и при большой опасности для жизни. И потому всё надо делать быстрым шамором. Давай барахло!

Коле помогли раздеться, дали пинка под зад и сказали верное напутствие.

– Бегом – марш! А то заболеешь. Двадцать пять сейчас с минусом. Счастья ещё побольше тебе в новом!

В другой раз, да при очках, Николай бы ничего не отдал, а набил бы парням рожи и отнял финки. Он был больше каждого вдвое и кулак Колин равнялся трём кулакам разбойников. Но именно сейчас он еле стоял на ногах и мало чего понимал, а драться без очков для него всё равно, что писать реферат зубочисткой. Домой к родителям он пришел на одном энтузиазме, поцеловал обоих, поздравил с наступившим и лёг спать в коридоре на коврике.

Но отец был не меньше сына и не слабее. Он отнёс Николая под холодный душ, вытер его, дал свои новые трусы, майку и свой костюм.

– Раздели гопники? – спросил батя.

Коля кивнул.

– Билет на самолёт в костюме был?

– Нет. Билет здесь. В моём портфеле. Портфель в вашей спальне, – Николай стал трезветь с такой скоростью, с какой закипает вода в чайнике. Вот вроде пять секунд назад она и

не шевелилась, а вдруг мгновенно стала исходить вверх паром и булькать пузырями. Оживала. Ну, вот так и Коля после душа ожил.

– Бляха-муха! – воскликнул он. – Сколько времени?

– Пять, – отец глянул на настенные часы в деревянном корпусе с вензелями ручной работы.

– Доктор наук не должен говорить «бляха-муха». Не солидно, – мама охнула и поморщилась.

– Ну, так чего тогда сама говоришь? – хихикнул отец.

– Короче, я как раз успеваю в Домодедово к регистрации, – Николай полностью оделся и прижал к груди портфель. – Рад был дома побывать! Рад был вас увидеть. Теперь приеду через месяц, третьего февраля, на твой, мама, День рождения! Всё! Побежал.

– А ты из Алма-Аты в других ботинках приехал. В чёрных с серой меховой оторочкой. А это? Это что? Коричневые. Грубая кожа. Без утепления. И огромные, – мама прижала ладони к груди. – Они же тебе большие. Это ж сорок шестой размер. А твой – сорок третий. Откуда они? С бандитами поменялся?

Поскольку разум Николая уже не душило похмелье как утром, он попросил у отца сто граммов водки, чтобы полностью вернуться в реальность. Батя дал ему стакан, а сверху покрыл его кусочком черного хлеба. Так на могиле оставляют прощальный гостинец покойнику.

– Это прямой намёк. Я ничего не перепутал, – улыбнулся

папа грустно. – Ты побухай ещё и я тебе этот стакан с хлебом наверху возле креста поставлю. А эта отравка валит незаметно, но наверняка. Очко сыграть не успеет и у тебя уже цирроз, за которым следует кладбище и ежегодные поминки.

– Ты доктор наук, учёный! – мама заволновалась. – С тебя сын пример взял и ещё всё берёт, и берёт. Не говори этих уголовных или пролетарских слов: «Побухай», «Очко сыграет». Фу-у!

– Слушай, батя! – Коля взял стакан. Там было сто пятьдесят налито, глотнул разом и занюхал. Хлеб вернул. – А ботинки ведь натурально не мои. Кто-то уходил, сильно похмельный, и перепутал. Я с кровати соскочил последним вообще. Что осталось, то и надел. Но в этих моя ступня, я только заметил, гуляет от носка к пятке сантиметра по три туда-сюда. Причём носки-то толстые, зимние. Во, какие хмыри среди друзей моих! А, батя!?

– Новые купишь, – сказал отец и пнул ногой в тапочке по задубевшей коричневой коже. – Как камень. Не гнутся, наверное? Ну, ладно, беги! Такси прямо за домом поймаешь. Они тут по светлой улице всегда катаются.

Николай ещё раз всех расцеловал, счастья пожелал и здоровья. Забрал у бати портфель и побежал прямо на Стромынку. Там уж точно такси днюют и ночуют. Бежалось быстро, но трудно. Нога гуляла в ботинке и это мешало держать равновесие.

– Сразу после праздника в Домодедово и в командиров-

ку? – улыбнулся таксист.

Коля достал из портфеля билет, перебрал его в нагрудный карман отцовского пиджака.

– Я сам москвич. После института распределили в Алма-Ату. Это в КазССР, если не знаете. Лечу вот с праздника. К друзьям специально приезжал. Мы каждый год вместе встречаем Новый у одного друга. Хата большая и живёт один.

– Ни хрена так, – водитель окинул Николая странным взглядом. – Тебя после института первым секретарём ЦК распределили? Билет рублей пятьдесят стоит, да?

– Пятьдесят шесть, – Коля перебрал в портфеле бумаги. Завтра надо будет дописать доклад на форум республиканских производителей. Увидел там тонкую коробку. Достал. Это мама угостила сына конфетами «Грильяж в шоколаде». Любимые его конфеты с детства. – Я на все дни рожденья родителей и ребят своих летаю, на восьмое марта, на свой день, когда родился. Короче – раз пятнадцать за год выходит.

– И где ж ты пашешь? Кто может так часто не по делу платить за тебя Аэрофлоту?

– Летаю на свои. Николай засмеялся, – Я зам.директора крупного завода, доктор наук скоро буду, профессором в политехе Алма-Атинском. Лекции там читаю по химии.

Таксист повернул направо и впереди очень близко нарисовалось длинное здание, над которым синим перламутром сияли буквы из стеклянных трубок, заполненных неоном:

«Аэропорт Домодедово»

– И сколько получаешь? Извини, конечно, – ещё раз внимательно изучил внешность Коли таксист. – Тебе вроде ещё и тридцати нет.

– Ну, где-то около семисот рублей как начальник. Плюс надбавка за учёную степень, плюс премия каждый квартал, ну, ещё за лекции в институте платят. – Журавлёв Николай почувствовал, что хвастается. Хотя говорил без эмоций. Как о неважном кинофильме. – В общем, выходит слегка за тысячу триста.

– Таксист выключил счётчик, остановился точно напротив входа в порт и спросил.

– Сколько настучало видел?

– Нет, не смотрел я. – Коля сунул пятерню в карман пиджака. Туда переложил все деньги.

– Тогда с тебя четвертак, Рокфеллер.– Заржал водитель.

– Да я постоянно так езжу. Восемь рублей всегда на счётчике. И тридцать пять копеек, – Коля удивился и стал смотреть на таксиста с огромным вопросительным знаком во взгляде.

Четвертак, я сказал! – водила ухмыльнулся.– Я за такие деньги, какая у тебя получка, сдохну тут вот, за рулём, не отходя от педали газа. Не буду соображать где лево, где право, и заработаю инфаркт от перенапряга сил. А ты вон цветущий хоть и с похмелья, лощёный, молодой, кирпичи явно не таскаешь и баранку сутками не крутишь.

– Десять, – сказал Журавлёв и отвернулся.

– Я сейчас вон того «мусорка» позову и скажу, что ты пытался у меня выручку отобрать дневную. А успеешь убежать, поймаем в аэропорту. Тебе ведь улететь надо. Ради экономии четвертака ты ж не побежишь в тёмные дворы назад?

– Да не обеднею, – Николай кинул таксисту на колени двадцать пять рублей. – А тебе они поперёк горла встанут. Потому как нечестные денежки.

Он хлопнул дверцей «волги», вошел в зал и услышал голос девушки-информатора.

«Закончилась регистрация билетов на рейс триста семь по маршруту Москва – Семипалатинск – Алма-Ата. Опоздавшие должны пройти регистрацию за пять минут. Или билет аннулируется».

Журавлёв, проклиная таксиста, который его задержал, успел доскакать до стойки и зарегистрироваться. Через полчаса он уже летел в кресле номер тридцать шесть в Семипалатинск. Ступни внутри ботинок стучались то пальцами об твёрдый носок, то пяткой об похожий на железо задник.

– Ничего, – Николай снял ботинки и поставил рядом. – Меньше надо пить. В Алма-Ате совсем брошу. А то и грядущий чин профессора будет мне великоват как эти ботинки.

Почти до самого Семипалатинска он спал крепко, тяжелым похмельным сном и видел какие-то жуткие сновидения. Страшные. Будто кто-то отрубает ему голову, но никак не может отрубить. Кровь вокруг, куски мяса и костей от го-

ловы. Кошмар. Наконец голова разлетелась на части и кто-то выплеснул ведро крови Николаю в лицо, которого уже не должно было существовать.

Журавлёв вскрикнул и проснулся.

– Вам плохо? – Спросила соседка, женщина лет пятидесяти. Учительница по взгляду и осанке.

– Пока не знаю, – ответил Коля. – Посмотрим.

И стал глядеть в иллюминатор, за которым как в телевизоре, не выключенном на ночь, летела вровень с самолётом унылая серая рябь, заслоняющая собой и облака, и планету.

Глава шестая

В декабре Лёха не ночевал дома шесть раз. Ну, в ноябре тоже примерно так же. А начались походы мужа налево с ночёвками и загулами на пару дней примерно полгода назад, через пару месяцев после свадьбы. Начальник отдела института «КазГосгорпроект» Алексей Иванов женился на изящной стюардессе Алма-Атинского подразделения Аэрофлота Галине Семёиной.

Галкина подружка Люда Ерофеева сразу же научила её как отследить неверного мужа непосредственно в мерзком процессе измен и точно знать к кому он от неё бежит.

– Как отловить неверного, замужня женщина должна знать с первого дня после ЗАГСа так же как имя мамы и папы. Потому, что поголовно все мужики изменяют любим женам всегда и всюду. Любим! Даже королевам и народным артисткам СССР, – пояснила она с поднятым вверх указательным пальцем.

Но Галка как-то ухитрилась незаметно для себя прожить с Ивановым аж полгода. Двадцать восьмого декабря рано утром, пока муж спал, с чистой совестью и по справедливому поводу быстро обшарила все карманы четырёх его костюмов, чего никогда не делала до Людкиного инструктажа. Подружка к тридцати трём годам замуж выходила пять раз и столько же разводилась, имея полную доказательную базу на

изменщиков, которых мастерски застукивала прямо на очередном адюльтере.

Больше в ЗАГС она не ходила, хотя её туда многие звали. И неоднократно звали. Хороша собой Людка, подружка Гали со школьных времён. Потому не впрягалась больше в узы Гименя, что из личного опыта вывела чёткую и своеобразную формулу любви:

«Все без исключения мужики женятся для того, чтобы бегать по бабам. Не «гуляют» только полные идиоты и импотенты, которым в семье тоже делать нечего. Не ходят налево только холостяки, они интенсивно ищут себе подходящую женщину, перебирая их десятками, чтобы найти, жениться и начинать ходить по бабам»

Галка Сёмина формулу изучила и с ней согласилась. Хотя давно уже, через каких-то пару месяцев после свадьбы она сама без посторонних приказов и советов глупо спрашивала мужа за ужином или в постели, нет ли у него любовницы. Почему начала интересоваться, даже себе объяснить не могла. Просто чувствовала: не так что-то. Вот не так и всё! Потому не вовремя, интуитивно и спонтанно вырывался этот вопрос. Ещё задолго до его ночёвок не дома и до Людкиного правильного совета, как разоблачить и изгнать неверного мужа. Муж поначалу смеялся, обижался, но довольно скоро стал возмущаться.

– Вот ещё раз начнёшь меня допрашивать, уйду жить к отцу с матерью. Хотя женился я по любви и никто мне не

нужен больше. Но твои подозрения – это оскорбление мне как человеку и честному гражданину. А давай и я начну докапываться, кто у тебя есть в любовниках из ваших летунов, покорителей небес и стюардесс!? Как будет тебе? Не оскорбительно?

В общем, в одном из костюмов нашла Галина два билета на новогодний бал в Алма-Атинском театре оперы и балета имени Абая, который намечался на тридцать первое декабря. На семь часов вечера. О билетах Лёха ничего не говорил и любая дура легко могла догадаться, что второй билет не для неё. Новый год они давно договорились встречать у его родителей, первого сходить к подружкам Галины и к маме с отцом, а второго с утра Галка улетала со своим экипажем на родимом «Ил-18» сначала в Семипалатинск, а из него в Москву. Там отдых без ночёвки в гостинице «Домодедово». И после обеда – обратно. Вернуться из Москвы и Семипалатинска стюардесса Сёмина должна была ночью, в ноль-ноль сорок пять минут уже, получается, третьего января шестьдесят пятого.

– А мы, Алексей, когда к родителям пойдём праздновать? – спросила она после того как нашла билеты на бал. Но не в тот же день, а ровно тридцать первого числа за завтраком.

– Так часам к десяти и пойдём, – сказал Лёха. – До девяти мы в проектном нашем институте коллективом тесным пригубим стопочек по пять-десять, и по домам.

– А без коллектива никак? – зря спросила Галина. Потому как надулся Алексей, помрачнел.

– Я там заведующим чертёжным отделом работаю. Самым крупным и важным. У меня пятьдесят три человека в подчинении. И я им скажу, что даже символически не желаю отметить приход Нового с шоблой бездарей и бездельников? Так ты предлагаешь сказать и сделать?

– Нет, останься, конечно, – успокоила его жена. – Не подумала я. Извини. К родителям добежать успеем. Правда, тортик может на бегу помяться. Я испеку к вечеру.

– На такси поедем, – сказал Лёха. – Только на такси. И торт не помнётся, и платье твоё новое.

Без пятнадцати семь перед новогодней ночью Галка стояла возле входа в театр, где намечался бал. Народ валил и млад и стар. Все радостные, слегка поддатые. А потом и Лёха объявился с красивой высокой девчушкой лет двадцати. Она была в шубке белой из искусственного меха, в такой же шапке и сапогах чешских на длинном тонком каблуке. На ушах её, слегка прикрытые крашеным под светлый блонд волосом, болтались длинные серьги с блестящими розовыми камешками.

– А лишнего билетика не будет, влюблённые? – Галина взяла мужа за рукав. – Поищи, добрый человек. По глазам вижу – ты и мне купил билет.

– Вы как разговариваете?! – впряглась девчушка. – Тычете с какой стати? Человек постарше вас будет.

– Значит нет мне билетика? – через не хочу засмеялась Галка очень неискренним смехом. – А вы, девушка, не забывайте, что надо обязательно предохраняться. Есть отличное противозачаточное. Как только дело сделано, бегите спринцеваться. Ложка лимонной кислоты на стакан воды – и этим там промывайте. Вот мы с Лёшенькой так и делаем хотя, конечно, есть у него и презервативы. Но они ненадёжные. Лопаются незаметно. Так что, женщина, спринцеваться никогда не забывайте. А то родите нечаянно по неопытности и его заставите алименты платить. А у нас на семью и так доход не шибко. Подкосите нам жизнь в сторону бедности.

– Э!! – девочка открыла рот и так стояла пока Галина не ушла. А развернулась Галка Сёмина, мотнув полами длинного бежевого коверкотового пальто с лисьим воротником, и картинно удалилась. Лёха снял шапку, отвернулся и вымастерился вполголоса.

– Ты что, женатик? Вот же ханурик, а! А чего уши мне конопатил, что наконец меня встретил, для женитьбы подходящую? – всхлипнула девчонка сразу. Но мгновенно разозлилась, стукнула его каблучком по верху ботинка и убежала, оставляя за собой шлейф духов «Рижская сирень» от Dzintars.

Галина сбегала к своим родителям, заранее поздравила их с наступающим. Мама дала ей три баночки литровых. В одну она как-то втиснула больше килограмма винегрета. В другой утонул в самодельном майонезе салат оливье, а третья

баночка была крышкой закручена и в ней теснили друг друга мамины маринованные огурчики с дачи.

– Это вот те, которые я сажала и поливала? – спросила дочь. Мама ей отдельно несколько грядок дала и они соревновались: у кого больше разродится урожай.

– С твоей, с твоей! – засмеялась мама. – У меня результат скромнее. Да и не сняла корнишоны вовремя. Картошку окучивала повторно и забыла сорвать в срок. Переросли себя. А твои вон какие! Хоть на ВДНХ показывай.

Поцеловались, отец ей коробочку духов «Красная Москва» подарил, потом все трое завалили друг друга самыми замечательными пожеланиями и Галка вышла на улицу. Домой идти не хотелось. Аэрофлот дал ей двухкомнатную квартиру к десятилетию безупречной службы. Она с детства мечтала стать стюардессой. В учебном центре академии гражданской авиации получила квалификацию бортпроводника сразу второго класса за четыре месяца изучения английского, казахского языков, этикета общения с пассажирами и конструкции самолётов разных марок.

Через девять лет прошла месячную переподготовку, заняла первую, высшую категорию и к тридцати трём годам была одной из лучших на всех конкурсах бортпроводниц в республике и в СССР. Поработала на «Ан-24», «Як-40» и надолго осела стюардессой «ИЛ-18», который летал из Алма-Аты в Москву. Рейсы были частые, отдыха мало, замуж выйти никак не получалось. Времени на серьёзное знаком-

ство не было, и только в тридцать три она получила награду – летать всего два раза в неделю при той же зарплате, которая не уступала жалованию, например, инструктора горкома партии. Труд стюардесс, как и лётчиков, считался опасным и ответственным, потому оплачивался достойно.

Хорошие деньги имела Галина Сёмина. Такие, что получила она квартиру и сразу обставила её по самому современному образцу. В доме было всё. От шикарной отделки дубом дверей, паркета в комнатах, чешского кафеля в санузле да на кухне, до металлической, редкой ещё в столице двери. В квартире – гарнитуры из Румынии, Чехословакии и Польши, два телевизора, один в спальне напротив деревянной кровати, кожаные диваны и кресла в зале, холодильник «ЗиЛ», электромясорубка, посудомоечная машина и ещё много всего всякого-разного, до чего не дотягивались руки у большинства советских рабочих и служащих. Одевалась Галина как модница-парижанка. Девочки, летающие в Париж, за её деньги привозили ей всё. От духов до нижнего белья, не говоря о шикарной обуви и потрясающе элегантной одежде.

Но сама Галка нос не задирала и особого внимания на своё добро не обращала. В квартиру подружек специально не водила, чтобы похвастаться, а от слишком вызывающей одежды из Франции отказывалась. Ну, обставила дом красиво и ладно. Ну, есть что модное надеть, да и что с того особенно-го? Нормально. Вот покупать в столичных галереях хорошие картины ей не просто нравилось. Она прочла массу книг и

журналов о живописи, имела четырёх друзей-художников и в искусстве на довольно высоком уровне много понимала, хотя кисточку ни разу не брала в руку и названия красок часто путала.

На стенах квартиры места не хватало для картин. Одни она временно снимала, потом снова меняла их на новые и укладывала предыдущие в большой закуток-чуланчик. Он был в спальне и имел стеллажи, на которых временно отдыхали, ожидали своей очереди, чтобы вернуться на стенку, работы лучших мастеров КазССР и покупки из московских галерей и музеев. Она так хорошо разбиралась в живописи, что по просьбе её подруг институты гуманитарные приглашали Сёмину читать лекции о Фламандской живописи или импрессионизме. В общем, более, чем интересно и насыщено жила жизнь свою Сёмина Галина, стюардесса. Не хватало только счастья в личной жизни.

И как-то вышло, что случайно архитектор и подружка с детства Людка Ерофеева взяла её с собой в проектный институт. Надо было чертеж модного фронтона забрать. И Галка увидела Алексея. Влюбилась с первого взгляда – не точно сказано. Она в Алексее утонула. Он за час разговора потряс Галку эрудицией, галантностью, знанием дела и внешностью. Иванов был похож на принца из волшебных сказок. Высокий, белокурый, с широкими плечами и красивым мужественным лицом. Артисты с такой внешностью в кино играют или героев-любовников, либо бесстрашных совет-

ских разведчиков. Она не видела как подружка подмигивала Алексею и коротко кивала своей ухоженной головкой в Галкину сторону. Потом Галина напросилась пойти с Людкой к Иванову ещё, а вскоре ещё пару раз. И во время третьего визита Людмила вышла как бы по своим делам, и Алексей сказал смущённой от уединения Галине Сёминой.

– Я вижу в вас особенную женщину и высококачественного человека. Можем мы встретиться не в кабинете, а, допустим, в специфически элитном и самом престижном ресторане «Иссык»?

– Когда? – от неожиданного предложения ахнула Галина.

– Да сегодня же, – улыбнулся Алексей мило, добро и свойски. – Меня там знают многие и хорошо относятся. То есть никто мешать не будет. Да и оркестр там приличный. О еде и напитках даже не упоминаю. Эксклюзив полный.

Но и закрутилось. В ресторане Иванов честно рассказал, что развёлся с женой. Характеры не совпали. Он упорный, настойчивый и смелый. Она – хорошая, красивая и умная, но нелюдимая и большая любительница ходить к гадалкам или целыми днями молча вязать свитера, кофты, перчатки и шарфики. Да говорить с ней было вообще не о чём. Она нигде не работала в свои двадцать пять, а нашел её Алексей случайно в Ботаническом саду, где часто гулял после трудного рабочего дня. Она туда забрела и забыла путь к выходу. Он её проводил до дома и после третьей встречи решил жениться на молчаливой, но уютной красотке. Жили как чу-

жие, объяснил он Галине. Детей за два года не родили, а потому разошлись без споров – кому ребёнок. Он оставил ей квартиру, всё, что в ней было и сейчас в свои сорок лет живёт у родителей. Открытость и видная откровенность Алексея срубила Галку как ёлочку. Под самый корешок.

После ресторана, наговорившись и оттанцевав до мозолей на пальцах в модных, но тесноватых туфельках, она позвала его к себе домой. Он взял на вынос за большие деньги коньяк с пятью звёздами. Они долетели на такси до Галкиных хором, где Алексей стал просто Лёшей, остался на ночь, а на другой день привёз большой свой коричневый чемодан и начал с Галкой Сёминой жить. Через месяц они расписались и неделю наслаждались друг другом. Лёша взял отпуск без содержания, а Галина бюллетень. Знакомая главврач пятой больницы написала, что Сёмина заработала жесткое ОРЗ.

Потом пролетело два месяца и она очень удивилась, что Лёша домой либо не спешит, либо вообще ночевать не приходит. Объяснял авралами на работе. Ночной спасительной пахотой в отделе, где никак не соберётся коллектив мастеров, талантливых чертежников. Галка говорила ему, что звонила в отдел ночами, в милицию звонила и в морги. Но Лёша всё объяснял просто, хотя с лёгким раздражением.

– Я же отключаю телефон на ночь. Всем мужья трезвонят, жены. А работать когда? Надо же во время проекты сдавать. Вот и пашем ночами без еды да на одном чае с безвкусной грузинской заваркой.

Тридцать первого декабря от театра оперы и балета, где не пустила на бал Лёху с любовницей, Галка забежала к родителям и с тремя банками еды пешком пошла домой. Она почему-то думала, что просидит ночь одна, выпьет шампанского и будет пялиться до утра в телевизор. На душе было пакостно, хотелось напиться до отвращения, но этого она делать не умела. После пары рюмок водки или коньяка пить ей больше не хотелось и заставить её вмазать ещё стопарик для веселья не мог никто.

Но в квартире, закинув ногу на ногу, с рюмкой коньяка в одной руке и яблоком в другой сидел Лёха. Он улыбался так мило, будто это не его недавно жена перехватила под ручку с любовницей.

– А ты раздевайся, дорогая! – он встал и помог ей снять плотно облегающие ноги сапоги. – Садись и я расскажу тебе, что и кого ты сегодня видела возле театра.

– Кого? – Галина налила в бокал сок из графина в бокал. – Это твоя сестра, которая внезапно прилетела на бал из Воронежа? Ты же там родился? Нет, это представитель заказчика, которой ты на балу хотел рассказать о тонкостях прелести ваших проектов.

Лёха глотнул коньяк и громко перекусил напололам яблоко.

– Это из министерства проверяющая, чтоб ты знала. И директор приказал: «Делай, Иванов, что угодно, но чтобы

проверяющая осталась довольна нашими трудами, а также счастлива от нашего радушного приёма». Я её довёл до театра и сразу бы пошел домой, потому, что в фойе проверяющую уже ждали Никитин наш и Лымарева с Печерской. Они уже наметили программу, как министерскую штучку развлечь и продержат на балу до утра с хорошим настроением. Это чтобы она потом мягче и безболезненно нас проверяла. А привезти её из гостиницы директор для солидности поручил мне, начальнику отдела. Я привёз и собрался домой шлёпать, а тут ты...

Галка искренне засмеялась.

– Надо же какие звери – её начальники. Отправили девочку тридцать первого в командировку. Они, наверное, думают, что вы такие энтузиасты, что никогда не празднуете, а всё вкалываете без перерывов на сон, обед и туалет сутками даже в предновогодний день и сразу после него с утра.

Алексей поёжился и глотнул из бокала побольше.

– Карманы выверни, – сказала Галка беззлобно, но так, будто приказала.

Муж улыбался глупо и нервно, но рыться в карманах не спешил. Тогда Галина сама сунула свои тонкие пальчики в левый внутренний карман его современного пиджака с блестящим отливом и достала два билета.

– Она как без билета прошла? Ну, ладно, проскочила или проползла под ногами контролёров незаметно. А второй билет кому?

Сёмина Галина отошла, порвала билеты, бросила кусочки бумаги в пепельницу из чешского стекла и села на стул. Прямо напротив мужа. Лёха вскочил, перегнулся через разделяющий их стол, схватил Галку за волос, резко потянул и придавил её щекой к полированной поверхности румынской мебели.

– Тебя, суку, кто научил шпионить?! Думаешь – поймала меня с тёлкой, отругала и теперь я стану выдающимся семьянином? Пыль буду со шкафов вытирать и картошку тебе чистить? Ты за меня вышла, чтобы я тихонько топал сзади и за твою юбочку держался? А вот хрен тебе! Как жил, так и буду жить. Моя жизнь! Когда замуж собралась – ничего обо мне у подружек не спросила, дура? Они бы тебе мозги промыли и жила бы как всегда – одна до старости.

– Пошел вон!– Галина дернулась и оставила клочок волоса в Лёхином кулаке.

На столе, сервированном к Новому году, она разыскала на ощупь нож, зажала его в руке и подняла к плечу. – Вон пошел отсюда, я сказала!

– Дура, она и есть дура! – Алексей поднялся, ушел в спальню и минут через пять вышел со своим чемоданом. Оделся в прихожей, ничего не сказал, кинул в зал на ковер ключ от квартиры. Потом хлопнула дверь, щелкнул язычок английского замка и в своей квартире Галке стало душно. Она в платье тонком, праздничном, и в тапках вышла на балкон, вдохнула побольше морозного воздуха, поставила локти на

перила и заплакала. Не от злости и обиды. От страха. Ей показалось на миг, что ушел Алексей, а с ним и её жизнь. И что больше её, жизни, просто не будет с сегодняшнего дня.

В одиннадцать часов вечера она оделась и ушла к родителям. В двенадцать ночи они чокнулись бокалами с шампанским, поели немного и пошли спать. Телевизор даже не включали. Галка провалялась в кровати весь первый день января. Засыпала, просыпалась, плакала, снова засыпала.

– Всё? – спросила мама ближе к вечеру. Заглянула, чтобы понять – легче дочери или всё ещё не отпустила печаль. – Разведёнка ты теперь? Хорошо, что ребёнка не несёшь. Ты не жалеешь шибко. Не твой это мужик. Да и брехун прирожденный. Я это давно заметила. Обойдётся без него, да?

Галина кивнула. Утром второго числа она побежала домой, переделалась в синюю форму с большим голубым значком на левом лацкане приталенного пиджака. На значке летел самолёт в чистом небе над словами «Лучший в профессии».

Через час она уже поднималась на борт № 75158 вместе с командиром корабля Мишей Шуваловым и вторым пилотом Вовой Горюновым. По пути в Семипалатинск, а потом в Москву она после тонкой работы с пассажирами садилась к иллюминатору и смотрела вверх. Там было так же холодно и пусто, как у Галки на душе. Внизу висели непроницаемые облака, сквозь которые земля не просматривалась. А, может, это было как раз хорошо. На земле остались её печаль, её

разочарование и боль.

– А когда обратно прилечу, их там уже ветром сдует куда подальше, – сказала вслух Галина и пошла к стюардессам пить чай.

Глава седьмая

На третий день свадьбы Юры Кривцова и Тани Малышевой пропал Кривцов, в недавнем прошлом жених. А потерялся он второго января шестьдесят пятого, не смотря на то, что уже почти неделю был натуральным мужем, обозначенным именно так в свидетельстве о браке. Малышева родилась в Семипалатинске, где и жила до поступления в желанный Алма-Атинский медицинский. Терапевтом хотела стать. Там и Юру Кривцова полюбила. А он её. На четвертом курсе. Ну, естественно, задумались о свадьбе. В ЗАГС им назначено было через месяц – двадцать восьмого декабря. Позвонила Таня отцу, сообщила новость и Юру очень хвалила. Юра умный, добрый, сильный и честный. Муж будет – золото.

– Ну, жить тебе с ним, не мне, – сказал отец Виктор Фёдорович, хирург. – Но свадьбу праздновать будем у нас в Семипалатинске. На твоей родине. Имеешь право покапризничать. Скажи, что свадьбу хочешь отгулять здесь. Если он мужик настоящий, то поймёт. А мы с матерью в Семипалатинске свою-то лихо отгуляли в новогоднюю ночь. Хотя тоже учиться на хирургов поехали в медицинский Алма-Атинский. Жениться всё равно на родину поехали. Так совместим и вашу с Новым годом.

– Это, чтобы про свадьбу вы всегда вспоминали. Как мы с матерью. В обычный день сыграете, так лет через пять, ес-

ли, конечно, проживёте, свадьбу не вспомните. Мы с матерью Новый год встречали двадцать четыре года назад, в ночь с сорок первого на сорок второй, и свадьбу сыграли одновременно под любимый бой курантов и под поздравление по радио самого Калинина Михал Иваныча. Он, правда, только с Новым годом народ поздравлял. Про нас не вспомнил. Да когда ему? Война только началась! Не до нашей свадьбы было правительству.

Виктор Фёдорович весело посмеялся над своей удачной шуткой.

– И вообще – в Семипалатинске браки почему-то выходят крепкие. Я знаю, что по разводам мы на последнем месте в республике.

Юра жил в Алма-Ате, и его папа с мамой отдали молодоженам большую комнату в своей четырёхкомнатной квартире. Папа Юры носил высокое звание доктора медицинских наук, мама была кандидатом. Оба работали кардиологами. Против брака никто не шел. Все всем нравились. Родителям – молодожены. Молодым – родители. И то, что свадьбу решили отыграть не в Алма-Ате, в первую очередь нравилось Кривцовым. Очень занятые были люди, чтобы дома всё организовать, а против кабака и кафе восстали все.

– Дома пожениться – к домашнему теплу тебя и тянуть будет, – мудро высказался папа Юры, Кривцов Николай Ильич. – А в кабаке отметишь, то тебя туда и будет звать коньячок или водочка. А жену тоже потянет по чужим домам

да койкам нечистая. Это тенденция, проверенная народом. А значит верная.

В общем, ночь отшумели, следующий день тоже. Родственников набралось столько, что даже считать побоялись. Так много. Только со стороны жениха набралось восемнадцать. Да от невесты – четверо братьев отца, три маминых сестры. Все с семьями. Двоюродных с детьми, женами и мужьями – где-то пятьдесят, не меньше. Плюс друзья детства. Трое даже из Алма-Аты с Юрой вместе прилетели. Огромная квартира знатных Семипалатинских хирургов приняла эту бригаду за три длинных стола в трёх крупных комнатах. Деревенские родичи сели одной компанией, городские – где место было.

Гуляли очень интенсивно. Три сельских гармониста, Танины дяди, замучили почти всех буйными танцами и хорошим пением народных шедевров. Ещё активно присутствовали друзья молодых с гитарами. Ну, а тамада нашел где-то хорошего фокусника, который вместе с организатором гулянья создал массовую масштабную иллюзию волшебства, сплошной весёлый обман слуха, зрения и разума.

Спали все в основном сидя, не отходя от столов, плясали возле своих стульев, потом ели и пили, поочередно вынося на всеобщую оценку дорогие подарки молодоженам и пронося здравицы прозой, стихами и в форме частушек.

Второго января ближе к пяти вечера тесть Виктор Фёдорович как-то обратил внимание веселящихся на то, что сре-

ди нетрезвого торжества отсутствует начинающий муж его личной красавицы-дочери Кривцов Юрий Николаевич. Все огляделись, проверили в шкафах и под кроватями, и только тогда коллективно встали на уши.

Никто не вспомнил, что молодой муж утром второго января за столом всем громко сказал, что в полдень он один улетает на «ЯК- 40» в Алма – Ату. Потому, что он подрабатывает санитаром в «скорой» и у него ночное дежурство. Отпроситься не удалось. А Татьяну он завтра встретит ночью на «ИЛ-18». И уехал на такси в аэропорт. И вот про это забыли все. Даже молодая жена, перебравшая шампанского.

– Убёг, гадёныш! – предположил поддерживаемый крепкой супругой за толстую талию родственник Тани Василий Малышев из деревни Покровка, откуда шел род Малышевых. – Не дотянул, сучок, до золотой свадьбы. А женился, говорят, по любви. Мать Танькина нас уверяла. Тьфу! Поехал я в Покровку спать.

Он сел за стол, повернул «ключ зажигания, завёл мотор» своего «москвича», аккуратно уложил голову в почти пустую салатницу и «уехал».

– Ты мужа когда видела напоследок? – поинтересовалась сестра мамы тётя Мария.

– Вроде ночью был, – вспомнила Таня, с непривычки перебравшая Советского шампанского. – Или это вчера я его видела? Кто помнит?

– Я его видел! – крикнул с места друг Юры, длинный па-

рень в волосатом свитере, в очках и с рюмкой водки на протянутой ладони. – Он ушел в туалет. Отнесите ему стопарь. Он уже часа три не пил.

Тесть и свёкор побежали в туалет, заглянули даже в сливной бачок. Не было молодого мужа Юры Кривцова.

– А! – вспомнила подружка Татьяны Лена. – Он же пьяного в зюзю Соболева Андрюшу пошел провожать. Так это вчера было. Первого числа в десять вечера. Сегодня вроде второе уже. Пять часов около близкого вечера.

– Он же из Алма-Аты. А тут Семипалатинск, схватилась за голову мама Юры. После чего все на скорости оделись в первое попавшееся под руки и вылетели на улицу, прихватив гармошки, гитары, водку, стаканы и половину булки хлеба, чтобы водку занюхивать. Они с песнями и временами вприрядку добежали через час до конца квартала. Там в пятиэтажном крупнопанельном жилище была квартира Соболевых. Таня-то знала точно.

– А я кого-то вчера ночью к вам отвёл обратно, – удивился толпе Андрюша. – Он бы сам не нашел, откуда мы вышли. Мы добежали до подъезда, я его ещё раз поздравил, подарил ему свою шапку для жениха на свадьбу и он пошёл по ступенькам, а я домой. Но кто это был – запомнить я не смог. Не жених – это точно. Его бы запомнил.

– Надо искать поквартирно, – предложила свекровь Тани. – На чердак вход под замком?

– А ключ у старшего по дому. Они сто процентов незнако-

мы и встретиться не могли. Старший Новый год безвылазно по три дня встречает, – уточнил папа Татьяны.

– Кабы он в шестнадцатую не забрёл, залив ум армянским! – подпрыгнула жена Юры.

– Там волки живут, змеи гюрзы? – стал догадываться двоюродный Танин братец Витя.

– Хуже. Там Верка Маскина с котом Сидором. – ужаснулась Танина мама. – Она и трезвого приберёт к белой ручке своей, а наш две поллитры принял, не менее.

Позвонили в дверь Веркину. Вышла толпа любопытных, по-новогоднему обмотанных серпантином и осыпанных конфетти из хлопушек.

– Вы к нам? С Новым годом! Водка есть? Наша кончилась. Надо сбегать.

Бригада свадебных гуляк из десяти самых достойных, рванула вперёд, сметая Веркиных празднующих. Обыскали всё. Воронцов, смелый, храбрый племянник Татьяны, проверил даже холодильник.

– А что потеряли? Или к вам Дед Мороз не заходил? – засмеялся Веркин гость, который ещё довольно крепко стоял, держась за косяк.

– У меня муж исчез, – заплакала Татьяна. – Убили, наверное, и завтра продадут по частям на базаре как говядину. Кто разберёт после праздника, что купил!?

– Вы, эт самое... – тихо сказал пожилой дядя в тельняшке. – Я вчера курил на площадке. Шел парень вверх. А Толик

Гриценко из восемнадцатой, этажом выше, тоже курил. Он один праздновал. Не хочу, сказал он мне, дурным народом засорять светлый праздник. А ваш один был. Ну, он его и прибрал пиво пить.

– Я один пойду. С дочкой Таней, – сказал Виктор Фёдорович. – Она его опознает. Я-то ещё не успел тщательно приглядеться. А вы идите, допивайте. Мы скоро.

Таня позвонила в восемнадцатую. Вышел пахнущий копчёной рыбой и пивом Толик Гриценко.

– Ты один? – строго спросил Танин папа. В смысле – только с Новым годом!?

– Чего бы это я был один? Вчера на нашей площадке познакомился с другом. Он кружку выпил, съел хвост от жереха и уснул на кухне. Спит пока. Часов пятнадцать спит, а я пиво пью. У меня много.

Виктор Фёдорович толкнул Таню к кухне.

– Вот это твой муж или как?

– Ой, конечно, что вы! Или не мой? А я уж и на развод собралась подавать. Думала – перехватили мужичка. Нет, товарищи, это мне не знакомый тип. Мой ведь у меня какой! Аллен Делон – заморыш по сравнению с Юриком! А это просто перебравший неказистый мужик. Ему лет сорок, гляньте!

Но Толик всё равно закинул мужика на горб соседа, Таниного папы, поцеловал в щёчку Танечку и закрыл за ними дверь.

– Дома у себя разбирайтесь. Он – не он. А у меня праздник

прерывается.

Пива у него оставалось всего литров двадцать. Огромный серый бидон. Праздновать, правда, пришлось продолжать снова одному, без друга.

Мужика уложили на кровать, за спинами гостей деревенских, перед которыми стол стоял с частично выпитым и съеденным, и пошли они с его родителями и Таниной мамой совет держать.

– Это не наш сын.– Сказал твёрдо отец Юры.

– Не, не наш. Наш в Алма – Ату улетел до обеда на дежурство ночное в «скорой помощи» – Вспомнила мама.

– А кто сегодня в девять сорок пять вечера домой в Алма-Ату летит? Забыли? – Пошла в наступление она же. Бойкая женщина. Выпила много. – Я, муж мой, жена сына Танька, трёшка друзей Юркиных, так?

– Не возражаю, – ответил муж Николай Ильич. – Пусть все летят, кто не против.

– Так регистрация на «ИЛ-18» за полтора часа, не за час начнётся, – почему-то испугалась Таня. – Надо ж собираться. Бегом надо бежать.

– А мы с мужем тогда послезавтра полетим. Сейчас у меня лично быстрая ходьба не получится.– Обрадовалась мама Юрия.– Родственники новые не прогонят?

– Да хоть жить оставайтесь!– Воскликнул Танин папа.– Хорошие вы люди. И водки много ещё.

Сели напоследок за столы всем коллективом. Поздравили

молодую жену парой рюмок коньяка и тремя стопариками водки с началом изнурительной семейной жизни и со счастливым новым, шестьдесят пятым. Спели дружно «Ой, цветёт калина в поле у ручья», станцевали гопак вприсядку и танго «Серебряный дождь», после чего устали и прикорнули кто где находился. Гармонисты склонили головы на двухрядки свои, а ничего не имеющие пустые руки сложили на стол, а головы уронили на них.

Первым в семь часов вечера проснулась молодая жена. Он выспалась лучше остальных и сообразила, что на регистрацию они опаздывают. И не улетят, если не рванут через пять минут. Поэтому она опрокинула стол и создала неудобства уснувшим. Которые должны были спешить в аэропорт, трое друзей Юры. Но они не сразу про это вспомнили, а она им всё быстренько растолковала и все, одеваясь на ходу, побежали вниз ловить такси.

За ними, гонимые инстинктом «если кто-то убегает, то его надо догнать», бросились остальные гости, провожающие, в том числе очнувшиеся люди искусства – гармонисты. Такси ловили долго. Во-первых, таксисты в праздник работали не все. Точнее – начинали все, но по техническим причинам половина водил с пути сбилась и уехала по домам, чтобы хоть и с опозданием, но увидеть Деда Мороза, который привел под уздцы Новый год ко всем, кто, возможно, и не мечтал. Не ловилось такси, прямо скажем. Да и не сошедшим пока с трассы шоферам страшновато было останавливаться возле

огромной толпы весёлых, танцующих под гармошки и пьющих на ходу водку незнакомцев.

– А бегом добежим! – крикнул азартно папа Юры и рванул вперёд. И хорошо, что двоюродный брат Тани Витя смог его догнать и развернуть. Поскольку аэропорт был точно на противоположном конце города.

Так они и бежали, теряя на ходу товарищей по двум праздникам. Многие выбывали по причине неуверенного перемещения ног и тел в целом. Другие прибыли в аэропорт, дыша как хрипят кузнечные меха, Отлетающие в полном составе. Четверо. И остающиеся родители Юры, два двоюродных брата Татьяны да проснувшийся в пути дядя из Покровки. Всего чуть более десяти человек.

– А регистрация на рейс в Алма-Ату закончилась, – радостно сказала контролёр на столе регистрации. С Новым годом всех!!!

– И что нам теперь? – протрезвел Николай Ильич, папа Юры. – Им с женой завтра в институт. Сессия зимняя начинается. У меня и жены приём больных с девяти. Мы кардиологи. Так мы позвоним и отпросимся на три дня. Но мы детей своих на Новый год поженили. Муж новенький уже улетел в обед. Он на «скорой» сегодня дежурит. И вот ко всем радостям такой злой пинок под зад. А молодая жена Таня – вот она. Летит с тремя дружками сына.

– Да ладно. Зарегистрирую. Билетики давайте, кто летит, – регистраторша заулыбалась. – Повезло вам. Рейс за-

держивается на неопределённое время. Погода в столице плохая.

Зарегистрировались.

– А можно в зал ожидания провожающие пройдут? Они не полетят. Честно. Им завтра всем на работу. У нас были и Новый год и свадьба одновременно! Настроение удвоенно прекрасное. И его всем готовы передать. Вот двое с гармошками. Пассажирам не скучно будет ждать. Песни попоём. Потанцуем. А? – спросила ласково Юрина мама.

– Да идите все, – девушка рассмеялась. – Пусть поют пассажиры. Танцуют пусть. Больше рейсов до утра всё равно нет. И начальство только к девяти прибудет. Идите, ладно.

И свадебная компания с песней про парней, которых так много холостых, ввалилась в зал ожидания.

Все ожидающие обалдели, поднялись с насиженных мест своих и окружили новых пришельцев. Папа Юры Кривцова достал из портфеля два стакана, водку, пачку печенья, и пошел по кругу. Печенье вскрыл, бутылку откупорил и стал по сто граммов наливать каждому.

– Молодожены, явитесь в центр круга! – призвал Танин папа. – Пусть люди пожелают вам чего-нибудь доброго. Вон сколько замечательных граждан с вами полетит! Ура молодым. Хотя мужа – то уже нет. Да... забыл.

Все, кто уже выпил, этого факта не знали и тоже рывкнули мужественными и пропищали женскими голосами «ура!». До кого очередь водочная не дошла, просто похлопали в ла-

доши.

– Горько!!! – истошно заорал из угла лежащий на двух газетках мужик в тулупе. Перед ним стояла бутылка портвейна и кусочек резаного сала на белой тряпице. – Я тоже со свадьбы лечу. Жаль, что не с вашей. У вас вон как весело. А мы вчера посидели до ночи, отоспались, а сегодня никакой тебе свадьбы. Все разъехались. Один я оказался из Алма-Аты. Друг отца невесты. Он и позвал. Так я целый день в одиночку пью. Ненавижу короткие праздники. А свадьба – это минимально три дня веселья! Минимально!! Горько, короче!!!

В связи с нехваткой мужа целоваться с кем попало Таня не решилась, но бурные овации и возгласы типа «счастья вам и детей побольше!» всё равно носились ещё минут пять по большому залу ожидания. Только спортсмены-лыжники не кричали и не пили. Стояли молча позади всех и улыбались. Но песни пели со всеми. Такой хор получился слаженный, хоть на конкурс республиканский его посылай в полном составе.

Тут во входной двери зала возник большой мужчина лет сорока с хвостом. Он был одет в лётную форму и имел военный планшет, переброшенный на ремне через плечо.

– Внимание! – крикнул он. – Умолкли все! Я второй пилот вашего самолёта Горюнов. У меня есть для всех не очень приятная новость. Нам разрешили взлёт и потому я прошу всех идти в автобус, который повезёт вас к трапу.

– Так прекрасная новость! – обрадовался тренер лыж-

ников. Значит перед соревнованиями ещё и поспят пацаны мои. Нам выигрывать надо.

– Ну, я не до конца сказал, – Горюнов поправил на себе шапку с длинной металлической эмблемой «аэрофлот» спере- реди, там, где под шапкой лоб. – Не шибко радостная но- вость, потому как непогода в Алма-Ате ещё хуже становится. Можно сказать – почти не видно полосы посадочной. Буран жуткий. И ветер боковой пятнадцать метров в секунду. То есть существует реальная перспектива того, что нам сесть не дадут и пошлют в Караганду.

– А как же Алма-Ата взлёт разрешила? Они что, дурные там, с мозгами у них беда? – крикнул улетевший в ботинках на три размера больше учёный Коля Журавлёв. Один из двух самых молодых докторов наук в СССР. – Мы против такого разрешения! Кто меня поддержит, товарищи?!

– Поддерживаем! – закричали все, даже те, кто не летел, а провожал молодых мужа с женой.

– А вы тут на кой хрен? Командир корабля у вас голоса не имеет? Возразить стесняется? Так в шею его гнать! – оторвался от бутылки и сала мужичок в тулупе, поднявшийся с газеток. Он громко шархнул сорванной с головы шапкой об пол и пробубнил что-то матерное, но, что хорошо, неразборчиво пробубнил.

– Над нами начальство, – сказал грустно пилот. – Пишите ему коллективное заявление, что вы отказываетесь лететь в нелётную погоду в связи с большой опасностью для жизни.

И будете жаловаться в Москву, если вас не послушает наше руководство.

– Ну, напишем! – крикнула одна женщина интеллигентного облика. Учительница, по виду.– А как бумагу передадим?

– По факсу телефонному передадим. Здесь в аэропорту есть, – летчик достал бумагу из планшета и авторучку. – Кто писать будет?

– Я напишу, – Коля Журавлёв взял бумагу и лист уложил на засыпанный обрывками билетов стол регистрации.– Я учёный. У меня грамотно получится.

– Но подписаться должны все! – крикнул Горюнов на весь зал.

– Подпишем! – вразнобой подтвердили все громко и пошли медленно к столу, где Николай творил жалобу суровую.

Сзади к Горюнову подошла стюардесса. Стройная, белокурая, в приталенном синем пальто со значком «аэрофлот» на груди.

– Руководитель полётов Лопатин только что позвонил диспетчерам и взлёт задержал на час, – тихо прошептала она на ухо Горюнову.

– Ну, мать иху! – сказал Володя, второй пилот, громко. – Всё одно жалобу отправим. А людей посадим в самолёт. Там подождём. Здесь и холодно, да и балки железные над головой клетку напоминают.

Он подождал пока все распишутся, а подписи свои оста-

вили даже провожающие и гармонисты. Один только не расписался. Здоровенный парень в толстой спортивной куртке из команды лыжников.

– Да кто это читать будет?! – ухмыльнулся он зло. – Наше мнение большим тузам в управлении – писк комариный. Они только сами себя слышат. И то не все.

Но Володя Горюнов прочёл текст и ушел с бумагой в диспетчерскую. Туда, где факс можно отправить прямо в кабинет Лопатину.

– Прошу всех пройти в автобус и спокойно подняться по трапу, сесть на свои места. Билеты я потом проверю, – сказала милая стюардесса и первой пошла на улицу.

Через десять минут все уселись в кресла, входной люк защелкнули, потом бортмеханик включил магнитофон и в салоне стала плавать туда и обратно мелодия адажио из балета Чайковского «Щелкунчик».

Так просидели час. После чего перед кабиной пилотов загудели строгие мужские голоса, один из которых отчётливо произнёс.

– Приказать Лопатину разрешить взлёт кроме меня никто из вас не сумеет. А я сумею. Пока долетим – не будет никакого бурана. И ветер стихнет. Это ж Алма-Ата. Погода может через каждые полчаса меняться.

– Рисуем, Байрам, – озабоченно произнёс кто-то явно ответственный за полёт. Возможно, командир. Дверь кабины пилотов захлопнулась и слышен был только бессвязный гул

голосов. Вышла в проход из-за шторы с приклеенными бумажными снежинками другая стюардесса. Красивая брюнетка с микрофоном.

– Сейчас пока не взлетаем, – сказала она ровным спокойным голосом. – Ждём разрешения из Алма-Аты. В спинках сидений газеты и журналы. Отдыхайте. Я думаю, что скоро разрешат лететь.

– Понеслась! – повторил уже однажды сказанное лыжник в синей куртке. – И был вечно бардак, и быть ему всегда. Страна Советов, блин. После такой нервотрёпки только первые места брать на лыжне...

Музыка кончилась. Стало тихо. Никто не кашлял даже. Все молчали. И было в этом молчании чистое золото надежды.

Которая умирает всегда последней. После всех.

Глава восьмая

Александр Максимович Лопатин уже три года жил человеком важным, прямо-таки незаменимым. Он руководил из Алма-Аты воздушным движением всего, что летало в зоне досягаемости диспетчеров его группы. Кроме птиц, конечно, всяких мошек и детских воздушных змеев. Он командовал бригадой диспетчеров, которая с земли управляла полётами и перелётами самолётов, вертолётов и даже воздушных шаров. Лётчики звали его полушутя «земным богом». Без таких, как Лопатин самим лётчикам работать практически невозможно. Опасно.

Сам Лопатин раньше тоже летал долго. В армию его призывали в двадцать восьмом году из Алма-Аты, сразу после того, как стукнуло восемнадцать. Служил в подразделении механиков эскадрильи тяжелых бомбардировщиков под Сталинградом. Хорошо служил. Командование его заметило и он быстро стал старшим сержантом. Командовал взводом. А в феврале следующего года там же открылась «Седьмая военная школа лётчиков», куда просто так никого не брали. Только лучших солдат и только по рекомендациям Комсомола или Партии большевиков.

Саша имел прекрасные служебные характеристики и его послали учиться на лётчика. Летал на «И-4», «И-5», а через три года, когда пришло время увольнения в запас, написал

рапорт командиру части с просьбой оставить его на службу сверхсрочную. Не тянули. Оставили с первого же рапорта. В следующем году Школу за заслуги в отличной подготовке авиаторов назвали громко: «Седьмая Сталинградская Военно-авиационная Школа имени Сталинградского Краснознамённого пролетариата». Лопатин гордился, что служит в краснознамённой части. И другой жизни, кроме военной, для себя не представлял.

На сверхсрочную Саша определился в двадцать два года. Служить легче и лучше было тем, что он мог уже не в расположении части жить, а в городе или селе рядом с подразделением. Он снял комнату в городе. Ну, а очень важно было и то, что с тридцать второго года при Школе открылись полугодовые офицерские курсы. Лопатин их с отличием закончил и с середины тридцатых старшим лейтенантом стал летать на прекрасном истребителе «И-16», который лётчики сразу называли ласково – «ишачок». А с тридцать девятого там же переучился летать на грозном пикирующем бомбардировщике «ПЕ-2». И всё же, самым крупным достижением своим юный Александр Максимович Лопатин считал не лётное своё мастерство.

А то, что в Сталинградской библиотеке, где брал книги русских классиков и техническую литературу, повезло ему познакомиться с красивой ровесницей Надей Козловской. Она работала одной из помощниц главного библиотекаря, была не замужем, имела страсть к чтению, не женский ум,

аристократическое обаяние манер и добрый нрав. Саша выглядел «орлом» в офицерской форме, имел достойную внимания мужскую внешность, был спокоен характером и добродушой. Они друг другу сначала понравились, потом полюбились, а через три месяца поженились. И через положенный природой срок родился у них сын Алексей. В честь Надиного деда, бывшего царского полицмейстера, назвали. Сняли квартиру побольше да начали счастливо жить до скорой и долгой разлуки, которую им преподнесла война.

С первых дней Великой Отечественной, Лопатин так и летал на своём «ПЕ-2» поначалу на Калининском фронте, потом на Орловском и закончил войну на первом Белорусском. Стал подполковником, на парадном кителе которого было семь разных медалей и ордена: «Победа», «Красной Звезды» и орден «Славы 1 степени». Доблестно отслужил. Достоинно.

«ПЕ-2» поначалу считался истребителем сопровождения самых тяжелых бомбардировщиков, а потом сам стал лучшим из всех пикирующих бомбометателей, который даже фашисты уважали за уникальные качества – неуязвимость, скорость и точность попадания в цель. Ну, отлетал Лопатин всю войну, не получив даже царапины на коже, а после неё неожиданно для себя и начальства ушел на «гражданку», освоил в 1948 году сначала новый «АН-2», когда Курсы высшей лётной подготовки были реорганизованы в Школу высшей летной подготовки, которая базировалась в Бугуруслане Оренбургской области, а с 1950 года в городе Ульяновск. Там

Александр в пятидесятом получил права управления большим «ИЛ-14», а в пятьдесят восьмом году газотурбинным мощным «ИЛ-18». В свои сорок восемь лет это был признанный и всеми уважаемый «ас» лётной профессии. А тут, совсем не вдруг, окончательно решил Лопатин после недолгих раздумий уехать и оставшуюся часть жизни прожить на родине, в Алма-Ате. Надежда согласилась сразу. Сын уже имел гражданское лётное училище за плечами и небо всюду ему казалось одинаково прекрасным. Поехал с родителями без разговоров.

Но сам Максимыч летал в Алма-Ате на своём последнем «ИЛ-18» недолго. Летним вечером пятьдесят девятого ремонтировал крышу своего дома в заросшем садами и цветами столичном районе частных домов, который весь город звал Компотом из-за названия улиц. Ягодная была, Грушевая, Абрикосовая, Апорт, Вишнёвая, Ореховая, Черешенка и так далее. Как-то поскользнулся Александр на жести после вчерашнего дождя, спрыгнул от самого «конька» крыши вроде бы правильно, но подняться не смог. Врачи не так долго и лечили его перелом позвоночника внизу спины. Вылечили. Но лётная комиссия Сашу из пилотов удалила.

Травма не позволяла сидеть в кресле самолёта больше получаса. Надо было вставать и делать минимально пять наклонов и десятков приседаний. У лётчиков таких возможностей не было. Автопилот тогда ещё не продумали конструкторы до совершенства и сам он без лётчика долго сохранять

курс и эшелон не мог. В Рижском лётно-техническом училище специальных служб переучился за два года и десять месяцев на диспетчера и его после короткой, но въедливой проверки сразу почему-то поставили руководителем полётов и перелётов.

Сначала шестьдесят второго года дни, когда диспетчерами управлял Лопатин, лётчики ценили больше всего. Шикарный руководитель получился из Александра Максимовича. В управлении республиканском все начальники знали: в смену Лопатина можно не дёргаться. Происшествий не будет. Он сам про себя недавно сам стал говорить, что лётчиком раньше был хорошим, а руководителем стал отличным. Может, шутил так. Но говорил правду.

Двадцать пятого декабря шестьдесят четвертого, когда Максимыч отоспался после ночной смены, жена Надежда Леонтьевна, бывший библиотекарь, а теперь швея из ателье «Люкс» с абсолютно несоветским названием «Леди и джентльмены» так громко вскрикнула на кухне слово «Ах!», что Лопатин не успел отложить газеты и прямо-таки с укрытым «Известиями» лицом вслепую влетел на кухню.

– Что!? – шумно выдохнул он. – Обожглась кипятком, картошку почистила с пальцем заодно?

Лопатин отодрал от лица придавленную быстрым бегом газету и выдохнул. Надя сидела на стуле и пила кефир.

– А орала так жутко какого лешего? – успокоился Александр Максимович и тоже глотнул кефира из её чашки. –

Свежий, вкусный. Чего стряслось-то на ровном месте?

– Мы не посчитали, когда ты в ночь дежуришь?! Не дай бог – с тридцать первого на первое! Я уже Мадоянов пригласила и Ильяса Жуматаева со его Айгулей. Петренко придут с дочкой. Харабадзе Анзору позвонила. Они с Нателой так обрадовались! Ну, мама моя, не дай бог – ты дежуришь с тридцать первого в ночь! Садись, загибай пальцы, вычисляй.

Максимыч допил Надин кефир, налил ещё раз полную чашку, достал из вазы вафлю и всё употребил не спеша.

– Так, – он загнул палец. – Это «в день» с десяти утра девять часов. До семи, значит, вечера. Это, стало быть, «в ночь». Двенадцать часов ночная смена. Так... Это с утра. Тут выходит в ночь. Короче с тридцать первого ночь я дома до утренней половины десятого. Полчаса ехать. И ещё в ночь... уже после праздничка...

Максимыч загнул мизинец.

– Со второго на третье января ещё в ночь. С десяти вечера до десяти утра. Так что с Мадояном хлебну в Новый год армянского. Принесёт Самвел точно. Ко второму числу всё выветрится. И Карине, благоверная супруга Самвела, его глушит – я те дам! – Лопатин погладил живот. – Анзор в бурдюке чачу принесёт, Петренко Вася – горилку. Жуматаев спиртное не возьмёт, но казы и карта с шужуком притащит по парочке килограммов. Короче – погуляем, мать!!!

– Всего глотнёшь по сто граммов. И бокал шампанского в двенадцать, – Надежда Леонтьевна пальцем погрозила не

в шутку, а грозно. – На работу как стекло пойдешь. Чистое и прозрачное. Ты ж не чертёжник. Ошибся, стёр ластиком и по-новой правильно нарисовал. А если ты ошибся, так сразу, считай, тюрьма. Если, не дай бог – катастрофа со смертями. Ну, если без жертв, то просто понизят до радиста или там простого диспетчера. Нам это зачем, Максимыч? Тебе пятьдесят пять скоро. Диспетчером уже тяжело будет трудиться. А в тюрьму при таком возрасте и больном позвоночнике – вообще никак нельзя. И года не протянешь. Да и я тут без тебя долго не смогу.

Вот сразу после этих слов Александр Максимович хотел сказать жене, что «простой» диспетчер, если он умный и сообразительный, куда дороже стоит, чем руководитель полётов, то есть он, Лопатин. Плохими заторможенными диспетчерами хоть в три рта управляй, а всё боишься, как бы не напортачили. Это повезло просто, что ему такая смена досталась. Все- «орлы». Даже Женя новенький, молодой. Он за три месяца работы ни разу не потерялся среди мастеров-мэтров с десятилетним стажем. Только рот открыл, чтобы это пояснить супруге, телефон зазвенел.

– Привет, батя! – сын Алексей, пилот «АН-24» из рейса вернулся. – Как жизнь? Здоровье твоё и мамино в норме?

– Да хоть в цирке выступай акробатами, – засмеялся Лопатин. – Как слетал, Лёха? Самолётик-то только запустили в серию пару лет тому... Небось, недоделок куча?

– Не. Вообще нигде не цепляет. Игрушка, а не машина, –

сын помолчал. – Дело есть, батя. Чужих не хочу впутывать. А с тобой надёжно управимся.

– Что за оказия? – почесал за ухом отец. – С милицией не связано?

– Нет. Ты приезжай ко мне. Я расскажу детали и надо тут к одному товарищу сходить. – Алексей снова помолчал. – Поможешь? Ну, приезжай. Жду.

– Что там у Лёшки? – спросила жена, нарезая на доске капусту для борща. – Ничего страшного? Все здоровы?

– Здоровы. Но там что-то непонятное. Здоровья не касается. Он до конца не стал говорить по телефону. – Александр Максимович оделся в тёплую меховую куртку лётчиков, нацепил теплые ботинки на шерстяные носки, женой связанные, на ходу нахлобучил форменную шапку с крыльями на её передней панели. Между крыльями серп и молот, снизу – металлические буквы «аэрофлот». – Ладно, пошел я. Не думаю, что надолго.

Была у Максимыча «волга». Купил по очереди в своей организации. Деньги почти все были. Копил специально. И на семье это не отражалось плохо. Ну, а чего б не копить! Форма, одежда вся кроме трусов и майки – казённая. Спиртное покупал только на праздники. А в обычные дни вообще не употреблял. Мебель была дома старая. От отца с мамой осталась. Её мастер знакомый отшкурил, морилкой обработал, покрыл лаком. Красивая снова стала, как новая. И сноса ей нет. Умели раньше на совесть делать. Телевизор купил, хо-

лодильник, два ковра на стены. И всё. Остальное – кухонная чепуха всякая. Потому основное на машину накопил. Пару тысяч всего занял. Хорошая машина. Лопатин её жалел, любил и потому зимой из гаража не выгонял. Мало ли. Сам не поскользнёшься, так в тебя кто-нибудь влепится. И поехал он к сыну на автобусе.

Жил Алексей от порта далеко. В кооперативном доме купил квартиру. Он тоже деньгами не сорил и откладывал на всё хорошее. Когда дом сдавали, жена его, Лена, заняла у знакомых три тысячи, да у Лёши в записке было пять. Он оттуда добавил три, купили квартиру. На тысячу взяли минимум мебели и всяких мелочей. А тысячу рублей у него год назад на месяц занял сосед Толя. Ровесник сыну. Ему на машину не хватало. На «москвич». Сосед – парень хороший. Весёлый. На рыбалку сто раз вместе ездили. Лопатин с Надей своего рано родили. По двадцать два года им тогда стукнуло. И было сейчас Лёхе уже тридцать два. Жил он честно, сам был умный, добрый, без вредных привычек.

– Батя, да ты всё молодеешь! – обнял он отца. – Седину красишь, что ли?

– Да полно седины, – Лопатин воткнул Алексею голову прямо под глаза и покрутил ей медленно. – Видишь? Есть седые. Мало, но ведь есть. А после семидесяти, если доживу, попрут беленькие. Не переживай. Ладно. Жены Лены нет, детей тоже? Один ты? Так что там за хрень у тебя случилась? Чем помочь?

– Я к Новому году уже заказал Ленке шубу по благу. Стоит она полторы тысячи. Каракуль шикарный с мелкой смушкой. Ну, семьсот рублей – вот они. У меня в коробочке. А Толик год назад тысячу взял на месяц. На «москвич» не хватало, я вроде говорил уже. Срочно требовались денежки. Иначе – подвинули бы его в списке вниз человек на тридцать. Считай, года три снова ждать. Ну, я и дал, конечно. А Толика ты знаешь. Сосед сверху, – сын смутился, опустил голову. – Да ладно бы, чёрт с ним. Пусть хоть через три года отдаст. Я бы его и не трепал. А мне предложили шубу эту. Как раз к Новому году подарок! Такой, блин, сумасшедший подарочек! Ни один Дед Мороз не найдёт!

– Что, побить его, соседа? Так ты и сам лось ещё тот! Быка повалишь, – хмыкнул Лопатин.

– Нет. Бить не надо. Я б сам ходил. А зайдем вдвоём. Культурно объясним ситуацию. Ты – отец мой. По пустякам отец не пойдёт с сынком взрослым кому-то голову морочить. Значит, серьёзно нужны деньги. То есть пора бы и вернуть долг. Нужно очень. Так бы я ещё потерпел.

Лопатин вздохнул. Не любил он такие мероприятия. Но ведь сын просит.

– Ладно. Какая квартира? Пошли, – он повернулся и вышел на площадку.

Дома у Толика кроме жены не было никого. Сын, видно, в школе ещё. А мама или в магазин пошла, или просто кости размять. Ей тоже пятьдесят пять в июле. Поздоровались.

Жена Толика отцу назвалась. Они не знакомы были.

– Наталья.

– Александр Максимович, – Лопатин слегка поклонился. – Отец Лёши.

– Толик, мне срочно деньги нужны. На подарки новогодние. Семья большая, родственники... Посчитал – набегает как раз под тысячу. Должок давай, – Алексей сел на стул.

– Бляха, нет денег как раз, – Толик подошел к окну и через тюль стал грустно смотреть на улицу.

– У тебя их целый год не было. А брал на месяц, – Алексей стал нервничать. – Машину купил. Дорогой вот этот холодильник. Люстра чешская, стекло богемское – не меньше пятисот стоит. Для рыбалки мотоцикл взял «ковровец». Триста пятьдесят ему цена. Наташа твоя на Золотые пески летала. Тоже не на сто рублей. Там пожить месяц – как раз тысяча и будет.

– Ты что, деньги занимал у Лёхи? – без удивления спросила мужа Наталья. – Я их не видела. Зачем брал?

– Ну, как раз тебе на путёвку в Болгарию, – повернулся к ней Толик.

– А сказал, что премию получил за изобретение, – жена подошла к нему и очень аккуратно шлёпнула Толика ладошкой по щеке. – Да и начальник твой с вашей швейной фабрики звонил, тебя искал. Он пробросом тоже брякнул, что тебе за очень полезное изобретение для кройки дали крупную награду денежную. Молодцом назвал.

Толик отвернулся и снова начал разглядывать улицу. Наташа села на диван, подумала недолго и спросила у Алексея.

– А ты не врешь, что дал мужу тысячу?

– А зачем мне врать? Смысл какой? – улыбнулся Алексей.

Александр Максимович сел рядом с Натальей и взял её за руку.

– Я отец Лёши. Мне, старому человеку, поверите? Да сын занял вашему мужу тысячу рублей на месяц.

Жена Анатолия руку отняла, поднялась и тоже подошла к окну.

– А расписка есть у вас обоих? Я мол, деньги дал сроком на месяц в таком-то количестве. А я, Анатолий Соловьёв, взял такую-то сумму у Лопатина Алексея на месяц в долг. Обязуюсь вернуть в срок. Есть бумажки?

Александр Максимович стал злиться. Он двигался молча по комнате от дивана к окну и обратно. На скулах ходуном ходили желваки.

– Нет у нас расписок, – сказал он с металлом в голосе. – Они же друзья, соседи, честные ребята. К чему эти бюрократические штучки? Лично вам, Наташа, зачем?

– Ты втихаря взял в долг и мне не сказал? Никогда такого не было. На любовницу спустил мимо меня? На эту шалаву из цеха отделки Коробкову Зойку? Думаешь, я не знаю ничего. Молчу просто. Ах, ты ж!!!

– Я никаких денег у Лёхи не брал и на Зойку не тратил. Она мне вообще не любовница. Это ты бесишься, сплетням

веришь! Дура.

– Да ты охренел, Толян! – подскочил к нему Лёха и схватил за лямки майки. – Как – не брал? Попросил ведь, а я принёс домой тебе. Просто Наташи дома не было. Работала, уроки в школе вела.

– Ты мужчина или девка базарная, брехливая?! – встал между ними Лопатин старший. – Занимал ведь тысячу. Зачем врёшь, что не брал?

– Не брал, – Толик освободил лямки от Лёхиных рук, стал глядеть в пол. И еле слышным шепотом добавил Лёхе в ухо: – Без Натахи разберёмся потом.

– Ну, ты и тварь, – замахнулся на него Алексей. Но удержался, не ударил.

– Так вы, значит, вымогатели?! – обрадовалась жена Толика. – На Новый год срубить денежек захотелось по-лёгкому. А вам, пожилому человеку, не стыдно быть аферистом, как ваш сынок? Будете сейчас перед милицией оправдываться.

Она достала из шкафа красный блокнотик и открыла его на букве «У». Села возле телефона.

– Алло, это участковый? Старший лейтенант Зинченко? Ах, уже капитан! От души поздравляю! Вы мне нужны сейчас по адресу Лагутина, семнадцать, квартира двадцать шестая. Вызов делает Соловьёва Наталья. У нас тут на дому деньги вымогают! Да, десять минут подождём, конечно. Да не убегут они. Один вообще сосед снизу. Куда он убежит?

Минут десять все молчали. Наталья, потому, что понима-

ла свою правду. Толик молча думал как из ситуации выско-
чить без травм моральных и материальных. Лёха мысленно
уже удавил Толика и закопал за городом на пустом месте.
Лопатин старший задумался о том, что моральный кодекс
строителей коммунизма на его сына действует. Он Лёхе ве-
рил. А Толика кодекс сторонкой обошел. Врёт нагло в глаза.
Максимыч такое раньше встречал. С ним, бывало, так нагло
обходились. Но он крепко бил морды подлецам и справедли-
вость восстанавливал. Сейчас он был третьим лицом и сту-
чать по башке наглого труса и брехуна Толика не имел нуж-
ных прямых оснований.

Пришел участковый. Крупный парень с круглым лицом,
большими руками и с кобурой на ремне.

– Зинченко, – доложил он. И выпустил на волю перл юмо-
ра: – Что стряслось? Кого будем расстреливать при нападении
на представителя власти?

Никто не засмеялся и все по очереди рассказали капитану
что и как. Ушло на это с полчаса. Участковый не перебивал.
Потом постучал ладонью, похожей размером на ракетку для
бадминтона, по кобуре с пистолетом «ТТ» и добавил.

– Вы же, Алексей, правильно я запомнил? Так вот подай-
те на него в суд. А я приду как свидетель и подтверждаю, что
вы приходили просить свои деньги, данные в долг на месяц.
А пришли просить через год. Ждали. Терпели. За деньгами
пришли с отцом. Ему тоже верю. Я работаю давно, много че-
го повидал. Так вот, вымогателей настоящих до моего при-

хода уже давно бы сдуло ветром в недостижимое место. Свалили бы! Натуральный вымогатель милицию видеть не может физически.

– Так у них расписки-то нет! – вмешалась Наталья почти криком. – Наглецы.

– Это в суде пусть ваш муж объясняет. Пусть говорит, что нет расписки и в долг он не брал. Пускай перед судом откажется. Но тут нюанс такой. Суду нельзя врать. За дачу ложных показаний он, как ответчик, подозреваемый мной в мошенничестве, а я напишу от себя справку о расследовании инцидента, может реально получить лет пять. Мошенничество-то в крупных размерах. Тысяча рублей. Мне почти год работать. У меня оклад – сто рэ. Да и кроме того на суде уже реально потребуются бумаги. От Алексея, что никаких денег он не занимал. Лёша такую бумагу писать не будет. Ну, а ещё к вам до суда придут из прокуратуры и вы им должны дать бумаги, которые подтверждают законность происхождения средств, на которые вы купили кооперативную квартиру, машину, мотоцикл, люстру дорогую и не дешёвые холодильник с этим вот телевизором огромным. На какие деньги супруга Анатолия отдыхала в Болгарии. Кто заработал на отдых? Документ представите? Тут всё документально должно быть. Иначе, сами понимаете – накажут. Суд, повторяю, справедливый пока.

Все притихли. Настенные часы в круглой серебристой оправе так стучали стрелкой секундной, будто по головам

молотком. Первым не выдержал Толик. Он вскочил, убежал в спальню и вернулся с пачкой денег.

– Тысяча ровно. Можете не пересчитывать. Я бы после Нового года отдал точно, Алексей! Ну, раз уж раньше вышло, то заберите раньше.

– Это как так – раньше? Брали же всего на месяц. А год прошел. Стало быть вы и есть аферист-мошенник. – строго, разделяя слова, сказал капитан. – Дайте мне. Пересчитаю. Положено так.

Вышли все трое, не прощаясь с Толиком и его женой.

– Это надо ж! – вздохнул Лопатин старший. – Настроение убил во мне Толик этот насмерть. Давно таких упёртых нахалов не встречал. Этот заслуживает хорошего удара в челюсть.

– Не наши методы, – засмеялся участковый Зинченко. – Всё должно по закону делаться. Докажи суду, что ты не брал денег и что не врёшь, да и отдыхай. А ему суд наш не поверит. У нас вполне разумный суд.

– Спасибо вам, капитан, – Александр Максимович пожал участковому руку.

– И от меня спасибо! – горячо объявил Лёха. – Если б не вы... Блин, не думал, что Толя такая сволочь.

– Да вы много чего не видели и не представляете. Так и слава богу, – капитан козырнул и быстро побежал по заледеневшей натоптанной дорожке, скользя, но удивительно ловко сохраняя равновесие и ритм бега.

До тридцать первого декабря, прямо до самого вечера после работы и дома у Лопатина хранилось плохое настроение. Гости пришли весёлые, шутили, танцевали под радиолу танго и фокстроты.

– Болит что-то, Саня? – спросил Самвел Мадоян, школьный ещё друг.

– Кроме души ничего не болит, Самвельчик, – махнул рукой Лопатин и выпил сто граммов коньяка. Остальные тоже уловили, что в этот праздничный день Максимыч сам не свой. И после двенадцати, осушив по бокалу полусладкого шампанского, потихоньку разошлись парами. Даже не слышно было, как за ними английский замок цокал язычком. Жена Александра не трогала, не расспрашивала. Она знала, что без серьёзной причины муж в депрессию сроду не свалится.

Так прошло два дня и в ночь со второго января на третьё Лопатин пешком пошел в диспетчерскую. На дежурство заступать. Было чуть за девять вечера. Пробилось с гор тепло, плюс два градуса примерно. Шел сильнейший буран, закрывающий уличные фонари и прячущий за стеной несущегося вбок снега и дома большие, и редких людей, бродячих собак и, главное, небо. Ветер тёплый тащил выше голов желтоватый туман, тонны лёгких пушинок-снежинок, он сдувал Лопатина с тротуара и уже минут через пять Максимыч понял, что надо наклониться боком на ветер, лечь на него и только так двигаться. Пришел он в диспетчерскую и еще минут десять сбивал на крыльце тяжелый снежный груз, попутно

растирая обожженную ветром правую сторону лица.

Все уже сидели на местах.

– Везде задержку объявите на прилёт и посадку, – скомандовал Лопатин. – Связывались дополнительно с метео?

– Ну, конечно, – ответил Шура Голубь, старший диспетчер. – Говорят, на всю ночь такая природная фигня зарядилась. Туман, снег, ветер с запада на восток на десять метров в секунду... Шесть баллов. Короче – задница. Сдует всех вбок кроме «Тушки сто четвёртой».

– Вот и работы никакой, – сказал сам себе Лопатин. – А её-то для поднятия тонуса жизненного как раз и не хватает.

Раскрыл почти свежий журнал «Советский экран» и залюбовался актрисой Натальей Фатеевой.

– Ни выпускать, ни сажать пока никого? – спросил Шура.

– Дырка будет, то есть боковой ветер притихнет на пять минут до шести метров, туман немного поднимется, полоса выгянет под фарами. Ты «ТУ-сто четвёртый» из Киева прими, наведи на полосу с поправкой на ветерок, но точно по глиссаде. Туман, блин, выше пятнадцати метров не поднимется и не рассосётся. Увидят глиссаду и боковые огни на полосе? Да должны. Фары у сто четвёртого как прожектора. А другие аэропланы, полегче которые, пусть сидят у нас, на запасных и на транзитных площадках. Погода – гроб им всем.

И он перевернул страницу. А там большая статья про Владимира Ивашова со снимком. Начал читать о съёмках «Бал-

лады о солдате» и биографию.

И время пошло. Но пока не ясно было – к хорошему исходу его потащила ночь или к проблеме какой...

Глава девятая

– Скорую как в Москве вызвать? – крикнула Майя Зимина из открытой двери гостиницы дежурной по этажу.

– Ноль три. По всему Союзу ноль три. А что у вас? – дежурная прибежала в номер, где жили всего сутки три учительницы из Алма-Аты.

– С сердцем приступ какой-то. Вот у неё, – Майя Аркадьевна кивнула на кровать. Поверх одеяла лежала женщина лет пятидесяти в светло-сером платье, зимних сапогах и в коричневой цигейковой шапке. Собирались часа три погулять по столице, полюбоваться, а Горбунову как раз на пороге и прихватило.

– Мы в час дня вернулись с торжественного всесоюзного собрания учителей, самолёт в Алма-Ату улетает в пять тридцать вечера, – Зимина села рядом с Верой Фёдоровной Горбуновой и посчитала у неё пульс на запястье. – Сто семнадцать толчков за минуту. Плохо. Не надо было вам лететь на это собрание. Стресс же! Только время праздничное теряем. Народ в зале был с похмелья, рожи тусклые. Зато грамоты всем дали почётные. Почти все ради них на собрание и пошли, наверное. Я бы не полетела, но директор наш, змей. Строгий. Выговор влепит.

– Да я вообще дура. – Майя Аркадьевна шлёпнула ладошкой себя по лбу. – Чёрт бы с ним, с выговором. На зарпла-

ту не влияет и ладно. А мне вчера надо было в гости. Сегодня тоже. И завтра. Подружек незамужних навалом. Нам с подружками ещё год до тридцати лет. Самый сок – девчонки! И к ним идут праздновать такие парни! Холостые красавцы, – Майя сладко потянулась. – А я обожаю когда в меня влюбляются! Так радостно на душе! Я и замуж не хочу поэтому. Тогда ведь парни будут всё равно липнуть, а мне уже отвечать взаимностью нельзя! Мужа предаю, значит. Хотя, честно, мне вот по фигу. Правильно говорят: муж не стена, можно и подвинуть.

Майя Архиповна искренне захохотала, но глянула на усталую больную Горбунову и смутилась. Затихла.

– Я побежала, – дежурная, тяжело стуча по паркету толстыми ногами в зимних полусапожках, рванула к своему столу, позвонила в «скорую» и во всех номерах услышали её радостный голос: – Минут пять и они приедут. Станция скорой помощи рядом, квартал от гостиницы.

Два врача, на первый взгляд со стажем лет по пятнадцать, сняли кардиограмму, послушали шумы сердца через стетоскоп, пульс, давление измерили, потом поставили на стол три пузырька с разными по цвету жидкостями и тот, что постарше, сказал спокойно.

– Вот это по очереди надо пить. Слева направо. Через каждый час по столовой ложке. Не запивать. Ничего серьёзного у неё. Перенервничала. Где – неважно.

– На всесоюзном собрании педагогов сегодня очень вол-

новалась. Никогда раньше столько учителей в одном месте не видела, – Горбунова сама у себя прощупала пульс. – Всё боялась, что меня министр вызовет на трибуну и попросит поделиться с коллегами, каких успехов я добилась за тридцать лет учительских. – Вера Фёдоровна вздохнула: – А мне и сказать-то нечего. Кроме сорванных голосовых связок и нев-растении ничего не получила. Разве что опыт, про который меня никто и не спрашивал ни на собрании, ни в Алма-Ате.

– Ну, в смысле – поделиться с начинающими какими-то секретами, придумками, оригинальными находками. Это же не успех – опыт. Просто больше накопленных навыков. Но городскому отделу народного образования нашему это, видимо, не надо. Школе – тоже. Работаю себе и работаю потихоньку. И вот до самого конца собрания, представляете, сидела и боялась. Но не вызвали. Только грамоту вручили, как и всем остальным. Назвали фамилию, я поднялась и девочка-пионерка прибежала от трибуны, отдала мне бумагу и убежала.

– А на самолёте ей лететь можно? – тронула врача за белый рукав географичка Алтынай Сактанова – Мы учителя из Алма-Аты. Сегодня были с девяти до половины первого без перерыва на всесоюзном собрании-конференции. Министр наш речь произнёс. Вчера прилетели, сегодня в пять тридцать – обратно. Лично мне сегодня край как надо домой вернуться. К нам с мужем завтра родственники из аулов приедут. Так принято у нас. Человек пятнадцать пример-

но заявятся с подарками. А меня не будет – это же позор. Родственники мужа меня осудят как неуважительную, спесивую. А их больше. У меня только мама и сестра с дочкой. Переживаю. Меня осудят, а вся вина на мужа свалится. Не умеет меня в руках держать, не смог научить, как уважать близкую родню. Вот же влипла я с этим полётом в Москву...

– Это ж какой дурак придумал на второй день после такого праздника согнать людей со всей страны, чтобы послушать умнейшую и так всем нужную речь министра? – врач помоложе сделал Горбуновой укол в вену и уложил на прокол проспиртованную ватку. – Лучших позвали? Лучших, а как же!

– Грамоты дали всем, – улыбнулась Вера Фёдоровна, сжимая руку в локте, – «За высокий профессионализм в области просвещения и школьного образования». Тридцать лет из своих пятидесяти двух я неплохо русский язык преподаю и литературу. На пенсию через три года...

– У вас, наверное, ни на одной стенке места нет, куда последнюю почетную приклеить. Такой ковёр из грамот лучше любого персидского, – погладил её по руке врач. – О! Цвет лица оживает, розовеет. Сейчас будет нормально. Давление в порядке. Нервы у вас расшатаны. А тут стресс от собрания всесоюзного. Переволновались. Масштаб! Министр лично сам живьём перед глазами! Учителя все невротики. Примерно после пяти лет работы рвутся нервишки. Насмотрелись мы таких больных. Учителя, врачи, директора мага-

ЗИНОВ В ОСНОВНОМ...

– Нет, – Горбунова хотела подняться, но доктор аккуратно уложил её в ту же позу. – Это у меня только вторая Почетная за все годы.

– А у нас первая, – засмеялась Майя Аркадьевна. – Мы молодые ещё. Рано нам две-три иметь. Я десять лет математику преподаю, Алтынай десять лет – географию. Да что грамоты? Про них и не узнает никто. Не будешь же её ученикам на уроке показывать. Да и коллегам, тем более. Они вкалывают не меньше нас. У всех почти близорукость, ларингит обязательно, неврастения, синдром хронической усталости, остеохондроз. И Почётных грамот за болячки никто им не даст. Поэтому нам дразнить их неприлично. На конференцию эту могли кого угодно послать. Выбрали почему-то нас. А почему? Другие не хуже. Ну, да ладно.

– На самолёте вам лететь можно, товарищ Горбунова, – врачи стали складывать свои инструменты в бежевый саквояж с красным крестом на одной стороне. – Только пузырьки взять с собой не забудьте. Ложку попросите у дежурной. Спишут потом как утерянную. И пейте в том же режиме. В Алма-Ате к кардиологу не надо ходить. Сердце ваше нормальное. Спазм был нервный. Ну, поправляйтесь. Через полчаса можно на воздух. Рекомендую в Сокольники съездить. И недалеко, и воздух там – нектар целебный.

И они ушли, оставив за собой смесь запахов спирта, йода, корвалола и ещё какой-то острой жидкости.

– Да мне уже намного лучше, – Вера Фёдоровна села, поправила платье. – Пошли на прогулку. Расскажем дома, какие они – знаменитые Сокольники.

Оделись и неторопливо пошли к метро.

– От станции «Преображенская площадь», а она прямо напротив гостиницы, до станции Сокольники пять минут ехать! – напомнила дежурная по этажу. – Вы не спешите. Приступ хоть и лёгкий, но это сердечный приступ. Вы уж поосторожнее там!

В парке поражало всё. Многовековые деревья, во-первых. Сосны, ели, берёзы, вязы, лиственницы, липы, осины и разные неведомые казахстанцам деревья да кустарники.

– В четырнадцатом и пятнадцатом веках, – говорила на ходу начитанная учительница литературы Горбунова, – здесь был огромный непролазный лес и все царские охоты, да и княжеские тоже проходили тут только с соколами. Отсюда и название. Соколиная охота была любимой прихотью знати не только Московской. В Сокольниках любили проводить время цари. Девочки, сам Иван Грозный и Алексей Михайлович, император Пётр I. тут ходили, где мы топаем! А парк сделали только в конце XIX века. Тут и жильё было для ремесленников, и дачи. Фёдор Шаляпин тут жил, знаменитые художники Алексей Саврасов и Исаак Левитан, посвятившие Сокольникам гениальное своё творчество. Картина Левитана «Осенний день. Сокольники» есть в Третьяковской галерее, но мы туда уже не успеем.

Учительницы побродили по Фонтанной площади, отмахиваясь от мелких брызг, которые не понятно каким образом улетали от зачем-то работающих зимой фонтанов на десятки метров, потом почти час разглядывали множество гипсовых скульптур огромных размеров, которые обозначали собой счастливую жизнь советских людей. Спортсменов, рабочих, крестьян, школьников и студентов. Там были и групповые семейные скульптуры.

Красивые семьи из семи-девяти старых, зрелых и малолетних граждан СССР обедали, вязали спицами, вышивали, делали скворечники, играли в футбол, на гармониях и гитарах, читали толстые книги, газеты и загорали на пляже под жарким, наверно, солнцем. Счастье было написано на гипсовых лицах и удовольствие от жизни. В Алма-Атинском замечательном парке имени Горького такого изобилия скульптурного не имелось. Через час добрались школьные учителя до святая – святых – до огромного и очень белого мраморного барельефа Владимиру Ильичу Ленину. Который глядел прямо перед собой на высеченные в мраморе его собственные слова.

«Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их – и мы будем на самой вершине».

– Ну, ёлки, как прав был вождь!– Захохотала, пугая птиц на ближних деревьях, смешливая Майя.– Я вот все ошибки свои признала. Все вспомнила, пересчитала и покаялась пе-

ред троицей «Маркс, Энгельс, Ленин» Они у меня на блокноте тиснением выбиты. И многократно делишки свои греховные исправила. Теперь у меня только два любовника и долги я все раздала. До копейки. Даже брату родному. Устранила ошибки. И я наверху! На самом пике вершины! Вижу теперь, что выше-то и некуда! А, девушки?

– Ты легкомысленная мадам, – улыбнулась мудрая Вера Фёдоровна. – Ошибка – это если ты не веришь в советскую власть и лично Леониду Ильичу.

– Да больше, чем себе верю Ильичам обоим. И делаю всё, как учит партия, – Зимина продолжала смеяться. – Потому и живу как в раю. В очереди на квартиру всего триста сорок вторая. К шестидесяти годам получу. На холодильник «Зил» – сорок шестая. Успею получить. Была у меня ошибка, вышла я из очереди на квартиру. Зойка Латышева прикинула, что я при бурной своей жизни не доживу. Ну, так я через год её, ошибку роковую, исправила с трудом души и тела: опять записалась. Должна теперь дожить до шестидесяти. Обязана! А зарплата! Тоже пик! Сто десять рублей зарплата! Как у нашего министра. Вершина? Вершина!

После этих слов стоять возле памятника Ленину расхотелось всем. Женщины обошли с десятков красивейших каменных беседок, расписанных в бирюзово-голубых тонах и присели на пятнадцать минут в одинокой ротонде, приютившейся возле одного из многих прудов парка. Было тихо, по веткам сосен прыгали белки, стучал дятел и в легкие туги-

ми струями вползал хвойный воздух, несущий в себе аромат вольной и бесконечной жизни земного чуда – парка Сокольники.

На центральной площади построили несколько маленьких закусочных, буфетов и столовых, поскольку обойти даже треть парка на пустой желудок было утомительно и для здоровья не хорошо. Перекусили так серьёзно и недорого, что дальше прогулка пошла медленнее и на ходу тянуло вздремнуть.

Но по пути подвернулся огромный, растущий прямо из земли стеклянный с перемычками купол метров в пятьдесят диаметром. Перед куполом крыльцо и толстая дубовая входная дверь, разрисованная разноцветными розами и отлакированная. Возле крыльца на стойке торчала табличка с буквами. «Большой розарий. Открыт специально к шестому Всемирному фестивалю молодёжи в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году». В розарии они полчаса стояли как верующие в церкви. Молча и благоговейно. Все розы в тепличном климате пахли одуряющее. Запахи разных сортов смешивались в один чудесный аромат, исходящий от каждого цветка, как в церкви исходит благодать от каждого святого лика. Потом дамы переглянулись, сделали глубокий вдох и вышли на морозец с розовым ароматом и нежным теплом в лёгких.

После розария они собрались было последовать указателю, который направлял к выставочным павильонам, где, су-

дя по надписи на щите возле дорожки, побывало минимально пять миллионов человек. Но Вера Фёдоровна и Алтынай присели на скамейку возле указателя и дальше двигаться передумали.

– Ну, а я быстренько сбегаю, – Майя Аркадьевна была моложе, шустрее и от ходьбы силы её не иссякли, а желание посмотреть побольше только разгорелось.

– Так беги тогда как на четырёх ногах. Уже два часа. В половине четвёртого начнётся регистрация в Домодедово, – сказала Алтынай и откинулась на спинку скамейки. – А ехать на метро с пересадками. По-моему. Точно не знаю. Так что, на всякий случай, поедem пораньше. Иди, мы здесь подождем полчаса. Не дай, Аллах, мне опоздать. Не приеду завтра к обеду, так вся родня меня проклянёт, а муж Ермек и за волосы может оттягать. Он у меня маленько бешеный. И родственниками дорожит особенно. Вроде даже больше, чем мной. И мне это не кажется.

Майя сделала ручкой и скорым шагом удалилась в сторону павильонов.

– Это хорошо, что сегодня не холодно, – Вера Фёдоровна расстегнула на пальто верхнюю пуговицу. – И лес поэтому пахнет сосновый. Только из-за прогулки по Сокольникам сюда можно было приехать. Жаль, нет времени в Третьяковку сходить, в Кремль. А конференция мне лично ничего не дала. Банальное выступление министра. Скучные доклады преподавателей и директоров школ. Да ещё грамоты эти.

Мне, честно, неловко свою даже дома показывать. За тридцать лет такой тяжкой работы – две бумажки «За высокий профессионализм». А зарплату мне за тридцать лет подняли на пятнадцать рублей. Да только ерунда это всё. Учителем статься – это мне точно назначено свыше. Это судьба. Пусть вообще не платят – буду всё равно учить детей литературе и нашему великому, могучему.

– Ну, – согласилась Алтынай. – Так вы в две смены вкалываете. Классное руководство в двух классах. Вы за неделю, если я правильно посчитала, тридцать шесть учебных часов работаете. Больше ста сорока в месяц.

– Сто сорок четыре часа, – вздохнула Горбунова. – А с вычислениями в профком и подоходного налога зарабатываю сто пятьдесят шесть рублей. Это при стаже в тридцать-то годовиков. Про выслугу лет напоминала директору лет пять назад. Он сказал, что решит в «гороно». А оно как было, так и остаётся. Думают напряженно. Как будто я звание Героя труда выпрашиваю. Хотя за выслугу добавить должны бы не меньше пятидесяти. Эх, да ладно. На пенсию через три года. Муж зарабатывает в два раза больше. Машинист подъёмного крана на стройке. Дочь столько же, сколько я. Швея-мотористка на фабрике детской одежды. Живём хорошо.

– А мне не хватает, – задумчиво протянула Алтынай. – Сто десять рублей на руки дают. Хорошее платье стоит сто. Отдохнуть летом в Сочи – пятьсот накопить надо. А мне тридцать два года. Помада хорошая, дорогая, духи, тушь для

ресниц, шмотки из соцстран тоже не для учителей. Муж, жадина, мне ни фига дорогого и модного не покупает. Даже на восьмое марта и день рождения только цветочки. Так мы реально разводиться собираемся. Не уживаемся никак. А три года уже женаты. Детей он не хочет, в отличие от меня. И нет из – за него, придурка, ребёнка у меня. Вот только поэтому разведусь. Женщина должна стать матерью. Природа так постановила. И я сама так думаю. Разведусь и найду путёвого, не жлоба. И чтоб тоже мечтал иметь детей. Но с приличным мужчиной познакомиться – не в халате же. Хотя многие говорят, что помада и духи с одеждой не главное.

– Душа – вот что основное, говорят разумные люди. Ну, у меня всё вроде в порядке с душой. А, честно говоря, встречаются-то всё равно по одежке. Убедилась. Мне вот и в театр выйти не в чем. Муж театр ненавидит, а я люблю. Но пойду теперь уже после развода. Сейчас при нём это невозможно. Ни на шаг не отпускает одну. Только на работу. А в театре можно будет легко познакомиться с нормальным культурным мужчиной. Но у меня всё, от туфель до выходного платья – очень неприметное. Не знаю. Может и не в этом дело. Но клеются ко мне, хоть я и с кольцом обручальным, или бабники явные, или пьющие. Может внешность у меня такая шалавистая, чёрт её возьми!?

– Ты красивая, нежная, добрая, умная, – погладила её Горбунова по плечу. – Ну, деньги, конечно, не самоцель. И воспитали нас так, что к деньгам надо относиться нейтрально.

Не желать их слишком. Не в них счастье. Верно, может и не в них. Но мало получаешь и почему-то чувствуешь себя оскорблённой. Хотя я даже мужу об этом ни разу не сказала. Мы детей учим! Что может быть важнее!? Труд тяжелый. И государство делает вид, что этого не понимает. Там знают, что учителя сидячую забастовку точно не устроят и с плакатами к обкому партии не пойдут. Да...

– Я тоже учительство не брошу, – сказала Алтынай. – Можно переучиться на бухгалтера. Математику я тоже знаю не хуже географии. Денег будет куда больше. Но муж говорит, что того, сколько он зарабатывает – трём семьям хватит, чтобы жить спокойно. Делай, говорит, то, что умеешь, хоть бесплатно вообще. Вот я и делаю. Преподаю за копейки, считай. Но школу люблю и работу свою. А разведусь – хоть и в скромном платье, но найду себе настоящего мужчину, которого, полюблю. За Ермака просто так вышла, без любви. Чтобы замужем быть. Большая ведь тогда была уже. Двадцать пять лет.

Посидели минут пять молча.

– А где Майя? – Алтынай Сактанова глянула на часы. – Уже час прошел. Ехать надо в порт. Хорошо, что никакого груза с собой нет. Не надо заезжать в нашу гостиницу. Но всё равно есть смысл поторопиться. Сколько добираться до самолёта – не известно.

– Пойдём по этой дорожке, – Вера Фёдоровна поднялась. Размяла затёкшие ноги. Попрыгала слегка. – Она обратно по

другой дороге не пойдёт, я думаю.

Дошли до павильонов. Все они были закрыты. Горбунова поглядела по сторонам. Нашла два указателя. Один на четвертую Лучевую просеку, другой на пятую.

– Неужели её на просеки понесло? – испуганно засмеялась Сактанова. – Так она заблудится. Точно говорю. Мы же её по пути не встретили, да и здесь пусто возле неработающих павильонов. Не волки же Майю сожрали! Пошли искать?

И они, озираясь, трусцой побежали по пятой просеке. Слева и справа от нетоптаной почти тропы свисали прикрытые тяжелым мокрым снегом ветки лип, тополей, берёз и высоких осин. Они прижимались друг к другу так плотно, что сквозь снег на стволах и ветвях дальше первых деревьев не было видно ни кустика, ни деревца.

– Да... – остановилась, задыхаясь от бега, Горбунова. – Похоже – приплыли. Потерялась в этом лесу Аркадьевна. Ку-ку!

– Зиминая!!! Майя!!! – Алтынай сложила ладони рупором и кричала на все части света. Голос у неё был нежный, негромкий и тонкий. И слышала её только Вера Фёдоровна. Ну, может, ещё птица какая-нибудь, которая над головой на сучке сидит или на веточке. – Да поехали в аэропорт без неё. Не маленькая. Доберётся сама. Билет при ней. Вещи тоже. Что нам, из-за неё на рейс опаздывать? Дура эта Майя, в голове только мужики и развлечения. Ну как можно забыть и про нас, и про самолёт? Некрасиво себя ведёт, корова. По-

ехали, чёт с ней!

Удивительно, но в самом любимом москвичами и туристами парке после нового года не было никого. За пару часов учительницы издали видели двух лыжников, в поту пробивающих себе лыжню, заметили троих уборщиков территории. Они толкали перед собой большие санки с высокой фанерной коробкой и лопатами да мётлами собирали в этот ящик всё, что гулявший в ночь на Новый год народ бросал или терял. На снегу извивались змеями куски разноцветного серпантина, валялись пробки от бутылок, бутылки, которые уборщики аккуратно складывали отдельно в холщовый мешок, закинутый на петлях за спину самому молодому. Блестели обёртки от конфет, серебристые бумажки, в какие заворачивают шоколадки, даже пуговиц на снегу осталось столько, будто граждане отдыхали душой и ликовали, таская друг друга за пальто и шубы.

Гуляющих просто так, бесцельно, ради самого гуляния и вдыхания целебного хвойного аромата, не было вообще. Только в конце просеки слились в долгосрочном поцелуе влюблённые, одетые по-весеннему в лёгкие курточки и лыжные шапочки с кисточками наверху.

– Не, так не пойдёт. Не найдём мы её, – остановилась Вера Фёдоровна. – Вон переход на четвертую просеку. Но она тоже приведет к пруду, где Майе делать нечего. Надо спросить уборщиков. Может они её видели.

Мужики в телогрейках хорошо заправились винцом в сво-

ём домике, где держат веники, лопаты, тележки, санки, молотки и пилы. Им было тепло и интересно работать. Потому, что кроме пуговиц граждане, празднуя «новый» бурно и размахисто, теряли не только монеты, но и рубли бумажные, трёшки и розовые десятирублёвые денежные знаки. То есть полезная для жизни работа была у дворников после массовых праздников. Они почесали затылки, повспоминали, после чего в один голос доложили, что такую даму они не встречали.

– А придушить и забрать деньги у неё тут могли бы? – спросила Горбунова. – Места красивые, но местами такие глухие. Кричать будешь, так вокруг никого и нет. Слушать некому.

– Это вряд ли, – один уборщик присел на корточки. – У нас тут милицейские патрули на мотоциклах, которые от центральной площади ездят и днём, и ночью по всем дорожкам и лучевым просекам. Могём вызвать сюда одного на мотоцикле. Может он видел...

– А поскорее можно вызвать? – засуетилась Вера Фёдоровна. – На самолёт опоздаем, если не найдём её. Мы на день прилетали из Алма-Аты. Конференция учителей была всесоюзная. А до регистрации уже только час остался. Да. И двадцать минут. Домодедово далеко?

– На метро до кольцевой пятнадцать минут, там пересадка и дальше прямо до аэропорта, – уборщик поднялся и стал свистеть в милицейский свисток, который на цепочке вместо

креста болтался у него под телогрейкой. – Час и уйдёт. Двадцать минут пока имеете в запасе.

Минут через пять в конце просеки затарахтел мотоциклетный мотор и скоро возле них остановился «Урал» с коляской. Мотоцикл огибала широкая красная полоса. На ней крупно синими буквами было написано грозное, но спасительное слово «милиция»

– Сержант Проценко! – приложил пальцы к шапке молодой парень с погонями и кобурой на поясе, из которой торчала рукоятка пистолета. – Что у вас? Чем могу быть полезен?

Перебивая собственные почти одинаковые встревоженные монологи, учителя Горбунова и Сактанова за пару минут донесли до сержанта смысл тревоги.

– А садитесь обе в коляску, она двухместная теперь, не как ещё пять лет назад. – Сержант отстегнул брезентовый полог, закрывающий вход к широкому сиденью – Мы её мигом догоним. Где бы она ни заблудилась. Узнаете её, так рукой мне махните. Я и остановлюсь с ней рядом.

– А убить или ограбить её в такой глухомани не могут? – Алтынай вскрикнула и прижала ладонь к губам.

– В Сокольниках лет десять назад жуть что происходило, – милиционер повернулся к дамам и широко улыбнулся. – А потом сюда запустили восемнадцать мотопатрулей. Все с оружием. И мы за полгода навели тут тишь, гладь да божью благодать. И ночью ездим. Круглые сутки, короче. Бандитов и шпану как ураганом сдуло.

Мотоцикл катился быстро, сворачивая на узкие ручейки-дорожки и снова вылетая на просеки и широкие дороги со скульптурами по обочинам. Мелькали деревья, фонтаны, включенные на Новый год, которые потом забыли выключить, скамейки пустые, запорошенные снегом, улетали и исчезали за спиной лихого сержанта.

– Вот! Вот она! – закричала Горбунова. – В бордовом пальто и серой кроличьей шапке. С кем это она разговаривает?

Майя весело болтала с тридцатилетней на вид женщиной. Высокой и красивой. Они периодически дружески хлопали друг друга ладошками по плечам, заливались хохотом, то сгибаясь в приступе смеха, то откидывая назад головы. Как удерживались на них шапки – загадка.

Мотоцикл остановился.

– Забирайте её. Я подожду. До метро «Сокольники» потом вам? Довезу за пару минут. Тогда на регистрацию точно успеете. – Сержант спрыгнул с мотоцикла и несколько раз крепко пнул заднее колесо.

– Здравствуйте! – Вера Фёдоровна и Алтынай подошли к увлѣкшимся какой-то смешной историей Майе Аркадьевне и незнакомой, очень весѣлой и привлекательной женщине. – Майя, ты как тут оказалась? Мы-то тебя ждали на том месте, откуда ты ушла.

– Да заблудилась я. Павильоны не работают. Я пошла обратно. Но, чёрт, оказывается, надо было по левой дорожке

идти, а мне запомнилось так, будто я пришла по правой, – Майя Аркадьевна Зимина тараторила быстро, но все слова вылетали из неё ясными-понятными. – А вот, познакомьтесь, Ниночка. Педиатр. Она тоже прилетела на конференцию врачей. Работает в Алма-Ате, в пятой больнице. Живёт этажом ниже меня. Так, представьте, в одном доме живём, в одном подъезде, а почти никогда не встречаемся. Вот нам и смешно. Надо, чтобы увидеться – улететь за четыре тысячи километров, попасть там в самое безлюдное место и от души поболтать!

– Бывает, – кивнула Алтынай.

– А ты домой-то полетишь, Аркадьевна? – засмеялась Горбунова. – Или до весны тут хохотать останешься?

– Ёлки-палки! А я забыла совсем! – испуганно вскрикнула Зимина Майя. – Нам же на самолёт! Ещё не опоздали? Успеем?

– Успеете, – сказал сержант строго. – Если поедем до метро прямо сейчас.

Попрощались. Поехали. В мотоцикле все молчали, в метро с Зиминной подруги тоже не разговаривали. И только когда сели в самолёт Вера Фёдоровна произнесла всего одну фразу.

– Легкомысленная вы женщина, Майя Зимина. Вам надо в начальных классах преподавать. Там дети такие же несмышлёныши, как вы.

Долетели до Семипалатинска почти за три часа, зато с хо-

рошим обедом под приятную музыку из динамиков. Перешли в зал ожидания и там застряли. Алма-Ата не принимала по причине плохой погоды.

– Ничего. Лично я посплю, – сказала Алтынай и легла на гнутое деревянное кресло.

– А я дома отосплюсь. Мужа нет. Умер давно. Гостей не бывает. Не люблю компаний. На работу идти не надо. Каникулы ведь, – Вера Федоровна достала из сумочки книгу стихов Давида Самойлова «Второй перевал» и погрузилась в поэзию.

Майя Зимина поняла, что на неё обиделись, ушла в дальнюю часть зала ожидания и стала смотреть на людей, выискивая знакомых. Мимо быстро прошли к выходу трое мужчин в лётной форме и один в обычном, но очень дорогом пальто. Они негромко перебрасывались матерными словами и на их лицах ничего, кроме выражения злости, почти отвращения, не читалось.

Майя по опыту знала, что если бы так вели себя врачи, значит, у больного появились трудноразрешимые проблемы.

– Не дай бог, чтобы у лётчиков это значило то же самое. Только вместо больных – пассажиры, – вздохнула Зимина.

Она пошла к огромному окну, за которым на площадке стояли самолёты. Майя Аркадьевна засмотрелась на их гармоничные, идеальные формы и вскоре о лётчиках со злыми лицами забыла.

Осталось просто дождаться хорошей погоды в родном го-

роде и долгожданного вылета.

Глава десятая

– Напрашиваешься? В морду хочешь? Так я в момент приложусь, мяукнуть не успеешь, – начальник лётно-штурманского отдела Главного Управления гражданской авиации КазССР Байрам Шарипов, прилетевший забрать бумаги в Семипалатинск из Усть-Каменогорска после расследования аварии вертолётa, прихватил за грудки второго пилота «ИЛ-18» Володю Горюнова. – Ты куда, червяк, лезешь? Куда своё пустопорожнее соображение суёшь? Я, мля, с твоим командиром говорю. Засунь это мнение тупое себе обратно в задницу и сиди на подоконнике. Твой номер – ноль целых, ноль сотых. Два главных твоих начальника разбираются и комариков не просят зудеть над ихними ушами. Пошел отсюда, оглоед!

Шарипов толкнул Володю, тот по инерции снёс на пол стюардессу Валюшу Марченко, красотку и очередную временную «куколку» командира корабля Михаила Шувалова. Валя головой кафель на полу не задела, а прокрутилась на спине и вскочила, спряталась за Шувалова. Другая стюардесса, Галочка Сёмина подошла сзади и отряхнула форменное Валюхино пальто от пыли. Сама Галина, лучшая стюардесса республики и победительница шести всесоюзных конкурсов бортпроводниц, модница, редкая красавица, которая недавно развелась с гулякой-мужем, так здорово в «люксе» пере-

шила себе всю форму, что в ней её можно было хоть каждую неделю фотографировать на обложки разных журналов.

– Не бойся ты этого козла, – шепнула она Вале на ухо. – Ты сейчас с Мишей. Поэтому Шарипов тебя даже дурёхой не посмеет при нём назвать. Миша его бил уже не раз. И ещё вломит. За тебя, тем более.

После её слов Валя вышла снова на вид в круг, образовавшийся из спорящих. Не было только Вовы Горюнова. Шарипов его толкнул не сильно, но больше после этого участвовать в разговоре Горюнов не собирался. Дурака сроду не переспоришь. А Шарипов, считал Вова, дурак законченный, нарцисс и самодур хвастливый.

В комнате отдыха транзитных лётчиков аэропорта Семипалатинска собрался весь экипаж борта из Москвы в Алма-Ату № 75 158. Столица не давала «добро» на вылет. Метель неслась не низовая, выше домов одноэтажных, и плотная как штора на окне, над полосой висел высокий непроглядный туман и летал бешеный поперечный ветер со скоростью 10 метров в секунду. Почти ураганный. Всё вместе взятое даже тяжелому «ИЛ- 18» с отчаянным риском сесть на полосу не дало бы.

– Это довольно часто зимой в Алма-Ате такая хрень с погодой.– Грустно объяснял своему коллективу Миша Шувалов, командир. – Я вот навсегда запомнил особенность этого странного, но частого катаклизма. Когда и снег, и ветер, и туман – все разом сходятся в одном месте. Туман, блин, все-

гда высокий бывает и при метелях, при разных снегопадах, и его полная непроглядность растёт с высотой. У него даже название есть. Не просто туман, а «адвективный». Ну, как расшифровывается название точно не скажу – не знаю Проще говоря, у самой поверхности земли на уровне среднего роста видно ещё может быть вполне неплохо, даже совсем, считай, ясненько может быть.

Но стоит подняться на несколько десятков метров, от двадцати и до пятидесяти, как горизонтальная видимость совершенно исчезает. Ничего не разглядишь уже через пять метров. Но мы- то сверху садимся. И я при посадке должен впереди себя полосу видеть минимально на восемьсот метров, когда сам ещё болтаюсь на эшелоне семьдесят метров, например. Тогда сажусь спокойно. А если «бетонку» с двадцати – тридцати метров высоты вообще не видишь при скорости снижения 200 или 180 километров в час? И как садиться? Да ещё ветер сбоку десять метров на секунду! Это могила! Не попадёшь на полосу. Глухо!

Горюнов имел факсовую сводку от диспетчера, подписанную руководителем полётов Александром Максимовичем Лопатиным. Там в конце Лопатин не просто расписался, а своей рукой перед фамилией написал. «Метеоусловия катастрофические. Вылет категорически запрещаю. Ждите особого распоряжения».

– Я поддерживаю Лопатина. Горюнов вышел в центр круга, помахивая обрывком факса над головой. Моё мнение,

Байрам, ещё жестче. Садиться на такую полосу – это смерть всем. Гроб на сто два места.

Вот тогда Байрам Шарипов психанул и Володю толкнул от всего экипажа подальше, и лично от себя.

– Вы трусы все! Вам тротуары поливать с водовозок, а не по небу порхать! – крикнул Шарипов, взял у Шувалова оброненную Володей сводку и порвал её в клочья. – На войне летали в любую погоду. Ты ж, Шувалов, с первого дня до Победы на «Тушке» носился и в бурю, и вслепую под звёздами. Ничего, живой! А тут десять метров ветерок боковой. Не тридцать же! Чего дергаетесь?

– Сам говори с Лопатиным. Он отвечает за всё, что в воздухе по нашему диспетчерскому охвату, по алма-атинской проводке самолётов, – сказал тихо Миша Шувалов. – Лично мне с ним отношения гробить резона нет. Прилечу на три часа позже – никто ругать дома не будет.

– Ладно! – Байрам плюнул прямо на середину круга, на кафель пыльный. – Пойду сам с ним лаяться по телефону. Из кабинета местного руководителя полётов. Сам на него надавлю, раз ты, Шувалов, ведёшь себя как баба, какая дрожит над пирожками, чтобы они у нее подгорели. Ни хрена ты не пилот первого класса и орден на войне тебе дали по ошибке.

– Ширяев Сергей, семипалатинский главный по полётам, вылета нам, кстати тоже не даёт. Не хочет грех на душу брать, – крикнул вслед Шарипову бортмеханик – Да там не только грех на душе будет. Гробанёмся – его под суд отдадут

за то, что выпустил, зная про плохое «метео» в Алма-Ате.

– Да пошел ты! – огрызнулся Шарипов и выбежал из комнаты.

– Людей зря загнали в салон, – дёрнула за рукав Шувалова стюардесса Галя. – Там Верка с Наташкой, но что они кроме воды могут пассажирам дать? Что? Движки не работают. Холодно внутри. Простынут люди. Даже газеты свежие забыли отнести. Вон их целая пачка лежит. Может, пусть пока вернутся? Тут тепло.

– Ну, сбегай в самолёт. Вытащи всех сюда. Автобус возле выхода. Зелёный. Шофёру скажи, что опять отложили взлёт. Пусть пассажиров привезёт, – Шувалов напряженно смотрел на дверь. Шарипов не появлялся. Похоже, что и с Ширяевым сцепился. Вот же хорёк неуёмный. – Я пока тоже схожу к Ширяеву. Ещё подерутся. Байрам же без тормозов, может и нахамить. А Серёга -парень самолюбивый. Даст в рыло, не задумываясь. Ну, он-то кандидат в мастера в «полутяже». Боксёр. Покалечит Борю, нам влетит дома. «Почему допустили такое?»

И они оба вышли из комнаты отдыха. Галина в автобус, а Шувалов на лестницу. Кабинет управляющего полётами на втором этаже. И уже с пятой ступеньки услышал Миша Шувалов такие отменные маты, какими далеко не все шахтёры в Караганде владеют. Это беседовали насчёт вылета Шарипов с Сергеем.

– Вот я на бумаге лично своей рукой пишу, что категори-

чески не разрешаю вылет борту №75 158, на котором проверяющим летит Шарипов и настаивает на том, чтобы я самолёт выпустил. Не разрешаю взлёт по причине отсутствия возможности успешной посадки в Алма-Ате. Число. Подпись моя. Время 22.10. Местное, – Ширяев сунул бумагу под нос Байраму. – Расписывайся, что ознакомлен. И пусть этот документ у меня лежит. Гробанётесь, если самовольно на пилотов надавишь, а мне будет, что на суде показать.

Байрам минуты две смотрел на лист, вытащил из нагрудного кармана золотистую авторучку и под росписью Ширяева написал.

– Решение о запрете на взлёт считаю непрофессиональным. Через час в Алма-Ате будет чистая полоса. Рекомендую уволить т. Ширяева С.К. за полный непрофессионализм и вредительство. Шарипов Б. А. (начальник летно-штурманского отдела Управления ГА КазССР).

Расписался.

Сергей Константинович долго глядел на Шарипова после того как забрал и прочёл обоюдное эпистолярное произведение.

– Вот не будь ты, Байрам Асхатович, этим самым начальником большого республиканского уровня, то дал бы я тебе по печени и снял бы тебя с самолёта вообще. За оскорбление руководителя полётов и постановку под смертельную угрозу жизни ста двух пассажиров. И послал бы тебя на три буквы сначала, а потом на вокзал. Чтоб спокойно дотрясся ты за

сутки с хвостом на поезде.

Взял лист и положил в сейф.

– Теперь Сан Максимычу Лопатину то же самое скажи по телефону и делай что хочешь. Вот тебе копия факса с его подписью. Он запрещает взлёт и посадку. Пиши, что не согласен. Потом звони. С красного телефона. Напрямую.

– «Считаю данное распоряжение не соответствующим реальной обстановке. Ответственность за взлёт и посадку беру на себя как вышестоящее должностное лицо», – черкнул Шарипов, потом расписался и здесь.

– Ты, Боря, от меня далеко и хоть сто команд дашь – моё начальство пошлёт тебя на хрен. Дурак ты, Боря, – Ширяев закурил и пустил дым Шарипову в лицо. – Оно меня больше ценит, чем всё ваше управление и тебя в нём. Самому наплевать на себя и экипаж, так хоть людей пожалей. Они-то не знают, что ты у нас хоть и главный, но дурной. И помни. Я вас всех не боюсь. Я боюсь только моих начальников. А они под вашу дудку не станцуют. Не жди.

Шувалов вошел.

– Ну, решили? Мне греть моторы или как?

– Я Лопатину позвоню. Подожди минуту, – Байрам за два широких шага пришел к аппарату. Он за минуту, как сказал, так и управился.

– Слышь, Максимыч, это я, Шарипов Байрам. Я сажусь в кресло борта 75158 командиром. Шувалов вторым, натуральный второй в салоне посидит, а мы летим домой. Го-

товь полосу и диспетчеров пугни, чтобы пахали на совесть. Ты ведь главное меня – только пока самолёт в воздухе. А сяду я утром в кабинет свой в Управлении, тебя вызову, строгач влеплю и потом всё сделаю, чтобы ты до пенсии у нас не дотянул. Выгоним к едреней матери. За самоуправство и неподчинение вышестоящему руководству. Понял? Всё. На связи из самолёта. Мы взлетаем. Да сядем нормально, не ори! У меня тоже первый класс, как и у Мишки.

Он бросил трубку и выматерился.

– Сидел бы, мля, по-тихому старикан! Так ведь на тебе – ёжик с шипами колючими. Полёты, видите ли, мля, его только компетенция. Зажрался дед. Уволю, мля!

– Гробанёмся, Боря, – Шувалов сказал это медленно, отделяя каждое слово. – Я с Лопатиным с борта говорил. Он весь прогноз читал мне. Буран – стеной до утра. Туман до полудня следующего. Ветер после полуночи до тринадцати метров с левого от полосы бока. Мне-то ладно. Жаль не себя, а только пассажиров и машину. В семье лада нет из-за моей скотской любви к бабью. На могилку будет вдова ходить раз в год – и ладно. А ты только женился. Кайф пока. И ты сам себе его обломаешь.

– Да я чего и спешу так!!! – Шарипов расстегнул пуговицу на рубашке и ослабил галстук, – звонил четыре часа назад, два, час – так не берёт трубку.

– Может, телефон сломался? – Шувалов отвернулся и поглядел в потолок.

– С чего? – озверел Байрам. – У руководства Управления сломается телефон, так ремонтники быстрее скорой помощи прилетают. Иди, а я ей позвоню ещё раз и догоню тебя. Ты, Мишка, её ведь знаешь получше. Но что она – шалава, я-то раньше не знал, а ты и сейчас не скажешь. Да? Ладно, мля! Готовь машину. Взлёт разрешаю и полную ответственность беру на себя. Об этом под магнитную запись доложу с борта в порт Лопатину и начальнику Управления в самолёте напишу докладную, что лететь – это мой приказ. Ты приказа послушаться не можешь по должности. Ну, давай.

Миша пошел отдавать распоряжение, чтобы пассажиры снова ехали в самолёт. Сказал сам. Все услышали.

– Взлёт разрешили. Через час ожидается изменение погоды, пригодное для штатной посадки.

Пассажиры что-то побурчали, но пошли в автобус. Тут и Шарипов прибежал. На красном от злости лице его бледнели пятна с трёхкопеечную монету и руки дрожали.

– Нет её, суки, дома! – прохрипел он. – Должна прийти скоро. Но гуляет же, падла, явно. Прибежит точно к прилёту самолета. Она же знает не хуже нас, что мы задерживаемся. И Лопатину звонила – сто процентов.

Он ругался на ходу, на него оглядывались, морщились и кривились. Какая-то женщина у большого окна даже язык ему показала. А Миша говорил бортмеханику и штурману, что делать. Стюардессам только ни слова не сказал. Им делать всё как всегда. Они и так знают. Вошли в кабину.

– Ты пока слева сиди на командирском, – сказал Шувалову Байрам. – А ты, Володя, пока будь со штурманом рядом. Я вместо тебя немного поработаю. Надо мне. Пригляжусь к приборам. Вспомню кое-что. Давай, Миха, запускай движки и на рулѐжку. Там и прогреемся, на взлѐтке. Погода отличная тут.

– Уважаемые товарищи пассажиры. Командир корабля, пилот первого класса Михаил Шувалов приносит вам извинения за задержку рейса. Прошу вас привести спинки сидений в вертикальное положение и пристегнуть ремни. Наш рейс триста семь, Москва – Семипалатинск – Алма-Ата, продолжается. Время в пути два часа пятьдесят пять минут. В полѐте вам будет предложен лёгкий ужин. Счастливого полѐта! – Галина Сѣмина отодвинула занавеску, вернулась к девочкам и бросила микрофон на пачку газет, которую так и не успели разложить по сиденьям.

– Ты чего, Гал? – спросила Вера.

– Не говори другим, – Галина прошептала ей на ухо. – Морозит меня. Температура, наверное. Как-то не по себе, нехорошо как-то... Видно, заболею.

Машина прогрелась на полной мощности, Шувалов сорвал свой «ИЛ-18» с тормозов и через три минуты разбега он уже выходил на эшелон пятьсот, а за ним сразу на тысячу метров.

– Красиво поднялся, – улыбнулся ему Шарипов.

Миша Шувалов поднял вверх большой палец. Согласил-

ся.

В хвосте самолёта, прямо перед туалетом на трёх креслах никак не могли откинуть назад спинки сидений студенты второго курса нового Алма-Атинского института народного хозяйства Бахытжан Крыкбаев, Гена Лисовский да Игорь Гордиенко. Стенка туалета мешала. А парням просто позарез после буйной встречи нового года надо было спинки опустить и залечь почти в трёхчасовую спячку. Летели они на сессию зимнюю из города Аягуз, который на востоке, на самом краю пустынной Семипалатинской области. Сманил их на учёбу в этот институт на учётно-экономический факультет одноклассник Амирбек Боранбаев. В пятой Аягузской школе они отучились вместе с первого класса.

Но Амирбек был прилежным отличником, сыном зама председателя горисполкома, играл на домбре, гитаре и скрипке после курсов в Доме культуры. В самом начале шестьдесят третьего он вычитал в Казахстанской правде, что создан и набирает первых абитуриентов «Нархоз» в столице. А у Бахытжана, Игоря и Гены была мрачная перспектива – однажды попасться в руки милиции и сесть лет на пять. Они с восьмого класса «обносили» частные домишки и квартиры в пятиэтажках. Воровали только деньги, а больших сумм у жителей Аягуза не было, потому и отловить домушников на крупных или дорогих покупках милиция не могла. А ребятам на водку и закуску хватало. Как хватало и ума не

ходить в единственный ресторан или заметные кафе. Пили дома у кого-то из троих, после чего шли в Дом культуры на танцы, где дрались с пацанами, живущими на левой стороне реки Аягуз, липли к девчонкам и покуривали с друзьями анашу за углом ДК.

Амирбек сманил их веским аргументом. В год открытия институт будет набирать практически всех, кто на вступительные придёт. Факультеты должны быть заполнены, чтобы институт мог красиво выглядеть перед своим министерством. Бахыт, Игорёк и Геннадий ни черта не знали, учились на тройки, и то благодаря пофигистам-учителям, которые не желали показывать городскому отделу народного образования, что преподают они неважно, что двоечников много. А потому их и не было вообще.

– После института распределят вас обратно в Аягуз, – нарисовал хорошую перспективу Амирбек. – Меня отец приберёт в горисполком, а вы разбежитесь по хорошим местам. У нас от современных экономистов не откажется ни известный во всём СССР Аягузский мясокомбинат, ни наши маслозавод и шерстопрядильная фабрика, ни завод железобетонных изделий и пивзавод. Клёво же! Или на зоне хлебать баланду интереснее? Уговорил, в общем. И вот они после лихой пьянки летели сдавать экзамены за первое полугодие второго курса.

В головах было пусто после самогона и дешевой закуски. Но души их рвались к не такому уж и далёкому завершению

студенческих мучений и поступлению на хорошие денежные должности в родном Аягузе. Только вот вздремнуть надо было, а спинки последних сидений упирались в стенку туалета и не ложились. Гена поднялся и пошел вперёд. Через один ряд и ещё на передних трёх рядах все места занимали парнишки в одинаковых синих тёплых куртках, в одинаковых полосатых шапочках вязаных с шишкой наверху. У каждого на коленях лежали одинаковые красно-зелёные длинные спортивные сумки.

– Мужики, – Гена стукнул крайнего по плечу. – Вы поменяйтесь с нами местами. Нас трое. И вас тоже. Только вы просто сидите, а мы с похмелья на сессию в институт летим. Нам маленько поспать надо. А кресла последние не раскладываются.

– Во, понеслась! – сидящий спереди крупный молодой мужичок в такой же одежде повернулся и уставился на Гену.

– Ну и чё? – прокашлял он, пробежав глазом по Генкиной фигуре сверху до низу. – А мы лыжники. На республиканское первенство едем побеждать. Мы Семипалатинские. А вы?

– Из Аягуза мы, – подошел Игорь. – Земляки. Вот как люди добрые из одного родного края дайте нам свои кресла. А то у нас тыквы трещат. А завтра экзамен и два зачёта. Поспать надо чуток.

– А ху- ху не хо-хо? – поднялся тот, кого Гена по плечу постучал. – Нам нужны удобные места и хорошее питание.

Мы выигрывать у алма-атинских летим. И у кустанайских. Честь области на кону. А вы – дерёвня. Аягузская, шелупень. Живёте у черта в заднице, а понтов как у москвичей. Спи сидя, бляха. Тоже мне – шишка. Пошел куда всех козлов посылают!

Тут сзади пробил собой дыру в коллективе беседующих крупный студент Бахытжан и въехал с разбега грубияну в челюсть. Все в синих куртках подпрыгнули, ветром вылетели в кучу и стали доставать студентов кулаками, куда можно было достать. Аягузцы к этим развлечениям привыкли давно. Городок маленький, а амбиции у пацанов как и везде – великие. И стали они успешно отмахиваться. Кому-то нос разбили, кому-то губу. зуб выбили одному. Как потом выяснилось – тренеру. Он разнять пытался. И кто зуб вышиб – в этой карусели никто бы не разобрал. Остальные пассажиры рядом закричали, не вмешиваясь, но кто-то всё же побежал к стюардессам.

Валентина и Галя прибежали, пытались уговорить молодых-горячих разойтись. Не вышло. Один спортсмен прихватил их под руки и отволок к занавеске.

– Тут сидите. А то кто-нибудь вам красивую внешность изменит на противоположную. Случайно.

И убежал махаться.

Галя пошла в кабину и рассказала всё Шувалову.

– Ты за автопилотом пригляди, – сказал Шарипов Володе Горюнову, второму пилоту. – А мы пойдём с Михой эту

бригаду успокоим.

Они побежали к дерущимся и за метр до летающих беспорядочно кулаков остановились.

– Эй, я командир корабля, – крикнул Шувалов. – Разойдись немедленно! Вы мне центровку самолёта нарушаете. Законов физики не знаете? А ещё спортсмены да студенты! Завалимся в штопор – и ку-ку. Ваши соревнования, и сессия пятёрочная для вас накроются тазом медным. И даже могил не будет. Не соберут вас по кускам. Высота – восемь километров.

Шарипов всё же для убедительности крепко прихватил Гену за руку, а свою пронёс крюком мимо лиц лыжников и всадил большой кулак студенту в шею. Гена хватнул ртом воздух и завалился под ноги землякам.

Шувалов зацепил своей лапой локоть спортсмена и сдавил связки так, что лыжник охнул и присел, издавая хриплый стон.

– Я сейчас свяжусь с землёй, – Шувалов Миша говорил громко, чтобы моторы не мешали всем слушать. – Наряд милиции будет вас в порту ждать. Я и стюардессы видели, кто дрался. Вот драчунов я лично и сдам наряду. С ним и разбирайтесь. Хулиганство в летящем самолёте милиция особо строго наказывает. Все поняли? Сели, где сидели и чтоб ни звука. Или точно вызову в порт милицию.

И они с Шариповым пошли медленно в кабину.

– Ты ещё раз поговори с Лопатиным, – сказал Байраму

Шувалов. – Попробуем сесть. Ещё час в запасе. Может, уйдёт туман. Только ты ему не угрожай. По – хорошему поговори. Ты ж умеешь. Лопатин – понятливый. Покружимся над бураном и туманом, а он пусть дырку для нас поймает. Чтобы сели.

– А ведёт нас кто? Диспетчера я знаю? – остановился Шарипов. – Может, мне его накачать ответственностью?!

– Молодой парень диспетчер сегодня у нас. Женя Макаркин. Три месяца работает, – вздохнул Миша. – Но, я слышал, он толковый, да не из пугливых.

Пассажиры некоторые разговор их слышали, но не поняли. Движки всё же забивали звук негромких голосов.

Шарипов сел в кресло, надел наушники и сказал:

– Диспетчер! Женя! Это Шарипов Байрам. Знаешь такого? Я веду самолёт. Посадка под мою ответственность. Шувалова я отстранил. Он не командир сейчас. Доложи Лопатину. Мы должны сесть. Ждите.

– Я Лопатин. Диспетчер и я тебя слышим. Пока погода не для посадки. Но хрен с вами. Летите, раз уж такое дело. На месте сориентируемся. Если невпротык будет погода – пойдёте на запаску в Караганду.

– Спасибо за понимание.

Шарипов отключил связь и закурил. Волноваться начал. Видно было. Миша долго глядел на него, потом закрыл глаза и вдруг поймал себя на мысли, что ему хочется перекреститься и мысленно произнести молитву. Знал он только од-

ну, самую главную. Самую сильную. Бабушка научила, когда был Миша маленьким. Он поднял глаза к бесконечному небу и прошептал так, чтобы никто не услышал, кроме Бога.

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Яко Твое есть царство, и сила, и слава во веки веков. Аминь.

Скоро надо было снижаться.

Глава одиннадцатая

Оставалось два месяца до дембеля в сентябре шестидесятого года и старший сержант Женя Макаркин получил последнее письмо от своей девушки из Алма-Аты. За три года его службы писем она написала тысячу четыреста девять штук и Женя для них специально купил в увольнении рыжий чемоданчик с двумя замками. В целом получалось, что Лариска отправляла ему года два по письму в сутки. Процесс исправно шел, начиная с первой армейской осени пятьдесят седьмого года, сразу после октябрьского призыва. В пятьдесят восьмом и девятом конверты дневальные отдавали ему каждый день. Но к лету дембельского шестидесятого письма стали поступать намного реже.

Предпоследнее Лариска написала в июне, а последнее – когда он уже сделал дембельский альбом с фотографиями службы и друзей и когда украсил парадную форму всякими заслуженными значками, ленточками, тремя золотистыми витыми шнурами, пропущенными под правым погоном. Они провисали красивой петлёй до ремня и были специальной пуговицей закреплены на уровне груди. Голубые погоны ВВС полагались дембелю необыкновенные, с золотистой окантовкой, новенькие, прямо со склада. И ко всему этому выдавалась высокая фуражка с лихо прогнутым козырьком. А хромовые сапоги все увольняющиеся в запас недорого по-

купали у каптёра. Он их храбро воровал и отлучал от офицерских комплектов, прятал в глубинах кучи изношенной солдатской формы, необходимой для самой черной работы, а при явном риске с дембелей брал всего сто рублей, хотя такие сапоги в «военторге» стоили пятьсот. Не наглел. Молодец.

В предпоследнем письме Лариска намекала на то, что к ней липнет Женькин дружок со двора Серёга Дорофеев и просила, когда солдат вернётся, Серёге тому набить морду. Ну, а в послании заключительном сообщила Лариса, что они с Серёгой Дорофеевым ещё год назад расписались, просто она очень смущалась Женю огорчить, и в конце сентября шестидесятого уезжают на заработки в геологическую экспедицию куда-то на рога к черту, в какое-то селение «посёлок Геологов имени Кагановича», с дополнительным казахским названием «Кызыл козы» в Кустанайской области.

Едут они с геологами и с сосунком-сыном Алёшей на три года минимум – разведывать залежи бокситовой руды, чтобы у страны СССР было много алюминия. Она просила Женю не расстраиваться и уверенно убеждала, что он тут быстро найдёт себе невесту получше самой Лариски. Потому, что столица просто через край наполнена красивыми, добрыми и умными одинокими девушками, которым как раз таких мужественных и порядочных женихов как Макаркин не хватает катастрофически.

Женька попал служить в Военно-Воздушные Силы. В гар-

низон под Оренбургом «Домбаровский» на военный аэродром всего в трёх километрах от села Домбаровского. На аэродроме базировался 412-й истребительный авиаполк с истребителями Су-9 и МиГ-21. Солдат на три года набирали в полк помощниками к штатным технарям-офицерам и опытным старшинам-сверхсрочникам. Женька за службу выучил эти машины наизусть и очень здорово помогал механикам и техникам-мотористам. Получил кучу почётных грамот, знак «Отличник ВВС», знак «Отличник Советской Армии» и все три больших синих знака классности. От низшего третьего класса до знака «М» – а это «мастер» значит. То есть в чести был старший сержант Макаркин и его уговаривали остаться на сверхсрочную. Но Женя хотел выучиться на пилота гражданской авиации и жить дома. В Алма-Ате.

Ларискина метаморфоза из любящей и ждущей невесты в жену его друга Серёги подкосила Макаркина, естественно. Он изучил письмо трижды, бросил его сверху в чемоданчик на все предыдущие. Рвать почему-то не стал. Не смог. И через пару дней, не выходя из состояния человека, стукнутого молотком по голове, в пятницу после ужина свалил в «самход». Перелез через высокий бетонный забор, предварительно переодевшись у каптёра в «гражданку» – твидовые брюки, поплиновую черную рубашу, серый в крапинку пиджак и остроносые туфли. Перелез и побежал в деревню Домбаровку, где имелся ресторан-кафе «Урожайное поле», который работал до полуночи. Там он надрался водки до состояния

«больше не лезет» и на «автопилоте» к полуночи вернулся к забору части, на который залезть за пятнадцать минут смогла, но спуститься вниз аккуратно не вышло.

Он зацепился ногой за край верхний, его перевернуло лицом к забору, и он голову уронил на грунт с высоты двух с половиной метров. Над головой в полёте у него имелось довольно крупное тело, высокое и мускулистое. Этот факт приземление сильно усугубил до худшего травматического варианта и хоть не твёрдым был грунт, а голова так размашисто впиалась в него, что шейные позвонки как-то выдержали, а мозг не сумел и сотрясся. Женька раскинулся почти на два метра в длину и чуть поменьше места заняли его разбросанные по сторонам недвижимые руки.

В таком странном виде его и нашли солдатики из «учеб-ки», только что призванные, которые мётлами доводили пространство за казармами до стерильного. Примерно такого, какое бывает во дворе, в кабинетах и палатах военного госпиталя на окраине Оренбурга, который драили до блестящего состояния со дня основания в 1744 году. Главная клиника Южно-Уральского военного округа приняла Женю Макаркина с радостью.

Радость была написана яркими красками на лицах медсестёр, врачей и даже у главного врача, который исправно обходил все палаты раз в неделю. Провалился Женька в учреждении полтора месяца, зато не без пользы. Наладили ему сломанные правую ногу и левую руку, и каким-то хитроум-

ным способам вернули мозг в состояние, которое Евгений имел до полёта с забора. А самому ему казалось, что мозг стал работать лучше. Но он об этом молчал, поскольку хвастаться не любил вообще. С детства. И хвастунов активно не любил. Обрывал их на самом интересном хвастливом месте очень грубым словом или даже благодарил, пожимая руку так крепко, что хвастун на некоторое время дар возвышающей себя речи терял, а вместе с даром упускал и основную нить мысли о себе, выдающимся.

В запас Макаркина уволили на два месяца позже и до вокзала его провожали друзья по службе. Женька шел на костылях и нести даже два небольших чемоданчика было ему неудобно. В декабре шестидесятого поступить в Ульяновскую Школу Высшей Лётной Подготовки возможности уже не было, а потому отец помог ему устроиться ремонтником на алма-тинский завод тяжелого машиностроения, где сам отпахал двадцать три года и оттуда собирался уходить на пенсию. Завод с 1942 года посылал на фронт снаряды, бомбы и мины, а когда мир наступил – здесь стали делать прокатное оборудование, волочильные станы, и к тому дню, когда Женька начал тут трудиться, в списке заводских изделий было почти двести разных вещей, от станков до тяжелых машин, которые закупали США, Великобритания, Франция, Япония и так далее. Тридцать две страны. Хороший был завод. И Макаркина там зауважали. Умел работать красиво, быстро и точно. Но он ждал следующего года, экзаменов на

звание пилота в Ульяновской «ШВЛП».

Время ползло. То ли после войны сил ещё не набрало, то ли Женьке хотелось его разогнать до скорости истребителя МиГ-21, чтобы быстрее наступило очередное лето и можно было сдать документы в лётную школу. А тут ещё Лариска, до сих пор любимая, появилась во дворе дома, где жил Женя, раньше с родителями проживал друг его Серёга, укравший у него Лариску. Ну, как укравший? Уболтавший. Молодец, значит. Попробовал другу от души нагадить. И у него получилось. Но жизнь совместная, семейная не заладилась. Разбежались они. Лариска с сыном к маме с папой приехала и пока не работала. Сын болел постоянно. Пришла она вечером к Женьке тридцать первого декабря. Сели они под ёлкой, которую мама с рынка принесла и украсила. Сели и молчали. Он глядел ей в глаза и видел в них страх, горе и тоску.

– Ты меня уже не любишь? – спросила шепотом Лариска.

– Люблю, – не соврал Макаркин Женя.

– Ну, может, тогда...

– Нет, – он отвернулся. – Лучше я тебя буду любить. А начнём снова – буду ненавидеть.

Лариса поздравила его и маму с наступающим, опустила голову и ушла. Больше они никогда не встречались.

Отец за новогодним столом поднял рюмку водки и сказал тост.

– За нашу семью крепкую, за наше счастье, за любимую

нашу маму, для меня жену, лучшую на этом свете. И за тебя, парень. Удался ты. Мы рады. Большого тебе и светлого пути.

В марте отец умер. Он никому не говорил, что у него рак какой-то кишки. Только матери доложил, что врачи ему дали пожить ещё пару месяцев. Но они ошиблись. Месяц – и батю отвезли на кладбище. На улицу Ташкентскую. Женька ему сам памятник сделал. Купил гранит на заводе за городом, где его пилили и выкладывали на стены важных зданий, которых в столице было множество. Он обтесал кусок гранита на заводе во дворе. Выбил долотом всё, что положено было написать, сделал бордюры, сварил оградку. Первый зам. директора дал бесплатно трубы и уголок на оградку. Поставил с ребятами из своего ремонтного цеха всё это на могилу и стал жить дальше с очень большим осадком в сердце и душе. Любил отца.

Тут как-то незаметно и август пришел. Поехал Евгений в Ульяновск, костыли не взял, хотя без них не ходилось ему по-человечески. Бедро прооперировали в Алма-Ате, поставили вместо переломанной кости целую. Взяли с умершего таксиста. Родственники разрешили. Она вроде такая же была размером, но прижилась с трудом и Женька без костыля ногу волочил да слегка прихрамывал. Оказалась – нога после операции почти на сантиметр короче. Но жить можно было. Он делал всё, что хотел, только бегать не получалось. Да, собственно, повода-то и не было бегать. Но на первой же медкомиссии его «зарезали».

– Биография у вас хорошая, – по-доброму сказал ему председатель. – Но есть недостатки. Рост у вас метр девяносто два. Уже негоден. Самые высокие лётчики – сто семьдесят четыре сантиметра. И, главное, два перелома... А ещё было сотрясение мозга. А как следствие этого сотрясения вполне вероятно возможность повышения кровяного давления на полётной высоте. Ну, при перегрузках даже на две ДЖИ – это инсульт или инфаркт. Соответственно и гибель. Не только ваша. Люди разобьются. Самолёт тоже умрёт. Человечья жизнь бесценна, но и машина не дешевая.

– Я не смогу жить без самолётов, – Женя поднялся, оделся. – Лучше спиться и забыться.

– Ну, совсем без самолётов мы вас не оставим. Не бросим, – улыбнулся доктор. – Три года в Школе работает факультет авиадиспетчеров. В пятьдесят девятом выпуск был первый. Тогда год учились. А сейчас два года, да десять месяцев ещё. У вас столько знаков отличия по службе в армии. Вы классный специалист. И как сказано в армейской характеристике – отличаетесь ответственностью и легко обучаетесь всему. Значит, и самолётами научитесь управлять. Движением в воздухе. Но только с земли. Без диспетчеров пилоты сейчас – котята слепые. Машины стали сложными и много их в небе. Я ваши документы передам на факультет диспетчеров управления воздушным движением. Не возражаете? Экзамены начинаются послезавтра в тридцать пятой аудитории. Медкомиссию на диспетчера вы только что прошли.

Справка об этом будет на факультете. Счастливо!

Женька вышел из Школы и как во сне двинулся по незнакомому городу неизвестно куда. По дороге он съел десяток стаканчиков разного вкусного мороженого, выпил автоматически полведра газировки и в общезитии его стало тошнить. Заболела голова, щипало сердце и наворачивались слёзы. Потом он взял себя в руки, дал кулаком по шее себе и вслух сказал.

– Если есть выход к хорошему, иди. Или потеряешь на хрен, забудешь, где он был, этот выход, и уже до смерти не найдешь.

...Через два года и десять месяцев двадцатипятилетний Евгений Антонович Макаркин обмывал с друзьями по факультету и свой диплом, и дипломы ребят. Внутри красных «корочек» с тиснённым знаком гражданской авиации и словом «Диплом» было красиво написано тушью:

«Макаркин Евгений Антонович. «Диспетчер управления воздушным движением». И туда же поместили вкладыш. Листочек с оценками за семь выпускных экзаменов.

Не было среди написанного только слова «УРА!» Но вся команда из семидесяти трёх выпускников прокричала его как на параде, так слаженно и громко, что со всех ближайших деревьев сорвались и испарились в небольшом тумане испуганные воробьи и скворцы. Жизнь продолжалась. Нет. Жизнь началась!

Направили Макаркина в родной город. Он неделю отдох-

нул, на рыбалку с друзьями смотался. Далеко. На реку Или. Отдохнул здорово и рыбы привёз столько, что мама себе оставила килограммов восемь щуки, маринки и сазана, а остальное разнесла по соседям. Больше в морозилку втиснуть не смогла.

Вот через неделю и пошел Женя к заместителю начальника Управления ГА по кадрам Жумабаеву Арманжану Тулеповичу. Тот все до единой бумажки прочёл вдумчиво, все характеристики и грамоты почётные, приложения к значкам отличника службы изучил, а уже в конце раскрыл диплом.

– Там в Ульяновской Школе есть родственники у тебя? – улыбнулся Арманжан.

– У меня мама, – один родственник. Живём мы на улице Дзержинского. Больше нет вообще никого. Отец недавно умер.

– Я к тому, – продолжал улыбаться Жумабаев. – Что у тебя одни пятёрки по всем экзаменам. Чтобы такой диплом получить в Алма-Ате – ты бы должен быть либо гением, либо, понимаешь, проректором или деканом должен был работать твой родной дядя или старший брат.

После этой странной короткой речи он засмеялся во весь голос и нужные документы заложил в папку с названием «личное дело». Под названием написал ручкой «Евгения Антоновича Макаркина». Женю он поздравил, долго тряс руку и желал успехов в ответственной работе.

– Иди теперь на «колокольню». Мы так зовём диспетчер-

скую. Она у нас вся стеклянная по кругу, потолок стеклянный, это для визуального наблюдения, когда погода ясная. А над куполом три антенны торчат. Одна вообще на крест похожа. Таких по стране штук пять всего. Сидят диспетчеры на третьем этаже. И этаж с улицы очень напоминает круглую колокольню. Да что я тебе объясняю? Ты и сам всё знаешь, найдешь, – Арманжан Тулепович снял трубку телефона. – Максимыч, тебе прислали нового диспетчера. Наш, но закончил школу в Ульяновске. Ну, так и я говорю, что там хорошо учат. Парень приятный, а сколько у него похвальных знаков и грамот! Из армии, из Школы лётной! Короче, нам такие нужны. Идёт к тебе. Пока!

Шел Женя сквозь сентябрьское утро по укрытому кленовыми, осиновыми и дубовыми листьями тротуару. Кленовые были красными, жёлтыми, и оранжевыми. Осиновые удивляли разными оттенками. Розовыми, огненно-красными и лиловыми. Осенью осина куда красивее, ярче и заметней, чем в разгар лета. А вот дубовые листья с сентября уже становятся самыми, наверное, скромными. Мятые, жухлые, неприглядного мрачно-коричневого тона. И только все они вместе, перемешанные ногами прохожих и лёгким ветерком, напоминали огромное цветастое мозаичное панно, выложенное лучшим на свете художником – природой.

Макаркин Евгений подбрасывал их костылями почти до пояса себе и вроде бы слушал свою взволнованную душу. Но она сжалась и умолкла. Никак не хвалила хозяина, не

успокаивала и не пугала встречей с неизвестной работой и людьми незнакомыми. И ведь не зря сжималась душа и учащался пульс. Школа – это школа. Там водили цели воображаемые и всего три настоящих маленьких школьных самолётика «Як-12», один из которых подарила «скорая помощь». На нём даже красный крест не покрасили. Два других не отлетали свой ресурс и наполовину. Возили они крупных областных чиновников по области. Они были поновей. Их начальникам большим чаще меняли. Как и автомобили. Боялись за их ценную жизнь, посвящённую управлению народом.

Эти школьные «Як-12» больше никуда не летали. Только по кругу. Огибали со всех сторон Ульяновск и садились на школьную грунтовую полосу. Вели их по радару собственному, а управляли с земли по радиосвязи и через маленькие экраны от радиолокатора. Но Алма-Ата, говорили ему ещё в лётной Школе, отличалась от многих городов именно количеством взлётов и посадок в порту за час, скажем. Наверное, с Московским Домодедово и Шереметьево можно сравнить. Или с Пулково в Ленинграде.

Огромное количество транзитных посадок и подъёмов своих и много международных аэропланов. Просто стоять да наблюдать со стороны – и то рот откроется от удивления. Самолёты взлетают и садятся всегда с разных сторон полос, поэтому создаётся ощущение, что поток взлётов и посадок вообще не прерывается ни на минуту. Это, конечно, немного не так. Но только немного. Работа в Алма-Ате у авиадиспет-

черов – это сплошное напряжение нервов всю смену. Практически без продыха. Об этом Жене рассказал перед выпускным вечером один из преподавателей. Он был лётчиком в Москве и куда только не летал. Да и диспетчером работал в Москве. В Домодедово. Ездил по обмену опытом в Алма-Ату. Поэтому знал что говорит не по чужим рассказам. Сам видел.

Познакомился Макаркин с начальником смены, руководителем полётов Александром Максимовичем Лопатиным. Добрый был дядька, но в нужных требованиях жесткий. Почти тиран. Это Женя понял минут за двадцать, пока сидел у двери и никто к нему не подошел. Сам Лопатин только глянул на новичка быстрым взглядом, кивнул на стул и устался на экран, продолжая беспрерывно говорить в микрофон на наушниках, переключая перед собой тумблеры примерно с такой же скоростью, с какой старый бухгалтер – кассир считает купюры. Так он контактил минимально с десятком пилотов. Примерно через сорок минут число объектов в небе ненадолго уменьшилось, тогда только Лопатин взял пустой стул рядом со своим вертящимся креслом и с ним пришел к Женьке. Сел напротив. Познакомились.

– В моей смене и будешь работать, коли уж ко мне попал сразу. Но не с завтрашнего дня. Стаж твой начнём отсчитывать через две недели. А пока приходи сюда каждый день, всем говори, что со мной работать будешь, а я сказал тебе – сидеть и просто наблюдать за работой диспетчеров и руково-

дителя полётами. Ну, это пассивная практика. Сразу тебя никто к экрану не посадит и гарнитуры на уши не повесит. Побьёшь самолёты. А вот приглядишься, суть улови, алма-атинскую специфику пойми и тогда я сам начну тебя натаскивать. Через две недели. Узнаешь, когда моя смена и сразу заступай на вахту. Всё. Запомни. Весь день сидеть не надо. Одну смену пробыл и с этими ребятами порт покинул. За это время со всеми сменами поработаешь. Приходи завтра и каждый день к десяти утра, уходи в семь вечера. Понял?

От такого напора, от льющегося непрерывно текста Женька малость одурел, но, странно, абсолютно всё понял и запомнил.

– Я пошел? – спросил он и подал руку.

– Двигай, – Лопатин потрепал его по волнистому волосу и руку крепко пожал.

На улице Макаркин Женя побродил вокруг здания, обошел радары, высотомеры, удивился, что вдоль полос днём горят по краям лампочки, полюбовался взлётами и посадками больших самолётов и маленьких. Наконец и душа его отмякла и нежно пощекотала изнутри суть будущего значимого человека – диспетчера воздушного движения Евгения Антоновича Макаркина.

На следующий день вечером с окончанием смены, после которой гудела голова, хоть он и не трудился, решил Женька пойти в центральный парк культуры имени Горького. Погулял не по дорожкам асфальтовым, а меж деревьев. Меж

сосен, тех же клёнов, акаций и редких берёз. Костылём он рисовал на усыпанной листьями земле самолёты. Разные. А один изобразил практически в натуральную величину. Правда скромный по размерам аппарат – «Ан-2». Зато с двумя рядами крыльев и приёмной антенной, ниткой тянущейся от кабины к килю.

Потом сел на скамейку под включенным фонарём на дорожке и ни о чём не думал. Дышал хвоей, наслаждался запахом увядающих трав и недавно слетевших с веток листьев. Минут через десять на край скамейки села девушка почти его возраста. Ну, может, и далеко до двадцати пяти было ей. Фонарь на дорожке тусклый. Не разберёшь толком. В руках она несла тяжёлую сумку и села перевести дух. Потом Женя вдруг почувствовал, что она на него смотрит пристально. Причём удивлённым взглядом. Повернул голову. Точно. Девчонка разглядывала его так, будто он как минимум популярный артист кино. Нет, будто он космонавт Титов. Или Николаев.

– Ты Женя? – спросила девушка и на лице её появился лёгкий испуг. Будто она боялась, что он скажет «нет».

– Женя, – он удивился. Тоже мне – известность. – А ты кто?

– Я сестра Володи Тимченко. Младшая. Вы же знали Володю?

– Я и сейчас его знаю. Мы старые друзья со школы, – Маркин улыбнулся. – Привет ему передай. Как зовут тебя?

– Лена, – девушка подошла и остановилась напротив. – Не передам я привет. Володя погиб. Разбился два года назад на мотоцикле. Папа ему подарил. Вова на рыбалку ездил, обгонял на шоссе «москвич». Тому, наверное, не понравилось. Он вильнул влево, сбил мотоцикл и уехал. Володя там и умер.

– Кто сказал, что «москвич»? – поднялся Макаркин

– Так следствие было, – Лена опустила голову. – Определили, что такой краской, какая осталась на колесе мотоцикла, завод МЗМА «москвичи» только красит. Но не нашли виновника. Он, наверное, из другого города был. Может, из далёкого. Разослали ориентировку. Но пока ничего. Хотя дело открыто.

– Вот же сволочь, – Женя ударил костылями по асфальту.

– Ты бы пришел к нам, а? – Лена смутилась. – Мама будет рада. Да ты с ней поговоришь по душам. Друзей у него мало было. Все разъехались. А ты, наверное, учился где-то? И вернулся? Здесь будешь жить?

– Да. В Алма-Ате. Родина. Никуда больше не хочу.

– А я в младших классах детей учу после педучилища. Ну, придешь?

– Завтра после семи. В половине восьмого точно, – Макаркин Женя пошел и взял её сумку. – Тяжелая. Зачем таскаешь такой вес?

– Это еда на неделю. Мама почти не ходит. А я три раза в неделю после работы учусь на курсах кройки и шитья. Нам

платят мало в школе. Мама не работает. Вовы нет. Отец пьёт подолгу после смерти Вовкиной. Я очень хочу потом устроиться в ателье и начать зарабатывать. Не тяну сейчас одна всю семью.

Женя с девушкой прошел через парк в частный сектор, где жил его друг школьный, поставил перед воротами сумку.

– Ну, пока. До завтра, – из окон падал яркий свет и Женька разглядел сестру Володи, которая до его призыва в армию была маленькой и незаметной. Сейчас она стала красавицей с добрыми глазами и тёплой улыбкой.

– Я буду ждать, – сказала Лена и подняла руку. – Мы, то есть, мы с мамой будем ждать.

Макаркин шел обратно через парк на площадь перед входом, где собирались все троллейбусы. И на ходу вспомнил он, что часто видел во снах это лицо. Девочки из далёкого прошлого.

– Или мистика. Или дурь. Женщин, ясное дело, давно не трогал руками. То армия, то мужицкая Школа лётная. – Макаркин усмехнулся и прыгнул в пятый троллейбус.

Он ещё не успел догадаться, что судьба, которая подарила ему работу, связанную с любимой авиацией, уже подготовила самый, пожалуй, дорогой подарок на всю жизнь – Лену Тимченко.

Его добрую и верную, волшебную фею.

Глава двенадцатая

Байрам Шарипов вроде бы и не сильно приложился к шее студента, когда они с Мишей – командиром корабля, разнимали драчунов. Но большой палец всё же задел скулу и начал болеть в суставе когда Шарипов сел на командирское кресло и пристегивал себя ремнём.

– Валентину позови, – сказал, не поворачиваясь, Байрам второму пилоту, стоявшему сзади возле двери. – Скажи, чтоб мазь принесла камфорную. В аптечке она точно должна быть. И бинт.

– Я слышу, – крикнула стюардесса из салона. Дверь открыта была. – Минутку!

Она покрыла часть бинта мазью как хлеб маслом для бутерброда и палец Шарипову аккуратно перевязала с захлестом на верх кисти. Там и бантик скрутила. Белый и пушистый. Камфора – довольно едкое масло. Резкое. Превращённое в мазь, оно никак не изменилось по запаху. В кабине, когда бинт пропитался, все стали чихать и кашлять. Зато Байраму минут через двадцать полегчало. Прогрела камфора сустав. Шарипов пошевелил пальцем и улыбнулся. Не болело больше. Почти.

В отсеке штурмана и бортмеханика сидели и стюардессы, хотя их «комнатка» была между двумя занавесками. После штурманской и перед салоном. Поэтому они тоже чихали ин-

тенсивно и заразительно. Настолько, что к этому скромному хору прибавились голоса пассажиров из трех- четырех ближних рядов. Летели уже ровненько два часа. Оставалось пятьдесят пять минут и Миша Шувалов стал чаще разговаривать с руководителем полётов Лопатиным.

– Идите лучше сразу на Караганду, – не приказывал пока, а рекомендовал Сан Максимыч. – У нас тут не рассосётся туман, да ещё ветер к пятнадцати метрам на секунду подкинулся. И вряд ли уgomонится. Крути рога на Караганду.

Шарипов в своих наушниках это слышал и мотнул головой влево-вправо. Что означало «нет».

– Тебя, Боря, жаргон наш не коробит? В кабинете не забыл как летуны говорят? – Улыбнулся Миша. – «пятнадцать метров на секунду» вместо «в секунду», «рога», а не штурвал, «сидеть на "соске"» вместо «пользоваться подсказками диспетчера»?

– Да почти забыл. – Ухмыльнулся Байрам. – У нас свой сленг. Кабинетный.

– Ну, а ты как вообще будешь от начальника Управления отбрёхиваться? – Серьёзно спросил Шувалов. – Запрет на вылет от руководителя полётами похерил. Второго пилота с работы выгнал. Меня без приказа главы Управы понизил до помощника командира. И командиром тебя только один человек может назначить – сам Рамазан Оспанович. Как ответку будешь держать, Байрам?

– Я официально заявляю и напишу рапорт Главному, что

весь полёт от подъёма до посадки я взял под свою ответственность. Отвечу, как будет положено. Хорошо сядем – отвечу приветливо. Плохо приземлимся – готов понести любое наказание, – Шарипов покраснел. Волновался. – Слышишь, Лопатин?

– Ну, меня тоже не расцелуют теперь. Хорошо или плохо сядете, – громко и раздраженно крикнул Лопатин. – Уже за то, что ты, Боря, согнал здорового и работоспособного второго пилота, а командира посадил вторым – «воткнул» сначала мне по полной программе! И то, что ты сам себя нагло назначил командиром корабля – моя провинность по регламенту полётов. Такого я не должен был допустить. Меня и сожрут. А тебя тронут, так ты выкрутишься. У тебя дядя – зам. Главного. Сволочь ты, Шарипов, мать твою. Делай со мной когда прилетишь, что хочешь. Уволь, расстреляй. Но ты всё равно сволочь. Меня поставил между молотом и наковальней. За что? Но имей в виду. Я тебя не боюсь. И дядю твоего. Ты меня оскорбил. Уволите – я тебя отловлю и набью тебе рожу. Понял меня?

– Если дотянешься, – засмеялся Шарипов. – Всё. Конец связи. Включимся на подлёте за полста километров до снижения.

Стюардессы сделали чай и раздали экипажу. Пассажиров покормили раньше.

– Хорошо, что вообще взлетели, – Наташа от смеха поперхнулась чаем и закашлялась.

– А, кстати! – радист осторожно похлопал Наталью ладонью по спине. – Галочка Сёмина, ты расскажи всю эту историю со штурмом пассажирами других рейсов нашего аэроплана. Володя Горюнов мельком сказал, что милиция поднималась на борт. Мы-то со штурманом и механиком позже пришли. Когда уже лишних разогнали.

Сёмина Галина, старшая бортпроводница, поморщилась от воспоминаний и пересказала всю грустную историю с эмоциями от начала до конца.

– Короче, дикторша на весь, естественно, зал, доложила, что взлёт дали только рейсу триста седьмому. Нам, значит. Наши все, и я с ними, прыгнули в автобус. Шофер одну дверь закрыть успел, а переднюю с улицы какие-то мужики держали. И в неё стали лезть не пойми кто! Не наши, короче!

Отложили-то ещё три рейса неизвестно на сколько. Один с шести вечера из Кустаная, второй с семи тридцати – Иркутский. И ещё перед нами должен был по расписанию подняться маршрут из Барнаула. Их вообще два всего. Один через Усть-Каменогорск идёт. Другой – транзит Семипалатинский.

Ну, тех, кто успел втиснуться в автобус, выгнать я не смогла. Подумала, что просто на трап их не пустим. Билеты-то у них другие. Смотрю – от вокзала ещё толпа летит! Я шофёру заорала:

– Ходу, дядь Коль! Мужики, дверь не держите. В автобус

уже и кошку не втолкнёшь!

Дядя Коля резко с места рванул и мы через пять минут уже возле трапа были. Все вывалились и бегом в салон. Наташку с Валентиной и Веркой чуть на землю не скинули. Но толпа их к себе всё же приклеила и все всосались в салон. Наши стали на свои места пробиваться. Но получилось не у всех. Кто-то из чужих шустрее был и место занял. Сперва между законными нашими пассажирами и чужими нахалами на словах война началась, а потом уже некоторые и руки стали распускать.

Причём правые и неправые одинаково. Мордобой начался как в парке на танцплощадке или в ресторане. Так почему? А потому, что после встречи Нового года практически все были под мухой. Ну, два дня ещё не прошло. У нас так не празднуют, чтобы потом дня три не опохмеляться. Короче, пошла натуральная пьяная драка. Все что-то кричали и я, дура, орала пока голос не сорвала.

– Предъявим билеты, граждане пассажиры! Всё равно не взлетим, пока билеты не проверим!

Так чего было верещать? Не было слышно меня никому, кроме меня самой. Мужики горланят – кто басом, кто бари-тоном, женщины визжат и воют пронзительно! Кошмар! А тут вторая порция бедалаг с отложенных рейсов сзади напирать стала. Добежали остальные бегом. И с ходу давай толкать тех, кто в проходе застрял. Несколько человек мимо меня к выходу стали ломиться. Матерятся, всех расталкивают

и попутно с разбитых носов и губ стирают рукавами кровь. Короче, забили весь салон, несколько женщин вот тут прижались друг к другу, где мы сейчас сидим. Как у них кости не сломались? А должны были.

Но человек двадцать, которые поумнее, поняли, что в переполненном виде самолёт всё равно не полетит никуда, спустились по трапу и грустно пошли к вокзалу. Тут из кабины Миша выбрался, командир. Он с верхней ступеньки кабины оглядел салон, сказал что-то очень громко и отчётливо про ихнюю мать, про мать ихней матери и про мать матери ихней матери. После этого он боком добрался, рассекая толпу, в центр салона и поднял вверх обе руки.

– Товарищи! – стал кричать он в динамик, который приватил из кабины. – Самолёт поднимает двадцать девять тонн, считая пассажиров. Мест у нас сто два. Стоять в полёте на проходе нельзя. Центровку нарушать тоже – ни в каком случае. А вы все в хвост убежали. Кувыркнёмся в воздухе сразу, если вообще взлетим при нарушении центровки. А у нас багажа и груза шестнадцать тонн плюс вас тут набилось человек триста. В среднем один человек весит семьдесят пять килограммов. Но есть крупнее. Мельче тоже, допустим, половина. Ну, теперь посчитайте, кто сумеет точно. Сколько сейчас в салоне тонн в виде людей и груза?

– Больше сорока пяти тонн! – закричал на весь салон штурман наш. У него голосище – никакого динамика не надо. – Не взлетит самолёт.

Те, кто бегом прибежал после автобуса, начали, тихо ругаясь, пробираться к трапу и спускались. Но народа в салоне осталось куда больше двухсот человек. Миша наш постоял ещё, снова повторил в динамик всё, что уже все один раз послушали, обозвал всех недоумками и пошел в кабину. Я подслушала. Рядом же с кабиной стояла. Шувалов вызвал порации наряд милиции. А в салоне всё дрались! Наши пассажиры свои места отвоёвывали, пришельцы не сдавались. Тут, ещё до приезда милицейского наряда, Верка наша попросила штурмана поднять её повыше, чтобы её увидели и слышали. Она же маленькая ростом. Штурман, помнишь? Ты её подмышки подхватил и на вытянутые руки поднял. И вот Верка главное этой толпе сообщила.

– Багаж ваш, ребята и девчата, в тех самолётах, на каких вы лететь должны по билетам. И что, ребятки? Чёрт с ним, с багажом? Как вы его потом заберёте? Будете сидеть в алма-атинском порту! Вы же не знаете, когда ваши самолёты прилетят. Будете ждать. Куда вы без багажа своего? А тем, кто думает, что завтра к вечеру приедет и заберёт чемодан или ещё что – так он зря надеется. Пропадут чемоданы. Кто их охранять будет? Кому это надо?

Народ задумался. Стало тише. И в тишине той как резанула по ушам сирена милицейская! Все вздрогнули. Аж самолёт тряхнуло. Подлетели к трапу две машины с красными полосками. Выбежали из них шесть человек. На ремне у каждого – пистолет в кобуре. Заскочили в салон и вклини-

лись в толпу на проходе.

– Если я в протокол напишу, что был захват самолёта, то имейте в виду – в кассе на копиях билетов есть все фамилии, – капитан, судя по звёздочкам на погонах, главный был в группе. – А это суд и каждому какой-нибудь срок. Если напишу – хулиганство со стороны лиц, не летящих этим рейсом, то им по пятнадцать суток железно! Я, конечно про захват не стану писать, но вам и пятнашку с мётлами помотаться по городу среди знакомых – не лучший вариант.

– Так что, билеты каждому из нашего взвода быстро показали все! И кто с других рейсов – не накликивайте на себя беду, идите на вокзал и ждите. – Капитан говорил и шел обратно. Сержанты остались на местах и проверяли билеты. – Сейчас вы нарушаете закон. Препятствуете вылету с помощью хулиганских действий. Мы вас всех имеем право задержать до приезда спецгруппы из города. Тогда неизвестно – улетите вы вообще сегодня или поедете в город писать объяснительные. А милиция имеет по закону право задержать вас на двадцать четыре часа до выяснения обстоятельств.

– А почему им разрешили, а нашим лётчикам нет? – крикнула тётка из прохода. Её не видно было. Не выдалась тётка ростом.

– Мы к лётным делам не имеем отношения, – сказал капитан. – Наше дело – пресекать противоправные действия. Вот их вы как раз и совершаете. Так что, звать спецгруппу из города или пойдёте на вокзал?

Только после этих слов пассажиры с других рейсов стали медленно, но без слов выходить на трап, а с него на бетонку.

– Пострадавшие в давке есть? – крикнул один из сержантов. – Подойдите ко мне. Оформим протокол.

– Мне, – показала Галя стюардессам и бортмеханику, приподняв юбку чуть выше колена, – мне вот синяк посадил кто-то. Ногами махал. Но кто – не помню. А так... Ну, Валюхе ещё кто-то в ребро локтем въехал, Верке тоже локтем в ухо «засветили», Мише Шувалову, пока он народ уговаривал, обе ноги оттоптали. Не видели, что прихрамывает он?

– Так что – повоевали мы без потерь. Но ранены почти все, – закончила рассказ Галина и засмеялась.

Машина летела ровно, легко. В иллюминаторах на уровне глаз было беспросветно темно, а если взгляд поднять – глазам становилось больно от искрящихся переливами звёзд, которых видно было ничтожную малость, но которой хватало, чтобы небо казалось ближе. И звёзды висели близко-близко над салоном самолёта. Все почти спали. Угомонились студенты и лыжники, дремали учителя, врачи, улетавшие со свадьбы. Громко храпел молодой доктор наук Николай Журавлёв, главный инженер фабрики Кызыл-Ту, который каждый раз встречал Новый год в Москве, на родине, с друзьями детства, улетевший по пьянке в чужих ботинках, которые были на три размера больше. Хорошо, уютно было в салоне. Из динамиков плыла мягкая лирическая музыка и

пахло крепким чаем из-за шторы, за которой были скрыты красивые стюардессы.

Минут за сорок до снижения Шарипов тронул Мишу за рукав.

– Слушай, давай в последний раз.

– Что? – Шувалов оглянулся. – В какой последний раз? И что?

– Мне неудобно уже. Я с ним гавкнулся крупно, с Лопатиным, – Байрам вздохнул. Глаза свои, переполненные злостью он сжал до узких щелочек. – Свяжись с Максимычем. Пусть мне домой позвонит на городской. Может, возьмёт уже трубку, если пришла эта профура. Или забыла, что я через час дома буду и шарахается ещё по шалавским делишкам своим...

– Боря, да она спит скорее всего. Вы же с ней выпили до фига. Сам говорил. Просто тяжелее выходит с бодуна, чем ты, – Шувалов включил прямую радиосвязь с Лопатиным. – Это Шувалов, Максимыч. Просьба. Позвони домой Байраму. Ответят или нет?

– Повиси минуту на этой частоте. Сейчас, – слышно было как Лопатин щёлкает по кнопкам телефона. – Трубку сняли. Женщина. Приятный голос. Новая жена Байрама?

– Дома она. Ответила. Всё нормально, – сказал Миша Шарипову, поднял вверх большой палец и продолжил разговор с Лопатиным. – А чего вы все молчите? Общая частота диспетчерская свободна. Работает. Зелёный огонёк на лампоч-

ке. – Команду на снижение когда ждать?

– Будете резко снижаться – это запрещаю сразу. Женьке уже запретил, – торопливо заговорил руководитель полетов. – Штормовая обстановка примерно на двести километров к северу, до вас уже растянулась. Рано начнёте снижение – влезете в болтанку. Ямы там секунд по десять провала. А скорость у тебя сейчас всего шестьсот. Ключнешь носом или свалишься на крыло. В штопор вряд ли, но турбулентности наешься по самое «не надо». Короче, готовься.

– Минут десять и Женя тебя подхватит. Макаркин. Новенький диспетчер наш. Я его контролирую. Но ведёт тебя он. Эшелон десять возьми и не ниже. Женя даст команду на смену коридора, эшелона и даст координаты выхода на полосу. Ты, главное, на неё точно попади. И на глиссаду, и на дальний горизонтальный курсовой маяк Женя наведёт. Чтобы и по высоте и по курсу садились правильно.

– Так Байрам теперь командир, – сказал Миша. – С ним Женя пусть контактит. Шарипов сажать машину будет. Что там на земле?

– Хуже не бывает. Про посадку на приборах я зря ляпнул. Потому, что вручную будете сажать. Скорее всего. Приборы сдохнут при такой гадской погоде. Не «увидят» и не «услышат» правильно. Помехи будут и вы промахнётесь, – Лопатин вздохнул. – А по наводке и корректировке диспетчера сядете. На "соске" у него сидеть – надёжнее будет. По приборам автоматической посадки в этих условиях не может быть

Женя подведет к полосе на тридцать метров высоты. И даст на кабину зелёный луч прожектора. Значит, идёте правильно. Опускайтесь. Садитесь. Жене-то полосу глазами видно. Внизу около земли нормальная видимость. Но спускаться по стрелкам да индикаторам – опасно. Уже никак не поднимешься с двадцати метров, если прибор из-за бури «промазал». А Женя вас увидит на тридцати метрах вертикали и удалении двести пятьдесят метров. И, если норма – посветит зелёным. Гляди на вышку диспетчерскую.

Если красный мигающий прожектор видишь – срочно поднимаетесь и набираете высоту для нового захода. Понял меня? Опуститесь ниже, и окажется, что на полосу не попадаете, не видите её – надо срочно рвать рули на себя. Да газу до отказа на все четыре движка. И очень срочно уходить на второй круг. И так – пока Женя не скажет, что можно садиться, это когда он уточнит скорость вертикального и горизонтального сближения с полосой.

– Шарипов не вытасит машину.– Миша закричал – Он забыл что это значит – рвать рули. Что, курсы ему читать по пути на кладбище?

–Ну, тут вам вдвоём придётся работать. Один Шарипов не потянет. – Согласился Лопатин.– Если всё глухо будет и вы даже вдвоем не удержите машину на маяках и не будете видеть полосу глазами, сам резко штурвал на себя и нос задирай на тридцать градусов. И ему кричи чтоб то же самое делал. Движки не зальёт. Выберешься. А не хватит горюч-

ки – пойдёшь на военный аэродром в Бурундае. Там полоса шире и прожектора землю высвечивают лучше, чем у нас. Но это крайний случай. С военными трудно договориться, чтобы вас взяли. У них там полковник Григорьев главный – придурок с апломбом. Он царь и бог. Его умолять надо. А я это плохо делаю. С другими он вообще не будет говорить. Так что – лучше поднатужиться и сесть дома. Понял?

– Понял, – Шувалов взялся бы за голову, но неловко было. – Максимыч, Шарипова нельзя заранее пугать. Спечётся раньше времени и хана всем.

– Ну, тогда Женю жди. Минут десять осталось. И подправляй незаметно Байрама, если косячить начнёт. Полностью посадку ему не отдавай. До связи с Женей. Ждите. Он на основном канале. Оба будете слышать. Всё. Конец связи, – Лопатин отключился. До снижения осталось десять минут.

Миша глянул на Байрама. Красное лицо. Давление подпрыгнуло, похоже. В штурвал вцепился как утопающий в соломинку. По приборам стал раньше времени глазами бегать беспорядочно и почти неосмысленно. Ну, Шувалов как-то незаметно завел с ним разговор весёлым голосом. О том, как и когда лучше садиться по приборам, а когда вручную и как. Повторил, в общем, всё, что сказал Лопатин, но в очень популярной форме. Тракторист бы допёр.

Лоб Байрама покрылся испариной. А по глазам было видно: всё, что говорил ему только что Шувалов, он знал, но давно забыл. Миша нашел хитрый повод, чтобы ещё раз по-

вторить то же самое. И успел закончить ровно за пару секунд до того как в наушниках прорезался красивый баритон диспетчера Макаркина.

– Борт семь пять сто пять восемь, привет. Займите эшелон восемь тысяч. Угол поворота вправо на коридор шестой – семь градусов. Работаем. Как поняли?

– Понял, – сказал Шарипов и глянул на Мишу, который тут же ему подмигнул и соединил в кружок два пальца – большой с указательным. Всё путём, значит.

– Ну, поплыли... – Шувалов глянул на звёзды – Если бог есть, то домой.

Глава тринадцатая

– Вниманию встречающих. Совершил посадку рейс сто тридцать восьмой, следующий по маршруту Киев-Челябинск-Алма-Ата. Встречающих просим пройти к терминалу прибытия.

Приглушенное не очень высоким потолком эхо нехотя расплылось по уголкам зала ожидания аэропорта. Само здание, построенное в тысяча девятьсот сорок седьмом году, было длинным. Ну, метров сто пятьдесят, точно. Хотя для пассажиров и встречающих не так уж много предусмотрели места. Правда, в самом центральном, но весьма компактном квадратном помещении с высокой фигурной красивой конической башенкой над крышей и с огромной двойной стеклянной дверью. А влево и вправо от главного зала, где и билеты на полёт продавали, и пирожки с лимонадом, откуда народ взлетал к небесам и где жарко встречали прибывших, тянулись бежевые однотонные двухэтажные пристройки с небольшими окнами. За ними служили авиации крупные и мелкие начальники, рядовые спецы по всяческим техническими, правовым, инженерным и лётным заботам. Потели над важными задачами крупным коллективом разнообразные контролёры, мастера наземного обеспечения, да плюс к ним ещё особые отделы поддержки авиационной безопасности и всякий такой же различный, обслуживающий

работников порта и пассажиров, народ.

Из Киева прилетел «Ту-104», самолёт тяжелый, который проскользнул с третьего захода в маленькое «окно», появившееся в воздухе над полосой вопреки законам природы и физики. У пилотов, собственно, и выхода другого не имелось. Они сперва, ещё два часа назад, были посланы и пошли на запасной, но направили их в Кокчетав. Там, пока летели, тоже туман лёг густой и низкий. Развернули «сто тридцать восьмой» на Кустанай. Но на подлёте диспетчер местный отменил посадку. «Ту-104» никогда в Кустанае не приземлялись. Диспетчер просчитал длину посадочного пробега машины и отказал. Не хватало сорока пяти метров полосы. Даже при удвоенном реверсе никак не успел бы остановиться самолёт и мог свалиться в бугристую степь, где рисковал просто развалиться на детали.

– Ладно, – решил Лопатин вслух. В наушники командир: – Больше не буду на «запаску» сажать. Если вдруг ещё и Петропавловск не примет, то до Алма-Аты горючки уже точно не хватит. Давай к нам. Попробуем. Ты должен устоять против ветра нашего. Тяжелый аэроплан. Да и вариантов нет.

– Нет, – подтвердил командир корабля. – Уже на лампочках летим. То есть топливо заканчивается. Прямиком если на Алма-Ату пойдём, должно хватить.

Сел он на ручной посадке в итоге без аварии, но и не без истерик и дрожи пассажиров, не без нервного экстаза у пилотов, диспетчеров и руководителя полётами. «Тушка» чуть

не зацепила правым крылом сугроб за краем полосы, дала «козла», то есть подпрыгнула на бетонке и с трёх метров свалилась на хорошие амортизаторы шасси. Или на «мослы с пружинками» – как их зовут на своём слэнге авиаторы. Потом пилоты с божьей, видимо, помощью смогли оттянуть машину с края полосы на центральную линию и включили реверс.

Пассажиры автобус игнорировали и бегом побежали на аэровокзал. Их бурно встречали друзья, дети или родители, а также люди из контор, куда Киевлян послали в командировку. Правда смеха, улыбок во весь рот и даже весёлых похлопываний по спинам не было. Обнимались молча, причём многие плакали. В основном встречающие. Те, кто прилетел, отрывались от рук родных и близких, мычали что-то вроде «а щас мы тут разберёмся» и убегали через боковые двери зала в коридор, где сидел ночной дежурный начальник из отдела безопасности полётов. Сквозь мат-перемат в беседе с ним было понятно, что пассажиры всерьёз хотят немедленно порвать дежурного на мелкие фрагменты и развеять их по недопустимому для приземления ветру. Кто-то, похоже, ощутимо врезал ему по морде, после чего дежурный телом пробил себе проход в роте атакующих, сумел выскочить на площадку парковки самолётов и там, в темени ночной, затерялся. Уцелел, в общем.

– Кто разрешил посадку? – орали, стоя в центре зала, чудом не разбившиеся мужики и тётки, юноши и девчушки,

недавно созревшие. – Где он? Где сидит эта сволочь безголовая!?

Но некому было отвечать. Рейсы все отменили, поэтому даже буфетчицы убежали в аэропортовскую гостиницу вздремнуть. Из пассажиров и крайне недовольных встречающих, к счастью Лопатина, никто понятия не имел, что есть такой человек – руководитель полётов. Который в действительности больше сотни человек спас и продлил им жизнь. А по мнению прилетевших – наоборот: чуть не убил.

– Ну, мы думали, что дикторша пошутила, – возмущался на весь зал аэропорта дождавшийся сына солидный дядя в бостоновом пальто с серым каракулевым воротником и в солидной каракулевой папаше. – Я шоферу сказал: пусть движок греет, да поедem домой. Ветер – ураган. До утра чего сидеть дураком? Утром бы к прилёту приехали. По всем прогнозам – до утра бардак в погоде. А девушка по радио, только я собрался, сразу же добавила, что для нашего рейса сделано исключение и ему разрешили посадку. Я, здоровый мужик, опытный, не трус далеко поседел на полголовы, мать вашу! У меня в машине коньяк лежал. Шофёр принес и я два стакана выпил. Так переживал за всех и за сына в первую очередь. Лётчики – асы, конечно. Но риск какой! Кто разрешил им так рисковать? Без команды с земли они бы и не пырхнулись. Завтра, бляха, на трезвую башку отловлю я его, изверга кабинетного, командора безмозглого. И найду, как наказать!

– Отец, да ну их! – сын, элегантный тридцатилетний муж-

чина с портфелем из дорогой кожи, потянул его за рукав. – Поехали. Я – вот он. Целый. Тебе чего ещё? Давай, двинули. Мне есть что рассказать тебе интересного и полезного.

Пошумели так с полчаса все, кто имел отношение к этому рейсу да тоже разъехались. Дежурный так и не объявился. Не уборщицу же ругать! Остались только те, кто ждал «ИЛ-18» Всего оказалось два самолёта, которым по силам приземлиться. Но граждане встречающие вели себя очень беспокойно. Ходили кругами по залу, глядели на часы, спрашивали в единственной открытой кассе, не утихомирилась ли погода.

– Я могу только про цены на билеты сказать, – кассирше и спрятаться было некуда. – Не изменились цены. А метео-сводку до кассы не доводят. Вы вон идите во двор, где самолёты стоят, посмотрите направо. Метров пятьсот от нашего здания – «скворечник». Дом со стеклянным колпаком над вторым этажом. Это диспетчерская. Это они там разрешают или не разрешают. Из них душу и вынимайте. А я тут каким боком?

Пять самых нервных и перевозбуждённых рванули к «скворечнику». Бежать было тяжело. Сносило ветром. Мужики часто падали, вспоминали матерей всего человечества, но до цели добрались. В помятом виде и с решительным настроением выяснить, кто так нагло распорядился жизнями пассажиров триста седьмого рейса, в котором летели их родственники или начальники. Нашли, естественно, Лопатина.

– Прошу всех успокоиться, – замахал Максимыч руками. – Я главный начальник управления полётами Лопатин. У нас всё просчитано на секунды и сантиметры. До приземления ещё пятнадцать минут. Вот как раз через десять затишье будет. Ветер упадёт ниже опасного на целых двадцать минут. Значит и метель уйдёт. Видимость возле земли хорошая. Оцените сами. Дальше километра всё ясно просматривается. Идите и спокойно ждите. Мы тут все над одним самолётом трудимся. Больше нет ничего в воздухе. А нас в диспетчерской семеро. Все опытные. Самолёт надёжный. Крепкий, маневренный. Такие на Северном полюсе летают и ничего! А уж там погодка! Управимся, прошу – не волнуйтесь. Идите, ожидайте, мне работать надо.

Видно, очень проникновенно и убедительно изложил ситуацию Лопатин. Потому как ещё недавно разъярённые мужчины тихо, спокойно, молча, тяжело дыша против ветра, сбившись в тесную группу возвращались в аэропорт.

– Так, на первый взгляд, специалист он опытный, – кричал кто-то в группе. – На вид за пятьдесят. Давно, похоже, тут работает.

– Ну, если по сводке стихнет ветер бешеный, то на посадку времени хватит, – кричал другой. – Ему с заходом на полосу минут пять надо. Может, успеет проскочить.

Последний, шедший сзади группы, громко охнул и упал. Так пронзительно это «ох!» прозвучало, что даже гул ветра и змеиное шипение позёмки оказались тише. Все побежали

к нему.

– Сердце,– прошептал человек лет сорока в коротком пальто и дешевой заячьей шапке на ухо наклонившемуся к лицу пожилому дядьке с длинными седыми усами. – Нитроглицерин в пиджаке, в нагрудном кармане.

Кто-то достал нитроглицерин и сунул один шарик упавшему под язык. Тот, который носил седые усы, зачем-то растер сердечнику шею и грудь снегом до красноты.

– Я врач. Терапевт, правда. Но про сердце немного тоже знаю,– объяснил он.

Мужик после приступа, уничтоженного растиранием снегом и очень мощным лекарством, стал розоветь, снял шапку и сказал, что вроде отпустило.

– От переживаний, наверное, – подумал вслух пожилой с усами.

– От них, проклятых, – слабым голосом подтвердил болезный. – Жена летит. Были они у родственников с дочкой. На новый год в Семипалатинск к матери летала она. Прощаться летала. Тёща моя рак третьей стадии отбывает. А там четвёртая и... Не увидятся больше, – мужик всхлипнул. – А мне летать вообще нельзя. Порок сердца. Запретили врачи категорически. Я тёщу по телефону поздравил, пожелал выздороветь. Пожелал... А женщина замечательная.

Остальные взяли его, подняли на плечи и, клонясь под ураганом, донесли до здания. Позвали медсестру дежурную. Она изучила последствия приступа внимательно, серд-

це послушала, давление измерила, пульс и подняла ладошку вверх.

– Я скорую вызову. Пусть забирают. Тяжелый он. Пульс нитевидный и шумы в сердце как ветер на улице. Это у него от стресса. Самолёт ждёт?

Все кивнули.

– Не сядет самолёт, – с ужасом в дрожащем голосе произнесла медсестра. – Я не знаю, как они летают и как с ними диспетчеры работают. Но лётчики и наземные службы – не волшебники же. Ветер, говорят, пятнадцать метров в секунду. Такой и дом может развалить, окна выбить в лучшем случае. Мастерство тоже не всё может. Вон у нас сколько мастеров и великих докторов. А рак – никак. Уже сколько лет головы ломают впустую. Инфаркты, инсульты – с горем пополам лечат. Если повезёт. А с озверевшей мамой природой бороться – пустое дело. Это я про лётчиков. Сядут, значит бог есть.

И она ушла к себе в кабинет вызывать «неотложку».

– Ты ещё накаркай тут беду! – едко прокричала вслед медсестре дама с огромным начёсом блондинистых крашенных волос на подкладке из такого же шиньона. Продавщица большого магазина, похоже. Они все так причёсывались.

– Мужик вряд ли помрёт скоро, – сказал, отпивая из горла «жигулевское», молодой парень в спортивной синтетической дутой куртке. С собой принёс пиво.

– Ну, да. Не похоже. Перепил просто на Новый год, – от-

кликнулся сосед его по скамейке в зале ожидания. Толстый мужичок в валенках и рабочей стёганке. Работяга с какого-нибудь заводика. – Теперь его «отходняк» терзает. А он ещё сюда припёрся. Лежал бы дома и по стопочке через каждые полчаса возрождал организм... А ко мне друг летит из Москвы. Служили вместе десять лет назад. Дружим. Он в горах никогда не был. Вот я его позвал полазить по ледникам или повыше. Сам увлекаюсь давно. В секции альпинистов состою.

– А я невесту встречаю. Живу здесь, в Алма-Ате, – радостно доложил парень и хлебнул сразу почти половину бутылки. – Сам вчера от неё прилетел. Новый год встретили, тут же и свадьбу сыграли. ЗАГС у них первого числа работает. Обалдеть! И я утречком смотался обратно на «ЯК-40. Мне на работу надо было первого в ночь. Дежурство. Я на скорой помощи санитаром вкальываю. Пахоты – с утра до самого вечера. Всю смену без продыха. А с Танькой своей здесь на работе случайно познакомился. Она в прошлом году осенью прилетала к подружке на день рождения. И посреди праздника один из гостей решил показать силу богатырскую. Служил вроде в десанте.

Ну, взял бутылку шампанского запечатанную и ребром ладони её – хрясь по горлу. Она расколосась, но не гладко, а острыми краями вверху и снизу. Ну, он себе вену и вскрыл случайно. Мы приехали, всё сделали, а когда тщательно обрабатывали рану, мне девочка хорошенькая из их компании

помогала. Так возле кровавой руки десантника и познакомились. Перед отъездом, в коридоре уже, я телефон у неё спросил. И оказалось, что она живёт в Семипалатинске. Училище художественное закончила и работает оформителем в кинотеатре. Афиши рисует. Это ничего, что я много болтаю?

– А что нам ещё сейчас делать? – успокоил его мужик в валенках и фуфайке. – Напиться только. Так ждать легче. Но я не пью совсем. Язва желудка.

– Ну, так вот в чём юмор, – парень оживился и отставил бутылку недопитую. – Я через неделю ей звоню! Просто потарахтеть, не более. А она мне в середине трёпа, который вообще ни о чем, вдруг говорит. Возьми, мол, отпуск и прилетай сюда. И я попрошу, говорит, отпуск. Поедем с отцом на озёра. На рыбалку. У папы есть «волга» старенькая. А зову тебя, потому как понравился ты мне. «Так, блин, и ты ж мне понравилась!» Это я так ей в ответ признался. Минут пятнадцать её и видел-то пока паренька ремонтировали. И я, блин, полетел в конце сентября. Месяц провёл бесподобно. А в конце прояснилось, что мы друг друга любим. Решили пожениться у них, а жить в Алма-Ате. Я ей уже и работу нашёл, и квартира у меня отдельная. Маме дали по списку в очереди. А отец раньше получил. Вот будем жить в своей хате. Ребёнка оба хотим. Такие дела.

Он поднялся, встряхнулся и пошел в конец зала. В дверь с буквой «М». Пива выхлестал бутылки три.

– Ты долго не торчи там! – предупредил его сосед. – Через

десять минут прилетит твоя невеста. И скалолаз мой. Дай бог, чтобы не сорвался в пропасть да вообще не устал вместо активного расслабления души от прелести горной.

– Курите здесь, – сказал руководитель полётов Лопатин диспетчерам. – Не надо выходить в коридор. Давайте все на этот самолёт поработаем. Женя основное будет делать, а вы, если надо, своё добавляйте. Обстановка плохая. Низовой ветер – шестнадцать метров на секунду. Сильнее стал. Сносить «Ильюшу» будет как семена с одуванчика. Зато туман адвективный выше поднялся. Теперь ясно уже до двадцати метров вверх. А по горизонту ты, Жека, сколько видишь?

– Полтора километра – железно, – прикинул Макаркин Евгений, диспетчер борта семь пять один пять восемь. – Я ему сейчас передам радионаводку, чтоб он «коробку», ну, круг, короче, над городом один раз сделал и с востока аж за пятьдесят километров вслепую шел на полосу максимум эшелонем сто метров. Рассчитаю, когда он на скорости двести кэмэ подойдёт на километр, дам команду взять эшелон тридцать. Туман гуляет вверх-вниз на десять метров туда-сюда и потому я Мишу увижу глазами. А он землю. Полосу. Глиссаду и курсовой маяк отключу и буду вести прожекторами. Зелёным и красным. Ну и рацией по курсу и вертикали буду выправлять.

– Да, – Лопатин ходил по комнате и мял пальцами подбородок. – Я ему по радио скажу, что если луч зелёного будет

точно на кабину светить, то пусть этим курсом идёт. И сразу радио отключим, чтобы Шарипов не слушал. А то, блин, перегнёт палку. Или не догнёт. Один хрен. А вертикальное снижение ты будешь диктовать на рацию вместо глиссады. Её, глиссаду натуральную, не поймает Мишка никак. Помехи этих частот охренительны просто на урагане. Слов нет. И никто из яйцеголовых в «НИИ Авиапрома» ничего придумать понадежнее не может. Не всегда же божеская погода, а им по фигу. Навечно одну частоту на глиссаду впендюрили без учёта гроз и ветров, бляха.

– Да Шувалов и без глиссады снижение сделает ровно, – засмеялся Макаркин и похлопал себя по бёдрам. – Это же ас! Мастер международного класса. Тут легенды про него ходят. Один раз, говорят, ночью свет в порту вырубился и радио. У них разный вольтаж от одного трансформатора идет. Короче – задница. Радио молчит и темно как у этого, из Конго в... ну, знаете где. А генератор ещё не врубили. И Миша-то уже снижение начал. То есть у него только фары, а на земле ни одна лампочка на взлётке не тлеет даже. И вертикалка радиочастотная заткнулась. Так он фарами с двадцати метров высоты выловил центральную линию на полосе и сел как днём. А!

– Я тебе раньше говорить не хотел, но уже надо, – Лопатин сел на стул рядом с Женей. – Миша сейчас на второй «табуретке» сидит, на месте второго пилота. А командиром самовольно назначил себя Байрам Шарипов из лётного от-

дела Управления. Знаешь его. Большая шишка для нас. Не подчиниться ему – самоубийство. Лететь ему надо срочно домой с расследования вертолётной аварии. Он только женился. Встретил с молодой праздник и улетел с утра. А сейчас торопится, ноги ломает.

Не доверяет, видно, бабе. Про неё слухи всякие гуляют. Да и Шувалов, любимец наш, её имел год почти. Вот потому Байрам, падла, меня нагло ослушался. Я запретил вылет, так Шарипов меня послал и Горюнова Володю, помощника Мишиного выгнал, сам сел командиром. «Бугор», сука! Наглый, гад. Всю ответственность на себя, говорит, беру и лично отчитаюсь перед Рамазаном Оспановичем, начальником всего Управления. Я Шувалову сказал недавно, чтобы он косяки Байрама выправлял. Но... Погода уж больно хреновая. Вручную машину должны два классных пилота сажать. Вова Горюнов первый класс перед новым годом получил. Не обмыли даже. Не успели.

– Так Шарипов может и Мишу куда подальше послать, – ужаснулся Женя. – Тогда – «дрова». Рухнет машина. Шарипов когда летал в последний раз за штурвалом? Когда «рога» руками держал? Допуск к полётам просрочился давно, сто процентов.

– Да сейчас не до этого, – Лопатин взял Женю за руку. – Я ж тебе третий раз долдоню! Мы с Мишей договорились, что вы будете работать с ним не по радио, а по рации. Она берёт частоту за пять километров. Так что, веди его глазами, про-

жекторами и чётким голосом. Шарипов Мишу боится. Тот ему пару раз крепко морду бил за дело. Рацию, короче, вырывать не будет. Всё. Держи глазами горизонт.

– И сразу прожектора поставь вдоль полосы. Легче двигать. Хотя – давай я сам ими буду ворочать. Ты смотри на самолёт и говори с Шуваловым. Радио отключи. Это чтобы Шарипов не вмешивался, – подсказал Дима Жиганов и пошел к прожекторам возле окна. Проверил. Работали отлично. Луч бил даже сквозь туман.

– Вот он. Вышел из облаков, – Женя взял рацию. – Удаление тысяча двести. Но идёт Мишаня пока всего на семь градусов правее. Ближе придет, до пятисот примерно, я его опущу к сорока метрам. Выше точки невозврата, главное. Поправлю и горизонталь. И тогда в запасе будет шесть... Нет, даже восемь минут на всё про всё. Ну, погнажи наши городских!

Лопатин на пару минут вышел как бы покурить, хотя сам разрешил дымить в комнате. А на самом деле он закрыл за собой дверь, вздохнул глубоко, так, что до самой души достало. Потом выдохнул, перекрестился и открыл дверь в «операционную» по спасению бесценных людских жизней.

Глава четырнадцатая

На борту «Ил-18» рейса триста седьмого не было никого, кто бы раньше не летал никогда. Поэтому с момента отрыва от полосы в Семипалатинске по курсу в Алма-Ату и до набора высоты в десять километров никто лишних ощущений не имел и все, наконец, успокоились после нервной беготни из салона самолёта в зал ожидания четыре раза. Взлёт то разрешали, то снова отменяли, поскольку погода в столице состояла из бешеного ветра и очень плотного тумана. Но верили этому не все. Недоверчивые шустро сбегали в маленькую кабинку междугородней связи, отгороженную в углу зала двумя лакированными щитами с проходом возле стены, заказывали по три минутки связи с домом и выходили из кабинки с такими лицами, будто вместо телефона на трёх шурупах висело привидение, которое на пару секунд улетало в Алма-Ату и приносило обратно безрадостное известие от родственников.

– С женой говорил. – Докладывал гражданин в очень помятом пальто. За четыре часа ёрзанья по скамейке со спинкой, красиво сколоченной мастерами из брусков, он пальто и ухайдакал. Выглядел как вокзальный бродяжка. – Так жена говорит, что тишина в городе. Веточки под окном как нарисованные. Не колышутся. Нет даже ветерка, не то, чтоб урагана. И тумана нет.

– А подруга мне сказала, что вечером тепло и тихо, – пищала на пределе возможности голосовых связок молоденькая девочка. Студентка, наверное. – У неё за окном к раме градусник прибит. Так минус два всего. Улица под фонарями светлая и видно её почти до поворота. Километра два. Значит, говорит, туманом и не пахнет. На балконе у неё две простыни висят на верёвках. Так неподвижно висят, будто их гвоздями к воздуху прибили. Нет, значит, и ветра.

– Ну, то, что нам головы сказками страшными забили – это уже всем давно понятно. Нет там никакой нелётной погоды, – подвел итог теме Коля Журавлёв, доктор наук, который летел из родной Москвы, где встречал с друзьями новый год. – Значит что-то не так с самолётом. Но этого же нам сроду никто не скажет. Вот погода – другое дело. Природа сурова и местами буйнит внезапно да неожиданно. Надо узнать точно. И выбить правду из командира корабля. Если откладывают вылет потому, что у них отремонтировать никак не выходит, то нам надо массовое заявление написать, чтобы дали исправную машину. Вон их сколько на площадке.

Перед взлётом из Семипалатинска мужики собрали делегацию из самых представительных на вид граждан и направили её к командиру самолёта. Шувалов народ принял, стоя на пятой ступеньке трапа. Он показал кивком на высокого мужчину, опустившегося на ту же ступеньку и представил его как бортмеханика Сергея Батурина.

– Самолёт в идеальном состоянии, – крикнул Батурин, ме-

ханик. – Хоть на Марс лети!

– А про погоду в Алма-Ате вам расскажет руководитель полётов и всех диспетчеров, Заслуженный пилот страны и орденосец Лопатин Александр Максимович, – Миша махнул рукой. – Трое, поднимитесь со мной в кабину. Всем не предлагаю. Не втиснетесь. Но три человека понять неправильно начальника Лопатина не смогут. Верно?

– Я три часа назад официально запретил вылет. Над полосой посадки туман и шквальный ветер, – сказал по радиоканалу начальник смены диспетчеров. Командир отключил наушники и голос Лопатина заполнил всю кабину из динамика. – В городе – то погода нормальная. Но аэродром находится за двадцать пять километров от центра Алма-Аты. В степи. Погодой здесь командуют горные ущелья, которые направлены на территорию порта. Так вот у нас пока штормовой ветер, который через два часа по прогнозам стихнет. Уйдет и туман. Пока будете лететь, а это почти три часа, всё стихнет и распогодится. Командир, пилот первого класса Шувалов, объявил мне, что принял самостоятельное решение – лететь. Можете ему довериться. Это ас! Это профессионал. А самолёт в самой лучшей технической форме.

– Через двадцать минут отправляемся, – Шувалов проводил делегацию до бетонки. – Всем расскажите, что слышали. И готовьтесь. Идите и всех вместе с вот этими двумя красавицами-стюардессами ведите в салон. Больше отменять не будут рейс. Взлетаем.

И, действительно, командир поднял огромную машину в звёздное небо красиво и легко. Через час бортпроводницы всех покормили, раздали газеты утренние и каждому пожелали приятного полёта. Каждому персонально. Все их поблагодарили и стали дремать. И вот только когда до посадки желанной оставалось полчаса, даже те пассажиры, которых работа посылала в важные командировки только по воздуху для ускорения деловых решений, даже они почувствовали и поняли, что творится нечто не просто необычное, а жутковатое.

– Сейчас прошу всех плотнее пристегнуть ремни, – сказал по радио командир. – Входим в зону повышенной турбулентности. Проще говоря – будет сильная болтанка. Воздушные ямы будут часто попадаться. Разная динамика и направление потоков воздуха. Разное давление. Тряска эта совершенно безопасна, хотя и неприятна. Но вы не переживайте. Всё будет хорошо.

– Странно, – шепнул бородатый мужчина соседке, которая увлечённо вчитывалась в умный, видимо, текст книжки «Преимущество системы школьного образования в СССР перед западными методиками». – Я вот минимум два раза в месяц летаю по всему Союзу. Я артист разговорного жанра. Одиночка. Стихи, рассказы великих людей читаю. Да... Отвлёкся. – Так вот, значит. В первый раз слышу, чтобы командир корабля рассказывал про турбулентность и уговаривал народ не бояться. Очень странно.

– Не попадались вам культурные, интеллигентные лётчики, – улыбнулась учительница Майя Аркадьевна Зимина.

Она договорить не успела. Внезапно огромная дрожащая ладонь неведомого небесного монстра стала поднимать самолёт вверх. Он поднимался ровно, быстро, не качаясь и не задирая нос. Его трясло так же как в очень сильном приступе судороги содрогают эпилептика. Весь корпус «ИЛ-18» скрипел, трещал, подчиняясь бессильно небу и, судя по силе треска, заглушившем шум пропеллеров, он должен был рассыпаться на мелкие кусочки. Многие глядели в иллюминаторы выпученными глазами и видели, что самолёт машет крыльями почти как птица.

– А-а-а-а-о-о-о! – эти буквы, вырвавшиеся из десятков глоток как пар под огромным давлением вылетает между колёс паровоза, этот крик не был знаком испуга. Это больше походило на предсмертный стон. -А а-а-а- о-о-о-о-о!!!

Секунд десять аэроплан кто-то всемогущий поднимал вверх, а при этом даже учёному Олегу Половцеву, кандидату технических наук было ничего не понятно. И как-то обосновать этот подъём строго вертикальный, и треск переборок фюзеляжа без видимых причин – он не смог, когда сосед слева дёрнул его за рукав.

– Что это? Куда нас тащит? Мы разобьёмся?!

И вдруг на пике подъёма, который, казалось, уже начал рвать с шумом и тонким подвыванием распадающийся на частички дюралюминий, огромный самолет застыл на секун-

ду и так же геометрически вертикально стал падать. Сразу же у всех родилось одно чувство: машина валится в бездну. Не на землю падает, а в никуда. Причём чувствовалось, что ни мощные двигатели, ни навыки пилотов остановить, задуть этот бешеный спуск в пропасть не в состоянии. И если чудовищной силы рука снизу за десять секунд подкинула машину чёрт знает на сколько километров к звёздам, то теперь она же давила, не прекращая дрожать и трясти самолёт, роняла его вниз, всей пятернёй нажимая на потолок.

– Мама!!! – вопили страшными голосами некоторые мужики и женщины.

– Помогите!!! Спасите!!! – неизвестно кому посылали просьбу хрипло и болезненно другие.

В салоне молчал один человек. Большой парень в синей спортивной куртке и вязаной шапочке. Лыжник. Или тренер команды лыжников. Когда самолёт подкинуло вверх, он сказал: «Ну, понеслась!». Видно, это его самая любимая сказка была. Он и в порту её говорил по любому поводу, и когда драка случилась между студентами и спортсменами. Даже когда стюардесса Валя принесла ему поднос с ужином поздним. Он поглядел на неё снизу, улыбнулся, поблагодарил, открыл фольгу серебристую, не дающую куриной лапе остыть, и энергично потёр ладоши.

– Ну, понеслась!

Пока над машиной издевалась болтанка, злая собака турбулентности, то есть завихрений воздуха, он молча и без вы-

ражения на обветренном точёном лице с орлиным носом и крепким с ямочкой подбородком, как-то, не моргая почти, глядел в иллюминатор то вверх, то вниз. Самолёт так трясло при падении, что из открытых багажников сверху стали падать в проход и на головы всякие предметы, хорошо, что не тяжелые. Шапки, перчатки, тонкие портфели и книжки, которые пассажирам не повезло начать читать.

В середине процесса провала «в преисподнюю», быстро, сопровождаемым тряской и стоном металла, в проход вышла красивая высокая стюардесса с микрофоном.

– Наш полёт завершается. Через двадцать расчётных минут лайнер под управлением командира Шувалова Михаила Антоновича, пилота первого класса, совершит посадку в аэропорту города Алма-Аты. Но перед этим мы предлагаем вам свежие прохладительные напитки: соки трёх разных видов, минеральную воду «Боржоми» и лимонад.

Она говорила это так спокойно и нежно, просто ласково, что все в салоне обалдели и открыли рты. Кроме парня в синей куртке. Кроме лыжника. Или их тренера. Он продолжал смотреть в иллюминатор, позёвывал и временами улыбался. Странный был товарищ.

На самом интересном месте перечисления стюардессой ассортимента обожаемого народом безалкогольного питья машина дном вдруг ударилась обо что-то, похожее на надувной резиновый матрас. Но не об землю. Хотя падали, как показалось большинству, километров десять. А там ведь

уже твердь. Кора земная. Но тут же мгновенно самолёт снизу снова подхватила та же дьявольская рука и понесла его вверх. Стюардесса в начале второго быстрого подъёма ввысь, интуитивно прочитала мысли большинства и объяснила так же нежно и ласково.

– Вам кажется, что мы падали несколько километров. Это обман нашего вестибулярного аппарата. Мы не птицы и не улавливаем верно смещение по вертикали. В действительности турбулентная яма глубиной всего два-три метра. Иногда пять-семь. А кажется, что это километры. Вверх сейчас мы поднимаемся тоже на несколько метров. Машина очень прочная. Хруст, ну, который вы сейчас слышите – это амортизация, заложенная в конструкцию. Не волнуйтесь! Просто сегодня болтанка сильнее. Циклон. Но вы в полной безопасности! Нести напитки?

– Побольше тащите! Каждому по три стакана. И водки! – крикнул за всех Николай Журавлёв, заместитель директора большой столичной фабрики «Кызыл-ту».

Все засмеялись и перестали обращать внимание на болтанку. Точнее – её бояться почти все перестали и начали с удовольствием пить соки и лимонад, которые, вопреки законам физики не расплёскивались, что поразило даже тех, кто давно ничему не удивлялся.

Зона турбулентности тащилась сюда от самой Алма-Аты, но этого никто не знал. Воздушные ямы на большой высоте и они же при заходе на посадку, близко к земле, так же

не похожи друг на друга, как плюшевый детский «мишка» и медведь гризли из лесов западной Канады или с Аляски.

Захрипела рация в руке Шувалова.

– Хозяин глиссады на частоте. Шучу. Диспетчер на связи. Один пять восемь – вы крепко черпанули, свалили с курса и эшелона, – Женя Макаркин, диспетчер, говорил спокойно, но громко. – Всё надо приводить в норму. Вы поскользнулись на ямах, эшелон сбили с заданного. Сейчас идёте на восемь, а уже должны были принять три тысячи. Это мой «прокол». Вырубал радиомаяки и застрял там. Короче, спускайтесь на эшелон три тысячи, с трёх через десять минут пойдёте в снижение носом на шесть градусов ниже линии горизонта. Это будет два километра. И там на горизонт подравняйтесь. А через пять минут при скорости триста сорок принимайте один километр по альтиметру. Идите по компасу «бычьему глазу КА – тринадцать» на семь градусов к северо-западу. Всего девять километров.

Там ложитесь на эшелон пятьсот метров и делаете коробочку вокруг Алма-Аты. И сразу занимайте эшелон пятьдесят метров. «Брейте землю» как штурмовик. На этой высоте болтанка совсем слабая. Выходите без радио по штурманскому секстанту на сорок три градуса северной широты и на семьдесят шесть восточной долготы. Это «точка». Начало полосы. Потом будем зачищаться на тонкости. На минутки, секунды. И «мослы» готовьте к выпуску. Автопилот вы-

ключить. Приборы тоже гасите кроме альтиметра, компаса и следите по гироскопу за тангажом и креном. Идите на рогах чётко по моей наводке. Штурвалы в руках! Как поняли? Приём.

– Я понял, Женя, – сказал Шувалов тоже по радиии. – Но на левой чашке сидит Байрам Шарипов. Он правит нонче у нас. Он крупный начальник из нашего Управления. И сажать машину он взял на себя ответственность. Не имею права не подчиниться. Я ему радию даю. С ним работай.

– Для контроля и управления гидравлической, электрической, топливной системами и системой поддержания нормальных рабочих условий мне нужны приборы-индикаторы, – нервно, запомненной цитатой из учебника по лётному делу, крикнул диспетчеру Шарипов. – На навесной панели, на мнемосхеме индикаторы показывают положение шасси, закрылков и предкрылков. По ним я вижу положение элеронов, стабилизаторов и интерцепторов. Как лететь без индикации? Садиться как? Я даже не пойму – шасси вышли или нет. Ты что, охренел там? Как тебя?

– Макаркин Евгений. А вы, если не умеете, то и не беритесь. Людей убьёте и машину, – диспетчер ровным голосом сказал то, от чего Байрам взбесился, отстегнул ремень и выскочил из кабины. Долго пил в кубрике любимую воду «Боржоми» из горлышка. Стюардессы убежали в салон, а штурман вместе с бортмехаником сделали вид, что высчитывают на линейке и по секстанту параметры спуска. Штур-

ман для солидности, пока не ушел Шарипов, держал в руках своё высокоточное, хоть и старенькое, но грозное оружие «НЛ-10М» – логарифмическую навигационную линейку. Байрам вытер рукавом пот со лба, с перекошенным от злости лицом влетел в кабину, и схватил рацию.

– Слушай ты, Макаркин, мля! Я управляю лётным отделом в нашем Главном управлении. Поэтому команду тут я. А ты должен меня правильно подвести к полосе. Понял?

– Ну и командуйте в кабинете. Пока вы в воздухе, слушайте меня и Лопатина. Точка. Мне вы вообще не начальник. Я к вашему лётному отделу никак не пристёгнут. У меня один командир – Лопатин. Не будете меня слушать, погибнут люди. И вы с ними. Это понятно? Вы всё запомнили из того, что я говорил раньше? Выполняйте.

– Ладно. На земле поговорим. Ты, бляха, только начал работать и скоро тебя уволят. Ищи другое место.

– Посмотрим, – ответил Женя. – Кто и где место искать будет. Выполняйте мои указания.

Лопатин взялся за голову, сел на пустой стол и что-то тихо шептал.

– Опускаюсь на эшелон три тысячи, – рявкнул в рацию Байрам. – Пять минут прошло. По крену и тангажу выровнял машину. Опускаюсь на две, а через пять минут на тысячу. Снизился. Лечу пять минут. Пошел на эшелон пятьсот и делаю коробочку, пошел вокруг города опустился до пятидесяти метров и выхожу на заданные широту и долготу.

На сорок три градуса севера и семьдесят шесть востока. Но земли не вижу.

Подошел штурман и сунул линейку под взгляд Шарипова.

– И что? – крикнул Байрам диспетчеру. – На линейке-то штурманской я градусы вижу. А как мне нос повернуть по этому курсу? Опускаюсь до сорока метров. Землю увидеть надо, чтобы понять – куда дальше и как. Ориентира нет. Прибор не пашет. Мы где?

– Я вас уже вижу в бинокль в районе центра города. Все ваши лампочки, фонари, мерцающие огни и фары работают, – диспетчер стал говорить ещё спокойнее и тише, – доворачивайте семь градусов на восток и ходу по прямой двадцать пять километров. Держите эшелон сорок метров и через восемь минут ловите взглядом прожектор. На подходе будете. Зелёный – значит снижайтесь ровно на три градуса вертикально каждые семь секунд. Скорость посадки сто восемьдесят. Ветер у земли – шестнадцать на секунду, нижняя кромка тумана сорок метров.

И вроде бы всё так, как требовал диспетчер, делал Шарипов. Только один Миша Шувалов видел, где перебор, а где недобор. Видел и молча выправлял шариповские ошибки.

Наконец Женя сказал.

– Вроде прилетели. Устойчиво держите сорок метров и идите прямо, ровно, смотрите на прожектор и ищите глазами полосу. Надо по долготе сместиться на восемь минут и три секунды. По градусам всё чётко. И по широте попадаете

точно.

Миша потихоньку незаметно занял предложенную позицию, поскольку Байрам растерялся и крутил головой. Искал глазами прожектор. Наконец из «скворечника» вырвался острый и плотный зелёный шлейф света.

– Высота сорок. Земли не вижу. Свет зелёный наблюдаю. Но нет полосы! – голос Шарипова дрогнул. Миша крепче прихватил штурвал. Ждал ровно секунду. Самолёт ветром легко сносило вправо и малый крен на правое крыло чувствовался безо всяких приборов.

– Рога на себя резко. Оба рвите рули влево и вверх до упора, и пошли на второй круг. Полоса у вас проскочила левее на девять градусов, – Женя не закричал, а взвыл.

– Тягу рогов на себя и влево, рычаги движков до упора на всю мощь! – крикнул Шувалов в микрофон. Но и без него Шарипов услышал. Сверх сил своих заорал Михаил – И штурвал на себя до груди! Резко.

– Подъём пошел. Но чуть не чиркнули, – Женя выдохнул и закашлялся. Кричал громко. Поэтому, наверное. – Высоту вы, Шарипов, дали не сорок, а тридцать. Хорошо, что не двадцать. Там бы был «полный рот земли, дрова и гроб с колокольчиками». С двадцати метров «Ильюша» при скорости сто восемьдесят килем зацепится, взлететь невозможно. Делайте вторую «коробку» и снова на тот же курс. Я вас вижу на эшелоне сорок. Так и идите. Потом по три градуса вертикалки будем сбрасывать. Снижаться к полосе. Главное – гля-

дите на землю. И прожектор не забывайте глазами ловить. Полоса будет чуть правее, чем сейчас было. На девять, повторяю, градусов.

Самолёт снова пошел по кругу на эшелоне пятьсот метров. И уже даже Лопатин в диспетчерской подумал, что Шарипов машину посадит. Первый блин был только немного комом и слегка подгоревшим. Но Байрам вдруг побледнел, успел сказать Шувалову, что теряет сознание от напряжения, тут же сильно выдохнул и отключился, уронил голову на штурвал. Бортмеханик, штурман и второй пилот отнесли его в кубрик стюардесс и Горюнов с Мишей сели на свои места. Миша сказал второму пилоту.

– У нас на южной стороне облёта прилавки гор справа будут на пятнадцать километров в стороне. Поэтому снижаемся сейчас до сорока метров и идём под туманом. Тогда я на полосу знакомой дорожкой железно подойду.

– Я тоже подержу сорок метров. Вдвоём легче. На этой высоте тумана нет, но дует – я те дам! Пятнашка на секунду точно есть.

Самолёт завершал круг неровно. Его трясло, опускало и поднимало, движки выли так, будто прощались. Будто отвалятся сейчас. Перепуганный насмерть народ в салоне так истошно и страшно кричал, что даже привыкшим ко всему пилотам стало не по себе.

– Они, наверное, центровку сбили, – сказал Шувалов. – Вова, если они все убежали в хвост, то мы горизонталку на

приземлении не удержим. Зацепимся за полосу задницей и на мослы уже не встанем. Иди. Глянь. Если что – грубо растащите всех, чтоб равновесие было хоть небольшое.

Горюнов выскочил в салон. На него с кресел кинулось несколько человек. Из последних сил они произносили со стоном одно слово – «Сядем?»

Расцентровки не было. Все сидели на местах, придавленные к креслам силами небесными. Многие были без сознания. С багажных полок продолжали сыпаться всякие предметы, запасные гидравлические шланги и отрывались пластиковые крышки от багажников. Володя побежал обратно, сбил с ног стюардессу Наталью и уже занёс ногу на высокий порог перед кабиной, как его кто-то схватил за плечи и с силой медведя рванул назад. Горюнов упал на спину и увидел, что Шарипов, пришедший в себя, стягивает с кресла Шувалова и пытается в него запрыгнуть. Он махал руками, повернулся и Володя по искаженному лицу Байрама понял, что тот рассудком подвинулся далеко и, может, надолго.

– Теперь разобьёмся непременно, – вслух подумал Горюнов, подпрыгнул, схватил со столика штурмана мегафон, ворвался в кабину и с большого размаха вогнал мегафон Байраму в шею. Тот снова вырубился. Володя выдернул его из кабины за ноги, бросил на пол и выматерился, показывая бортмеханику и штурману на длинное мягкое тело начальника лётного отдела.

– Руки и ноги свяжите ему хотя бы галстуками. Верёвок

нет. И в кубрик стюардесс его отнесите. Быстро! – он перешагнул через Байрама и сел на свою «табуретку» второго пилота. – Всё, Миша, я его пришиб. Пусть меня судят, бляха. Вон зелёный луч. Надо сесть.

– Идёте ровно по широте и долготе. Сейчас полоса начнётся. Ищите белую линию по центру. Высота тридцать. Снижение на три градуса каждые две секунды. – хрипел Макаркин в рацию. – Сейчас касание. Через десять секунд.

В это мгновение машину та же потусторонняя рука резко толкнула вправо от широкой белой полосы, накренила правым крылом к снегу.

– Горизонт держи! – закричал Шувалов. – Рога на себя! Равняем машину и нос вверх. Угол атаки двадцать!

И они вдвоём заставили двигатели выжать из себя последние лошадиные силы, заставили нос подняться. Перестали видеть прожектор. Зато в глаза обоим брызнул яркий свет миллионов звёзд из других, возможно – потусторонних миров.

Глава пятнадцатая

– Радиосвязь включи! – закричал Шувалов диспетчеру по радиации. – С нашего радио запишу в «чёрный ящик» и тебе отдельно на вашу магнитную катушку моё последнее слово «DETRESFA»! Да, Женя, SOS! Терпим бедствие, просим помощи! Пусть останется. Помощи я попросил! Пусть вот этот SOS зафиксируется! Пусть будет запись, что SOS я попросил! Хотя помочь экипажу уже невозможно. Прощайте! Тяги на подъём нет, скорость упала. Не вижу выхода. «DETRESFA»! Конец!

Связь разорвалась.

Макаркин подбежал к окну. И он был вторым после Миши, кто понял, что самолёта «Ил-18» с бортовым номером семь пять один пять восемь больше не существует. В два прыжка до окна долетели все диспетчеры. Они выдернули из прожекторов зелёный и красный фильтры, развернули отражатели на полосу и молча наблюдали за катастрофой. Машину ветер снёс правым шасси с полосы, «мосол» подломился, отлетел назад, «ИЛ» лег на правое крыло и огромные обороты двух двигателей сначала разметали снег до замёрзшей травы, потом земля покрошила пропеллеры на мелкие куски металла, крупной шрапнелью улетевшего в степь со свистом и воем, как будто это были пули и снаряды миномёта. Потом самолёт встал на крыло, оно переломилось у основания и из

крыла – одновременно бака топливного, горючим и маслом залило оба двигателя, которые вспыхнули, взорвались, переворачивая машину на потолок и покрывая фюзеляж огнём.

Лопатин поднялся со стула и, закрыв глаза ладонями, уперся головой в угол стены. Плечи его дрожали и ослабли ноги. На полусогнутых и трясущихся он ещё секунд пять держался, но потом всем телом сполз по стене до пола и так застыл. Будто сидя умер.

– Вызывать скорую, пожарных и милицию? – подбежала к окну Татьяна Самохина, делопроизводитель диспетчерской.

– И начальнику порта домой по прямому звони, – Дима легонько подтолкнул её в спину к столику с телефонами.

– Ё-ё-ё-ё-ё! – Женя взвыл и так боднул лбом толстое пятимиллиметровое стекло «скворечника», что оно треснуло, но не расколосось. – Он же на центр, на линию вышел! Как снесло? Он на девять метров от дорожки соскочил! Как?

– Крен курсовой у него тоже был по горизонту примерно восемь градусов. Вот он и «помог». Я тоже смотрел, – хрипло сказал диспетчер взлёта Дима, он три года работал в команде Лопатина и считался лучшим. – А ветер как держался на шестнадцати, так и держится. Вон как полосатого «колдуна» на шесте надул, ещё немного и оторвёт. Ну, если бы скорость выше ста семидесяти держалась, то его на эшелон сорок нельзя было ставить. Прوماхнул бы пробегом по длине взлётку. А сто семьдесят – мало, чтобы против такого ветра удержаться. Надо бы, конечно, резко со ста метров спускаться-

ся при скорости двести тридцать, но там до сорока метров вертикали туман. Ни хрена не видно, а без глиссады он бы тоже в полосу не вписался.

– Что там? – крикнул из угла Лопатин.

– Хана! Начал ломаться. Хвост оторвался, остальное понесло вперёд. Всё в огне, вон ещё фюзеляж переломился, кресла полетели в темноту. Пустые и с людьми. – Макаркин посмотрел влево. По полосе уже неслись две пожарных машины и один пока «РаФик». Скорая помощь. Милиции ещё не было. И Женя закурил, сел на пол. Смотреть, как гибнут люди, сил у него никак не хватало.

Кабина оторвалась от фюзеляжа на уровне первой двери, там, куда всегда подъезжает трап. Её крутило как юлу в горизонтальной плоскости и не переворачивало. Зато середина самолёта, отделившись от крыльев, кабины и хвоста, на высокой скорости то поднималась над степью, то становилась вертикально, и когда падала плоскостью на землю – оставляла за собой что – то горящее. Оно вываливалось из салона и продолжало пылать на лету ещё сильнее, раздуваемое штормовым ветром. Это горящее, облитое горючим и маслом, было людьми, уже наполовину бывшими. Они дико кричали и размахивали пламенными ногами и руками. Через стекло слышно было, что куски огня кричали «Спасите!» и просто стонали так громко и страшно, что большие взрослые мужчины в диспетчерской, выдавшие всякое, грустно отвернулись на минуту и тяжелыми взглядами продавливали

ПОЛ.

Анель Шарипова полчаса назад позвонила Лопатину и он ей рассказал, что самолёт через пятнадцать минут заходит на посадку, а ещё через пятнадцать подрулит к стоянке.

– Людка! – набрала она номер телефона подружки. – Мой через час дома будет. Вы там керосините всё? Эх, меня вам не хватает. А Игорь с вами? Дома? Ну, завтра днём я забегу. Жди. У нас тут в баре домашнем «вискарь» нашла случайно. «Белую лошадь». Муж про неё забыл. Там столько бутылок – со счёта собьёшься! Завтра мы лошадке гриву причешем вместе с Игорьком и твоим...этим... А! Андреем! Ну?? Ладь! Короче, до завтра. Обнимаю!

Она позвонила своему новому любовнику, актёру Игорю и они душевно почирикали минут десять о завтрашнем дне.

– Вот если бы ты замуж за меня пошла! – игриво начал Игорь. – То, знаешь, ли...

– Для «замуж» ты не тянешь ровно столько много, сколько тянешь в постели, – засмеялась Анель. – Мне надо быть замужем за мужчиной, у которого главное достоинство, не то, что твоё «достоинство». А башли, связи, власть. Судьба у меня капризная шибко. На пальчиках, говорит, у тебя должны быть бриллианты, а в ушках – сапфиры или изумруды. А с тобой мне приятно душу отводить и тело кормить вкусеньким. До завтра у Людки. Мой прилетел. Скоро дома будет. А я вроде как сплю. Пока!

Она нацепила красивую немецкую ночнушку, смыла с лица грим, распустила красивый волос и влезла под теплое розовое атласное одеяло.

В зале ожидания дремали до двух часов ночи сорок семь человек. В два двадцать их разбудила диктор и равнодушно сообщила, что рейс триста седьмой ожидается прибытием в ноль два тридцать пять местного времени и попросила встречающих пройти в сектор прибытия и выдачи багажа. Почти все, естественно, к сектору не пошли, а встали у длинного и во всю стену высокого окна, откуда обычно было отлично видно приземление. Нравилось людям смотреть, как садятся современные огромные реактивные и турбовинтовые лайнеры.

– Во! – потер ладони толстенький мужичок в телогрейке, ждавший из Москвы армейского друга, которого позвал, чтобы научить его азам альпинизма. Да и вообще показать великий Тянь-Шань и лучший в мире город. Алма-Ату. – Идёт! Фары вижу.

– Ну, точно! Садится наконец! -парень, который ждал невесту из города Семипалатинска, даже подпрыгивал от нетерпения поскорее встретиться с любимой.

Рядом стояла группа из шести высоких ребят спортивного вида в красных синтетических куртках. Это была бригада размещения спортсменов- участников первенства республики по лыжным гонкам. На улице стоял «под парами» их ав-

тобус, который должен был доставить часть спортсменов на тренировочную базу в Бутаковку, а часть, команду дублёров и запасных оставить в городе, в гостиницах «Иссык» и «ВД-НХ».

Мужичок, схвативший сердечный приступ на выходе из диспетчерской, пришел в себя, девушки со «скорой» дали ему какие-то таблетки на случай, если вдруг приступ повторится, но с собой забирать не стали. Не нашли ничего серьезного. Вот он прилип к стеклу носом, поскольку был небольшой, а остальные – покрупнее. Они его к стеклу и прижали. Зато садящийся самолёт он видел лучше всех.

В нём летели из Семипалатинска жена с дочерью. Они отпраздновали почти траурный новый год у матери и бабушки, которой жить после третьей стадии рака врачи пообещали ещё месяца три. В последний раз они выпили шампанского и старая женщина всю ночь вспоминала свою жизнь и жизнь маленькой Тани, у которой теперь есть своя дочь Екатерина. Так в честь бабушки Татьяна Васильевна её и назвала. Мужик глядел на самолёт и улыбался. Через полчаса на такси домой поедут. Соскучился по семье.

В общем, «на взводе» были все. Долго ждали. Может, кто-то и не выдержал. Уехал. А эти сорок семь человек дождались.

Переломившийся от удара самолёт, вспыхнувший летящим костром, тремя отдельными частями пахал степные су-

гробы рядом с посадочной полосой. Никто из встречающих в первую минуту не понял ничего. И ужас дошел до каждого только когда завывла аэропортовская сирена, и резко, пронзительно завизжали пожарные машины, которые есть в каждом аэропорту, когда все они слышали через толстое стекло взрывы двигателей и треск рвущегося, как тонкая ткань, дюралюминия с фюзеляжа, крыльев и моторов. Тут только слетело с каждого оцепенение. И все сорок семь, да ещё многие работники порта, лётчики, местные милиционеры и женщины в белых халатах из медпункта побежали, падая на неровном снегу, к бывшему самолёту, самому надёжному, как называли «Ил-18» в газетах.

– Таня! Танюша! Танечка! – остановился и кричал парень, ждущий молодую жену. Он не понимал – куда надо бежать.

Мимо толпы всё ещё с тупым стуком проносились огромные оранжево-голубые глыбы горящего металла. Сам дюраль, конечно, не пылал, но он весь был облит горячим, на поверхности фюзеляжа оно растеклось и ветер гонял его по плоскостям, создавая ощущение озверевшего пожара, уже ставшего мистической потусторонней стихией огня, смешанного с ветром, криками и стонами умирающих, полуживых, а ещё – с более громкими воплями-мольбами о помощи тех, кому повезло выжить и даже не покалечиться.

Через пять минут на территорию, по которой разбросало части самолёта, вылетели, пробуксовывая и скользя юзом, милицейские машины. Люди в погонах оцепили часть степи,

начиная с девяти метров от посадочной полосы. Так далеко инерция движения и ветер отбросили самолёт в снег.

Всем, кроме пожарных, работников «скорой» и милиции вблизи от мёртвого металла и мёртвых тел становилось плохо. От непривычного, натурального страшного вида провисших в горящих креслах мужчин, детей и женщин, или чернеющих повсюду, ветром разбросанных отдельно ног, тел, рук и голов без шапок и платков, встречающие впали в полусумасшедшее состояние. Многих рвало, да они к тому же плакали ещё или кричали иступлённо воющее, но нечленораздельное что-то, беспорядочно ползая по натопанному уже снегу между обломков, разыскивая своих во тьме. При этом очень жутко кричали и выли – все.

Старший милицейского взвода позвал начальника порта через сержанта на мотоцикле. Начальник с тремя бойцами ВОХРа порта и шестерыми солдатами, которых целую роту прислал гарнизон ПВО, стоящий в пяти километрах от диспетчерского «скворечника», возились у хвоста самолёта. Его не крутило и когда оторвало, то он понёсся вперёд по ходу. Огня на нём не было, потому как крылья переломились позже. И взрыв движков, вбок, в разные стороны разметавший огонь, до хвоста не дотянулся.

Зато снега пространство хвостового отсека на той скорости загребло от пола до потолка. Прокатился отсек по полю полкилометра, не меньше. В этом помещении под завалом снежным должно было остаться человек двадцать пять. Вот

начальник порта с солдатиками и ВОХРовцами сапёрными лопатами, которых из гарнизона привезли штук пятьдесят, выбрасывали снег, начиная от середины салона, где был проход. Все, кто копал, кричали всё подряд. Начиная от «держитесь!» и кончая криком самым обнадеживающим: «Ждите! Мы идём! Уже скоро!». Те, кто сбрасывал снег с потолка, забирались на сугроб, раскидывали руками снег сверху вглубь и нашли пятнадцать живых.

Они даже не задохнулись. От криков, видно, да от натужного горячего дыхания вокруг людей оставались маленькие воздушные ниши. Когда самая быстрая операция по освобождению потерпевших из оторвавшегося хвоста закончилась – прошел час всего! Все, кто был с лопатами, радостно закричали «Ура! Все целы! Мёртвых не обнаружили вообще». Двадцать шесть живых! Один пассажир руку сломал, десять получили переломы ног, трое рёбра сломали и пятеро разбили головы до крови.

Они сами выбрались из неудавшегося гроба. Их солдаты повели, балагурия для снятия с людей стресса и поддерживая под руки, к машинам «скорой помощи». Николай Журавлёв, летевший из Москвы с дружеской новогодней пьянки в чужих ботинках, которые размера на три были больше, на ходу, заикаясь, радостно рассказывал всем, что пустое пространство в толстых ботинках не дало ноге врезаться в носок из кожи и поэтому ноги он не сломал. А мог. Мог бы и вообще помереть, но благодаря ботинкам, так он в это верил, повез-

ло. Даже не поранился.

– Вас майор наш просит со мной прибыть, – крикнул начальнику порта, достающему из кресла какого-то старика, сержант с мотоциклом. – Дело у него к вам.

И они уехали.

– Сейчас всё, что с фарами, все прожектора из аэропорта, от пожарных и от машин «скорой» направить с разных сторон на нужные объекты. Это две точки. Один круг прожекторов со всех сторон фюзеляжа. Один вокруг кабины. Из хвоста людей всех нашли? Багаж с утра разгребёте. Сейчас главное – люди. Сколько в хвосте было трупов? – закончил вопросом майор.

– Нет трупов, – устало сказал начпорт – Живы все до одного. Двадцать шесть. Травмы есть, но очень стандартные. На неделю лёжки в травматологии.

Через полчаса потушили пламя. Пожарные молчали, стирая с лиц копоть и с брезентовых роб остатки засыхающей пены. Только один спросил другого.

– Слушай, Витёк, ты вообще видел, чтобы металл горел и сгорал?

– Дюраль что ли? Не, он не горит в огне. Чугун может при тысяче ста градусов. Медь плавится. Не горит, конечно. Олово только вроде даже горит, когда расплавляется. А чего такое?

– На, глянь, – первый пожарный протянул второму кусок обшивки. Он выгорел дырками посередине и края его были

обуглены. Напоминали недогоревший кусок фанеры.

– Это дюраль? – удивился второй. – Что ж за температура была? Шибче, чем в домне? Это может быть только в кипящей плазме. Но с фи́га бы тут взяться плазме?

И они воткнули первому пожарному странный кусок сзади за ремень, чтобы потом своим показать, и пошли к кабине, которую унесло на семьсот метров вперёд. Еще бы немного и она могла перевернуться через заваленный снегом метровый оградительный вал земляной и впитаться в ограждающий лётное поле бетонный забор. Повезло. Кабина с тремя метрами салона, странно, что не обломившегося почему-то, в котором были кубрик стюардесс, отделение для бортмеханика, штурмана и три ряда кресел пассажирских, слегка наклонилась на левую сторону и смяла входную дверь. Сзади, за кабиной, дюраль потолочную после крепкой переборки при разрыве как листок фольги согнуло вниз, сплющило, перерезав в этом месте два ряда кресел с людьми.

От них остались кровь и кости, удерживающие на себе фрагменты кожи и обгоревшего, покрытого пятнами дыма и масла мяса. Кресла превратились в крупную пыль и обломки, похожие на строительный мусор. В мусоре этом, смешанным с кровью, хаотично утонули головы без волос, носов, ушей и глаз. В дыру сзади, где потолочный дюраль неплотно сошелся с полом, взобрались пожарный и два милиционера. Они вытащили волоком нечто, бывшее ещё недавно людьми. Это были разные ноги, два женских туловища с головами, но

без рук и ног. Милиционер держал на локтях два голых черепа и четыре берцовых кости. В ладони у него лежали два аэрофлотовских значка с пилоток стюардесс.

– У вас в кубрике кислородный баллон был?

– Был, – кивнула Валя. – На случай разгерметизации.

– Штуцер сорвало, – милиционер вздохнул. – Раскалённый газ всё сожрал. Вот что осталось от девчонок. Голые черепа. Он положил кости на снег.

– Нас четверо было, – сказала Галина Сёмина.

– Кроме Галки и меня с нами работали Вера и Наталья. – Добавила Валя.

В момент неудачной посадки Валя с Галиной ещё до падения успели забежать в кабину. Убегая, они волоком вытащили из кубрика Шарипова, развязали ему галстуки на ногах и руках. Спасли. Человек же. Следом за Шариповым должны были выскочить Вера и Наташа, которые помогали подругам вытолкать большого начальника. Помогли. Но как раз в этот момент самолёт состыковался с землёй, вылетел штуцер из кислородного баллона и струя пламенного газа за пять секунд оставила в выжженном тесном кубрике только их кости.

Спасённый Шарипов поднялся и когда кабина впилась носом в сугроб, и когда застыла, выпрыгнул вслед за лётчиками и стюардессами в разбитое окно со стороны командирского кресла. Он поимел от аварии только царапину на шее. Порвался тросик, на котором висела шторка, и задела Байраму плечо да шею от уха до кадыка.

Через окно пилота Миша Шувалов, командир, вытаскивал уже третьего. Двое были мертвы, но их не раскрошило, не размазало и не порвало. Можно было хоронить в обычном гробу. Рядом стоял второй пилот Горюнов Вова, который только что с правой стороны кабины через окна разбитые вытащил на землю двух мёртвых мужчин, побитых об стены до неузнаваемости. А один, который выбрался через выбитое окно кабины самостоятельно, был не просто живой. Грязный, оборванный и ободранный, он поднялся, полез в кабину и тоже вытащил молодого парня в синей спортивной куртке и вязаной шапочке. Парень был жив, но его крепко помяло. Сломалась рука, вылетели почти все зубы и по лбу через глазницу падала на щёку кровавая расщелина, из которой уже вытекла вся кровь и торчало неровными кусочками розовое с синевой мясо.

– Батурин, бортмеханик погиб, рядом Желябин, штурман. Не повезло нашим ребятам. Царство им небесное. – Миша показал кивком головы на трупы, которые с трудом вытащил, и хотел снять шапку. И пилот Володя Горюнов хотел снять. Но шапок не было. То ли в кабине сгорели. А, может, ветром унесло когда выпрыгивали.

Шарипов закричал, поднялся и полез через левое окно в кабину. Не было его минут десять. Потом в окно протиснулись чьи-то ноги в серых модных ботинках, затем черные спортивные штаны и кусок синей куртки.

– Тяните. Он очнётся сейчас, – кричал Байрам.

– Миша с Горюновым потянули аккуратно и вызволили из дюралюминиевого гроба ещё одного лыжника. Он был без сознания, но дышал. Его растерли снегом. Он открыл глаза. Посмотрел вверх на звезды и тихо сухими губами прошептал три раза.

– Живой. Я живой. Живой.

– Что-то мне нехорошо. Голова разламывается и тошнит. А надо идти к центральной части фюзеляжа, – сказал Шувалов и присел на снег. – Все там. И живые из города, и мертвые из самолёта. Пожарные, милиция, труповозки из морга и ещё вон «скорые», и встречающие все. Да и летуны наши свободные с диспетчерами туда тоже пошли. Это центр, все места спереди и сзади от крыльев очень пострадали. Основная мясорубка и Гиенна огненная там были.

Миша, да и вся уцелевшая команда экипажа, включая приبلудившегося Шарипова, идти в это пекло побаивалась. Там были почти неменяемые родственники погибших, которые ещё даже не все нашли своих мёртвых, а многих и не смогут найти, потому как будет им опознавать нечего... Руки валялись обгоревшие дочерна, пугали разбросанные головы без лиц, куски ног вокруг, всё ещё горящая одежда, которую не тушили пожарные, пальцы с кольцами под ногами пожарных и милиционеров, куски тел, разлетевшиеся на десятки метров в степь, которых дальше прожекторов уже никто до утра не найдёт.

Галя Сёмина достала из кармашка синего форменного жа-

кета маленький пузырёк нашатырного спирта. Всегда с собой носила. Многие пассажиры иногда нуждались. Шувалов нюхал его долго как воду, но минуты через две закашлялся и из глаз вырвались широкими ручейками слёзы.

– Нормально. Теперь идти надо. Может, не забьют до смерти встречающие. А им ещё своих искать в этом месиве. По частям тел, и всяким предметам целым. Милиционеры, наверное, разрешат. Сами они вообще тут никого не опознают, – сказал Миша. И все медленно, склонив головы, побрели к дымящемуся салону, черпая ботинками снег и спотыкаясь об обломки пластмассы, дюралюминия и бледные от света прожекторов кости. Шарипов Байрам Ахатович, «виновник торжества», тоже медленно двигался, прихрамывая и сгорбившись. Также с опущенной головой.

Последним шел.

Глава шестнадцатая

– Все живые, соберитесь возле кабины самолёта, – командир милицейского взвода Рычков набрал в грудь много воздуха и в мегафон эту фразу прокричал пять раз.

– Надо все билеты забрать, – вспомнила на ходу стюардесса Сёмина. – Они в кубрике нашем, в сейфе где деньги, документы на полёт. В отдельной коробке лежат. Сейф несгораемый. Значит всё там целое. А по билетам будем уточнять что и как, да отделим погибших от счастливых вроде Шарипова.

И она побежала, прихрамывая, и держась рукой за шею. Сразу, пока шок не прошёл – боли не чувствовала.

– С Валюхой вдвоём бегите, – остановил её Горюнов. – Как ты одна в кабину влезешь? Ключ от сейфа дать?

– Есть у нас, – Валентина хромала сильнее, но Сёмину догнала быстро.

Люди послушали указание милиции и двинулись к воткнувшейся в сугроб кабине. По скрипу снега, шарканью ног, кашлю и чиханию было понятно, что к точке сбора идёт не так уж и мало народа.

– Ну, там ещё и встречающих приползёт навалом. Те, у кого родные или знакомые, да друзья-подруги разбились, они тоже подойдут. Откуда им точно знать: погиб их человек или где-то сидит тихо. – Стресс ведь. Ступор. Человек живой, но

при глубоком потрясении может замереть и не шевелиться какое-то время, – сказал старый пожарный. – Я такого наблюдал за тридцать лет работы.

– Вы вокруг всех трёх частей самолёта покатайтесь и внимательно посмотрите. Есть живые, встать помогите и скажите – где сбор. Если кого подвезти требуется – говорите мне по радию. И уточните координаты. Тогда я направлю туда машину. – Командир милицейского взвода инструктировал пятерых мотоциклистов. – Мёртвых, кого не разорвало, тоже отмечайте. Я пошлю туда труповоз с прицепом. Их можно собирать и увозить в морг. Утром народ встречающий пойдёт туда на опознание. Я отдельно объявлю, когда всё проясним. Ну, а фрагменты туловищ, документы, куски одежды и предметы, по которым можно потом личность установить, с утра искать и сортировать будем, при дневном свете. Всем ясно? Вперёд.

Лопатин Мишу Шувалова увидел раньше остальных, подбежал к нему, когда экипажу ещё метров двадцать оставалось топтать к хвосту.

– Живой! – он обнял Мишу и молча уткнулся ему в плечо.

– Половина экипажа уцелела, – Миша говорил ему прямо в ухо. – Штурман разбился, бортмеханик и Вера с Наташей, проводницы. Шарипов, глянь на него, целее всех. Молодец, мля! Простил Аллах по ходу дела ему подляну, какую он нашему самолёту и нам с тобой подсунил. Вишь, Максимыч, у него даже на самом верху свой «блатной» в лице самого Ал-

лаха. Другого гада за такое злодейство покарал бы бог немедленно, да? В степи раскидал бы по кусочкам его, поганца.

– Без бога разберутся, – прошептал Лопатин. – Все мы теперь без трёх минут зеки. Через месяц-полтора следствие пройдёт и мы все, кроме стюардесс, сядем. Если под расстрел не попадём.

От хвостовой части пошли двадцать шесть уцелевших пассажиров, экипаж ополовиненный, Шарипов, солдаты с лопатками и милиционеры с пожарными. Когда эта маленькая толпа проходила мимо центральной, самой несчастной части бывшего самолёта, все прожекторы кто – то сообразил выключить. В темноте не так жутко было наступать на обломки рук и ног, часы, портсигары, черепа, пальцы рук с кольцами и перстнями, на сумки дамские, из которых целыми вывалились пузырьки духов, расчёски и тюбики помады.

Наконец перед кабиной полукругом расположились и те, кому повезло остаться жить дальше, и все, кто никуда не улетал, а потому и не рисковал. Снова врубили прожекторы. Стало как днём светло и тепло по-весеннему. Образовывался этот полукруг из людей долго. Час, не меньше. Это потому, что живым, но израненным и чудом уцелевшим, помогали медленно, тихо добираться солдатики и милиционеры. Так им надо было не просто помочь дойти, их сначала ещё найти требовалось. Многие лежали плашмя и живых издали никак не напоминали. Только проезжая мимо, мотоциклисты лучами фар упирались в тела и, если замечали в них

шевеление или даже слабый намёк на дыхание, то сразу по рации звали на это место солдат, которые кого под руки, а кого на горбу доставляли к остальным. К полукругу.

Если бы в эти моменты возле разрушенной кабины оказались посторонние люди, которые в тот час мирно спали в домах и квартирах своих, они, точно, эмоциональное потрясение поимели бы такое, что вряд ли смогли вообще в следующую ночь уснуть. И радостно и больно было бы им смотреть на то, как в грязном, потрёпанном, окровавленном, но случайно выжившем человеке встречающие узнавали свою маму, сына, отца, мужа, жену, сестру, брата или друга. И невыразимо страшно довелось бы видеть встречающих, сидевших на снегу возле изувеченных трупов родственников или друзей. Кто-то рыдал, кто-то нежно обнимал неживое тело, а некоторые глядели в лица погибших, уже бледные, бескровные, но ещё не восковые лица и молчали так скорбно, что ни с каким ужасным стоном или более страшным зрелищем уравнять это молчание было нельзя.

А те, которым повезло на твёрдые сто процентов, ликовали, не смотря на окружавшую их со всех сторон разруху и смерть. На убитых горем людей и уничтоженные жизни они не обращали внимания так же, как хирурги во время операции никак вообще не реагируют на кровь или переломанные кости.

– Алтынай, милая ты моя! – обнимала с причитаниями учительница Вера Фёдоровна Горбунова учительницу Сак-

танову, с которой летела вместе с однодневной конференции из Москвы. – Радость ты моя, как хорошо, что ты... А Майю не видела Зимину? Она впереди сидела.

– Майю увезли в морг, – Алтынай плакала одновременно от горя и от радости. Смешались два этих чувства и стали неразделимыми. С одной стороны и сама живая, и Вера Фёдоровна. А Майи теперь нет, и не будет. Ужасно. И муж пока об этом не знает, и сын её.

Мужичок в валенках и телогрейке, ждавший жену и дочь из Семипалатинска, раньше никогда не думал о том – счастливый он или просто так живёт, коли мама родила. А тут осенило его: счастливый! Родные-то без царапинки прилетели в этом гробу. Они в хвосте сидели. Дочка Машка только сумочку потеряла в разрушенном салоне, заваленном снегом. А в сумочке было аж десять рублей и бабушкина фотокарточка.

– Да вы ж мои птички-ласточки! – тискал их мужичок изо всех сил, целуя каждую попеременно десятки раз. – Дома и денежка есть, и карточка бабушкина.

Выжившие так и стояли полукругом возле кабины, они постанывали, кашляли, горбились от боли в позвоночниках или ногах. Многие сидели на корточках от головокружения или тошноты, но не уходили только потому, что стюардесса по билетам должна была назвать живых и мёртвых. Это нужно было «аэрофлоту», да и самим пассажирам.

Галя Сёмина, стюардесса, брала у Валентины билет и

громко называла фамилию. Если человек откликнулся сразу, стюардессы искренне улыбались, если откликнулся, но так слабо, что почти не слышали его, Галина, Валя и милиционер, стоявший рядом, настораживались и мрачнели. Тогда сосед спасшегося пассажира, покалеченного и ждущего медиков, кричал: «Он живой! Только громко сказать нет сил у него. Ему сейчас нужна скорая». И туда бежали санитары с носилками. Тогда бортпроводницы и майор довольно кивали головами. Выяснилось к концу перебора билетов, что трое всем запомнившихся шумных студентов, которые драку организовали – погибли, хотя места их были в хвосте. Видно, с кем-то в полёте поменялись. Им надо было, чтобы спинка кресла откидывалась. Спать хотели. А на последнем ряду возле туалета спинки стояли ровно. В стенку и упирались.

Из команды лыжников разбилось шестнадцать парней и две девушки. Всего было двадцать. Не погиб большой молчаливый лыжник или их тренер в синей куртке, у которого была любимая присказка «Ну, понеслась». Выжил и Олег Половцев, летевший с похорон брата. Он сидел на снегу и держал как грудного ребенка левую руку правой. Левую сломал. Журавлёв Николай в чужих ботинках на три размера больше, от души сам себе верил, что потому и не погиб он. В больших ботинках ноги его имели воздушную подушку со всех сторон. Вот! Имел в кармане пальто Николай водку, с новогоднего стола спёртую, и пил её из горла при милиционерах, которые не обращали на него своей строгости и вни-

мания вообще.

Алма – Атинец Юрий Кривцов, прилетевший домой прошлым вечером санитар столичной «скорой», которому на работу надо было срочно с утра, вчера рано, ещё задолго до плохой погоды другим рейсом улетел. Сразу после свадьбы своей на родине невесты. В Семипалатинске. А сейчас встречал молодую жену. На проверке по билетам её он не нашел. Потому бегал обезумевши по взлётке от обломка к обломку и стонал: «Танечка! Танюша!», и наклонялся к каждой лежащей в снегу женщине. Напрасно. Её милиционеры намного раньше не нашли ни живой, ни мёртвой. Видно, порвало на части.

– Таким образом в живых осталось тридцать девять человек. Из них членов экипажа четверо, – подвела итог Галяна. – Ну, и плюс к экипажу один живой проверяющий, летевший из Семипалатинска без билета по служебному удостоверению. Погибло шестьдесят четыре пассажира. То есть из ста трёх человек, летевших в Алма-Ату, насмерть разбились шестьдесят четыре, тридцать девять выжили. Она спрыгнула с порога вылетевшей в степь двери и отдала все билеты командиру милиционеров майору Рычкову. Командир тоже передаст их следствию как и свой рапорт о помощи жертвам крушения. Записку, уточняющую число живых и погибших, Галя отдельно написала майору в тетрадку и вложила в неё пачку билетов.

– Можно расходится, – объявил Рычков. – Всем ходячим

завтра в одиннадцать прибыть для дачи пояснений в седьмой кабинет Горотдела милиции. В пятую больницу поместят всех, кому нужна стационарная помощь, к ним в палаты и к амбулаторным пострадавшим домой с той же целью приедут члены следственной группы. Родственникам погибших, которых можно как обычно похоронить, завтра явиться в морг на опознание. Морг передаст нам его результаты. Остальным утром надлежит прибыть вот сюда же к девяти. Будем пытаться провести опознание по фрагментам тел и личным вещам. Если среди встречающих были не родственники погибших – оповестите родных и близких. Пусть они придут вовремя. Разойтись! – Рычков отдал честь и все медленно ушли и уехали с лётного поля.

Прожектора всё ещё горели и на опустевшей площади крушения почему-то стало страшнее. Серебристый с ржавыми царапинами, чёрными провалами разорванного металла корпус лайнера, желтоватые вмятины нагусто окровавленном снегу, как после боя двух вражеских батальонов усыпанному головами, ногами, кистями рук, ногами от колена и всякими сумочками да портфелями вместо выпавшего из рук оружия. В тихую, мирную, тёплую и лунную январскую посленовогоднюю ночь картина нечаянной и ненужной смерти почти сотни людей смотрелась жутко. Как в злых фантастических зарубежных фильмах, о которых слышали многие граждане СССР. В них потусторонняя колдовская сила с наслаждением убивает беззащитных и невинных.

– Завтра вся диспетчерская группа с Лопатиным, Шарипов и Шувалов со вторым пилотом в десять утра должны быть в кабинете самого Рамазана Оспановича. Все слышали? – сказал помощник начальника Управления гражданской авиации КазССР, который, оказывается, всё время, пока сверялись по билетам кто жив, а кто нет, стоял позади и ждал – когда выпадет и ему минутка, чтобы сообщить то, от чего вряд ли кто из лётчиков и диспетчеров сможет в эту ночь спать.

– Ладно, разбежались, – сказал Шарипов. – Поутру получим большой «пистон» от Рамазана, а там видно будет. Может, замнут историю. Есть шансы.

– Это они у тебя есть, – огрызнулся Шувалов. – Ты дядиными усилиями отмажешься как всегда. У нас дяди Хамита, палочки-выручалочки, нет. Мы – на зону. А ты ползи вперед и вверх по лестнице служебной. Ты ж вон какой умелый да отважный! Будешь начальником Управления. Рамазан Оспаных – не Кощей Бессмертный.

Лопатин попросил у Миши сигарету и взял Байрама за рукав.

– Свидетелей посторонних нет. Тут только свои. Нам смущаться некого. Кости тебе в момент поломаем. А потом доложим, что тебя в самолёте так помяло-искорёжило. Что, ребята, сделаем из этого козла «отбивную»? За то «светлое» будущее, которое он нам обеспечил и за лютую смерть почти семи десятков людей, которую этот подонок лично органи-

зовал. Мы, Боря, сейчас все вместе отметелим тебя до полусмерти. Чтобы даже лекари из «скорой помощи» ахнули. Когда тебя на носилках понесут.

– За козла ответишь, – неуверенно брыкнулся Шарипов.

– Отвечу, – кивнул Лопатин. – За такого козла не стыдно и не боязно от твоих защитничков выговор получить. Или даже пусть меня уволят. Но ты-то козлом и останешься!

Шувалов внимательно всё выслушал и улыбнулся.

– Ты, Байрам, перед полётом, когда всех нас на хрен послал, что обещал? Что напишешь Начальнику управления рапорт. Там ты скажешь, что независимо от запретов на вылет от Лопатина и семипалатинского диспетчера и также от их начальника управления полётами Ширяева, ты взял полностью всю ответственность на себя и приказы начальства своей властью отменил, принял на себя командование. А власти, кстати, у тебя на борту семь пять один пять восемь вообще не было. Ты, Боря, простой пассажир, как те, кого недавно на куски порвало.

– А после всего случившегося добавишь туда же, что как начальник лётного отдела Управления отстранил меня от законной командирской должности вне кабинета, не имея на это полномочий, второго пилота вообще заставил уйти в салон и сам, игнорируя указания Лопатина и диспетчера, управлял самолётом. Хотя твои лётные документы давно просрочены и уже не годятся. Сам принял решение совершить посадку при крайне опасных условиях, сам её непра-

вильно начал делать, струсил и сбежал в самый критический момент, а потому основную вину за крушение и гибель пассажиров да части экипажа берёшь на себя.

– Обещал – напишу, – Шарипов легонько стукнул себя в грудь.

– Ну, так и пошли сейчас в диспетчерскую. Там и бумаги полно, и ручку дам лично свою, – Шувалов прихватил Байрама за каракулевый воротник дорогого пальто.

– Я в своём кабинете завтра напишу, – Шарипов дёрнулся, но вырваться не смог.

– Когда? – крикнул Володя Горюнов, второй пилот. – В десять мы уже стоим и плачем на ковре у Главного. Это раз! А два – это хрен ты напишешь, как Миша сказал. Он сказал правду. А ты соврёшь. И втихаря придёшь пораньше да через дядю своего Хамита рапорт Рамазану передашь. Что самовольно ответственность за вылет на себя взял – это доложишь. За это не уволят. А что меня с работы выгнал, вряд ли напишешь. Как ты без права управлять «ИЛ-18» сел за штурвал – тоже попустишь. И о том, как командира Шувалова своим помощником назначил и в конце распорядился, что сам сажать машину будешь – этого не будет в рапорте. Гарантирую. Потому, что ты трус, Шарипов, и подлец. Имей в виду – никто тут тебя не боится, хоть ты и «тузик» из Управления.

– Леру Пашенину, кассиршу, помнишь? – не отпуская воротника продолжил тему Миша. – В прошлом году ты её из-

насиловал. На вечеринке у Зарубина. День рождения его отмечали. Так об изнасиловании все наши знают. Она многим в порту рассказала. И она же написала заявление в милицию, но его там «замяли». Кто помог тебя «прикрыть»? Дядя Хамит или тот старший следователь Мухин, которого дорого «купил» твой же дядя? Ну, а мы сейчас сделаем так, что Лера ещё одно заявление напишет. И у нас сейчас есть свой человек в ЦК компартии КазССР. Большой человек. И теперь заявление не пропадёт, а пойдёт в работу. Точно. Результаты экспертизы в оригинале у Леры есть, а срока давности у такого преступления нет. И ты сядешь на «пятнашку» лет. Там и помрёшь. Насильники на зоне долго не живут.

– А про меня разговор отдельный, – добавил Лопатин и аккуратно снял Мишину пятерню с воротника шариповского пальто. – Для меня ты командир здесь, когда ты сам на земле. А когда взлетел в воздух пассажиром или пилотом, ты в моём подчинении. И не имеешь по закону права отменить моё решение или команду. Нарушение пункта девять второго раздела правил эксплуатации воздушного транспорта гражданской авиации. Если я напишу рапорт, то дядя твой не поможет. Рамазан Оспанович знает, что дело это подсудное и замять не получится. Минимум – ты слетаешь с работы. Максимум – идёшь в суд и получаешь...

– Э! – махнул рукой Шувалов. – Нас всех посадят за эту катастрофу. И его тоже. Поэтому такой рапорт-признание в том, что трагедия произошла по его вине, это уже серьёзная

бумага для суда. Короче – пошли. Напишешь сейчас, как было. Иначе выпадешь сегодня ночью пьяным в стельку с третьего этажа диспетчерской. На бетонную отмостку. Похороны я оплачу. И поминки. А водки у нас с нового года три пузырья в заначке осталось. Свяжем, вольём в тебя литр. Потом развяжем и ты из окна выпадешь. Сядешь в открытом окошке на узенький подоконник покурить и ку-ку. Верись мне, Боря?

Шарипов выматерился, плюнул под ноги Шувалову, поглядел злобно на молчащих стюардесс и прохрипел.

– Ну, вы и суки. Ладно. Напишу под твою, Мишка, диктовку. Но если всё обойдётся без крутых мер и суда, то вам всем тут не работать.

– Детишек в нашем аэропортовском садике пугай. Младшую группу, – Лопатин подтолкнул Шарипова в спину и через двадцать минут Байрам уже писал рапорт, оглядываясь на Шувалова и шепча что-то на татарском. Направление его мыслей и невнятного лепета угадали все, не зная татарского.

Миша взял исписанную с двух сторон бумагу и бережно уложил лист в отдельную папку, потом запер в сейф.

– Я через канцелярию завтра в девять сам передам. Чтобы пронумеровали и рапорт потом случайно никуда не делся.

После всего этого необычного мероприятия стюардессы ушли, а весь состав диспетчеров, Лопатин, командир бывшего «ИЛ-18» и второй пилот, да и Шарипов, остались. Миша разлил всем водку. Молча выпили. Помянули погибших.

– Лучше бы я сам умер до полёта. Как теперь мне с таким грехом? – Лопатин надел шапку и ушел. Даже до свиданья не сказал.

Ну, мужики, не чокаясь выпили ещё по сто пятьдесят и тоже молча разошлись.

Лопатин Александр Максимович пришел домой и сел, не раздеваясь на кухне у окна. Закурил.

– Что? – вошла и села напротив жена Надя. – Печень опять прихватило? Что ел? Жирное? Сколько я говорила вашей стюардессе Галине, чтоб тебе даже курицу жирную не носила! Нет, не слушает! А с тебя какой спрос? У тебя в голове облака, взлётная полоса да качество горючего.

– Мы разбились, Надя, – Лопатин опустил голову и стучал тихонько по столу пальцем. – Шуваловский самолёт в ключья разодрало на нашей полосе. Мишка выжил, Вова Горюнов, две стюардессы. И Шарипов. Проверяющим летел, домой спешил, а погода – то страшная, нелётная. Сесть у нас нельзя было. Я категорически взлёт из Семипалатинска и посадку у нас запретил. Так Шарипов плюнул на меня, на Мишку и скомандовал лететь. Ну, а мы, идиоты, трусили. Кроме четверых из экипажа ещё тридцать пять пассажиров живы. Шарипов – тридцать пятый. А шестьдесят четыре – всё! На-смерть. Многих даже опознать не получится. Порвало. Я был на месте. Страшно смотреть.

– О-о-о! – простонала жена. – Что будет теперь?

– Я – главный виновный. Шарипов своё получит, конеч-

но. Но основная вина на мне. Суд и срок большой. Сыну позвони. Пусть Алёшка сейчас приедет. Завтра можем не увидаться. После разбора у Главного могут арестовать сразу и задержать на время следствия. Убийство двух и более лиц группой. Тяжелая статья. Отягчающие обстоятельства. Я и пост оставил, и убийство вышло из-за моей трусости перед Шариповым. Вот же...

Байрам открыл дверь своим ключом. Анель спала в розовой ночнушке под пуховым одеялом и во сне улыбалась. Он сел к телефону и позвонил дяде Хамиту. Брат отца не спал. Знал, видно, что Байрам позвонит. О катастрофе ему сообщили сразу же.

– Дядя Хамит, – произнёс Байрам жалобно, когда сняли трубку.

– Ты, Барашек, прости старика, – тихо сказал дядя Хамит. – Не хотел тебе говорить до праздника. Я ведь больше у вас не работаю. Сняли меня за неделю перед новым годом. Официальная формулировка проверки свирепая – «злоупотребление служебным положением». Комиссия месяц работала. Кто-то из наших в ЦК партии написал жалобу на меня. Факты подтвердились, мать иху так! Ну, тебе не совру – были дела. Мухлевал и с горючкой и запчастями. Денег взятками поимел – не буду уточнять. Хорошо – без суда обошлось. Рамазан заступился. Теперь уеду на родину. В Казань. Младший наш братик Ришат договорился, что возьмут меня на-

чальником лётного отдела. Ты сейчас на этой должности сидишь. Так что, никто меня здесь теперь и слушать не будет. Извини, дорогой.

И дядя спокойно опустил трубку на рычаги.

Шарипов закурил. Поглядел на спящую красавицу Анель, выбросил почти целую сигарету, взялся руками за голову и так просидел до утра. Без мыслей о надежде. Вообще без мыслей.

Глава семнадцатая, заключительная

– Да ладно! Ты серьезно это мне втохиваешь? В газете ничего не было. Ни строчки. Я каждый день городскую читаю, вечернюю. Ну, не пишут об этом у нас. И по телевизору не показывают. Мы же – СССР. А в мире счастья этого быть не может. Только радости... – Альбина Руслановна Соболева пила на кухне чай с пирожными «суфле», отвечала по телефону подруге и слушала по маленькому радиоприёмнику кухонному песни советских композиторов. Муж Толя Соболев, подполковник, который работал заместителем «кума» городской алма-атинской тюрьмы, в данный момент пил пятую бутылку пива, волнуясь за сборную КазССР по хоккею с мячом. Собственно, волноваться не стоило. Сборная «драла» всех подряд и в Союзе чемпиончила давно, и заслуженно. Так что пиво под такую игру шло особенно гладко, мягко, вкусно и полезно.

– Это Катерина Попова мозги тебе опять трёт? – крикнул Толя на кухню. – Снова, наверное, про то, что в этом году модно будет ходить в кримплене и ворсолане? Дура! А ты не слушай. Ходи в шелках. Вечная мода и классическая классика!

Жена Альбина бросила трубку рядом с телефоном возле

трёх временно оставшихся пирожных и вышла к креслу, где ловил кайф от хоккея и пива «жигулёвского» гроза заключённых подполковник Толя.

– Напряги мозг. От брата твоего летели мы с новогодней вашей пьянки второго января из Семипалатинска? Помнишь? Или с похмела этот факт пропустил?

– Летели, да не улетели. Только третьего числа нашему рейсу взлёт дали. Нелётная же была. Ураган вроде. А чего такое? С какой радости вспомнила? – офицер глотнул побольше и повернул лицо к подруге жизни.

– Помнишь – человек пятьдесят с отложенных рейсов с боем пробивались в «Ил-18», которому лететь разрешили? Милиция ещё прибежала, кое-как нас из самолёта вытурила. Мы ещё со всеми там перелаялись. Тебя и других трёх идиотов чуть в отделение за нецензурщину и мелкое хулиганство не загребли. Но всех нас через полчаса выгнали-таки, а «Ил-18» всё ж улетел.

– И чё? – Толя отвернулся и глотнул из горла. – Ну, на полдня позже мы домой прилетели. Не через год же. Тогда бы меня уволили. И тебя из уборщиц попёрли бы.

– Я не уборщица, дурак Толик, – мягко поправила его Альбина. – Я начальник Ленинского райкоммунхоза. Да, мы убираем, чистим город в пределах нашего района. Но я тебе хотела передать, что Катька узнала от мужа. Он не зеков конченных перевоспитывает, а руководит оперативным отделом в городской милиции. Так он сказал, что ночью со вто-

рого на третье разбился в нашем аэропорту «Ил-18». Триста седьмой рейс. А мы-то как раз ломались тогда на триста седьмой. Вот нас выгнали, не взяли. И потому я ем сейчас пирожное и слушаю Эдуарда Хиля с Шульженко Клавдией. А ты в тапках «ящик» глазами дырявишь и пузо наращиваешь пивом своим.

– Ну, я вообще везучий, – подполковник потянулся. – Вон две больших звезды имею. Форма красивая. А мог бы сам до сих пор «зону» топтать за то, что с дружкой Колей лет восемь назад угнал «москвич» новенький от Универмага. Хорошо, что мы его бросили по дороге на Медео и нас не нашли. А то, что самолёт грохнулся – жалко. С другой стороны – лежали бы и мы сейчас на два метра вглубь. Надо Серёге Кублову позвонить. Обрадовать. Они же с Танькой тоже праздновали с нами у Витьки в Семипалатинске, и на триста седьмой рейс с нами лезли внахалку. Им, блин, тоже повезло. Хотя Танька, например, этого не заслуживает. Дура набитая и Серёгу ревнует даже к мухам и воронам.

– А в газетах ничего не было про катастрофу. И по радио не передавали, – Альбина вздохнула. – Вот же как повезло нам. Есть в жизни счастье. Но не для всех. Те, с триста седьмого рейса, уже отсутствуют в жизни и не светит им счастье. Разве что – если в рай попали. А нас тогда погнали, так ведь, считай, полсотни человек осчастливили милиционеры. Жизнь спасли.

– У людей горе, а ты тут юморишь, дура, – прикрикнул

подполковник. – Зажралась, блин. Краёв не видишь. Иди лучше жри пирожные под музыку советских композиторов. Это хоть и не большое счастье, но получше, чем дворниками командовать. Иди, дурёха бездушная. Людей-то жалко! А радоваться, что кусаем пирожное с кремом и пиво хряпаем, когда столько народа на тот свет ушло при полном мире и расцвете социализма – это грех. И не хвастайся никому! А то накличешь на себя проклятье от боженьки и захвораешь болячкой неизлечимой.

Так приятно начался день чудом спасённых равнодушной вообще-то судьбой рядовых граждан. Примерно так же, наверное, как и у всех, кого выгнали в ту послепраздничную ночь из салона лайнера, обречённого на кончину свою и гибель многих, кого, конечно, надо было бы оставить жить.

Следствие шло долго. Два месяца. Суд смущало то, что сажать, если, конечно, по совести, надо было только одного. Шарипова. Но совесть – понятие, когда-то умниками удачно вымышленное. Про неё не написано даже в Уголовном кодексе. Как будто никакой роли она или её отсутствие в преступлениях не исполняет. Главное – есть умело придуманный Закон. А в нём уместилась тьма подзаконов, пунктиков к ним и подпунктиков. Части вторые и пятые раздела первого. Пункты от первого до сорок пятого восьмой части шестого параграфа. Да к ним ещё пояснений штук сто. А по законам требуется на совесть не коситься и в расчёт её не брать.

Зачем тогда будут нужны законы?

Тупым в юриспруденции натурально так хочется: «Осуждай по совести, да и всё!» Но тогда целую большую толпу карающего и милующего особого народа – юристов, надо будет аккуратно, без обид переквалифицировать и направить строить необходимые родной стране Советов железнодорожные магистрали в Сибири, ГЭС, ГРЭС, многоэтажные дома и Дворцы культуры, разбивать парки и скверы. А народ, повинных судящий и защищающий, имеет высшее юридическое. И тогда нестыкуха будет. Не по профилю пойдёт их труд и много денег государственных пропадёт, уже выплаченных юристам в виде стипендий и зарплат неплохих, да адвокатских гонораров от подозреваемых.

Поэтому коллеги Фемиды кроме виновных находят в каждом деле ещё и просто виноватых, почти виноватых и тех, кто всем им позволил обзавестись этими пороками. Вот кто ухитрился отвернуться и посмотреть в окно на природу, и в эту секунду пропустить не виноватого к виновности, тот будет тоже повинен. И тоже имеет право получить если уж не реальный срок «на зоне», то хотя бы условный. В самом безнадёжном случае, когда и условно осудить тоже не выгорает – увольняют с ответственных работ или отстраняют от любых других. То есть Фемида как, например, ГАИшник. Он ведь всегда водилу оштрафует, если его машина ему «понравилась» и он тебя уже остановил. Вариантов, чтобы оштрафовать – миллиарды.

В описанной истории изменены только фамилии и бортовой номер самолёта. Некоторые второстепенные участники полёта придуманы для раскраски повествования. Остальное реально произошло ночью со второго на третье января тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рядом с посадочной полосой аэродрома Алма-Аты.

Сколько написано – столько и погибло. Сколько написано – столько выжило. И довёл полёт до катастрофы, если разобрать событие по совести, один человек. Шарипов. Остальные трусили и ему, начальнику из Главного управления, всё же подчинились. Шарипов, правда сам тоже трусил в самый тяжкий момент. Но до этого его долго нёс поверх голов народа, который рангом ниже, сметая всех и всё на пути, дикий необъезженный конь – гордыня. В простонародии – понт. Ну, трусил он, когда понял, что гробит самолёт и убивает людей. И трусливо сбежал, изобразив потерю сознания. Так в уголовном кодексе и такой статьи – «трусость» тоже нет. Поэтому его и остальных судили по тем статьям, которые есть. Их много в УК. Нашли для каждого. Лопатин сел на десять лет. Шувалов и Горюнов на восемь. Диспетчер Женья по инструкции подчинялся приказам Лопатина, поэтому дали ему всего три. Элегантнее всех «пострадал» Шарипов, главный наш антигерой.

За всё, что он наворотил своим понтом и трусостью, чем действительно сильно поспособствовал исчезновению доро-

того самолёта и бесценных шестидесяти четырёх жизней, сел Байрам Каримович на целую вечность, на семь лет.

В квартире его, пока он месил бетон «на зоне», жила новенькая жена, прекрасная Анель. Ей он перед арестом оставил сберегательную книжку на предъявителя и много своих фотографий. Чтобы хоть так он был с ней рядом. Но ведь тоже ощутимо пострадала и она, молодая, красивая, любимая жена, удачно для себя заменившая прежнюю и двух детей сразу. Без любимого мужа после приговора осталась Анель одинокой почти навечно. Страдала несказанно тяжело замечательная Анель, к которой Байрам Шарипов и нёсся, поднимая под себя всех.

К ней, несравненной, в ту трагическую ночь рвался он с небес сквозь туман и ураган, плюнув на всех, кто понимает – когда летать можно, а когда ни в коем случае. Он месил «на зоне» бетон и страдал от того, что молоденькая красавица жена хоть и временно, но почти овдовела. Хотя жила она в одиночку почти сносно, однако всё же очень однообразно.

То Игорь – артист забежит до утра, то Коля, то Алёша, то Серёжа или Евгений.

Потом опять Игорь...